

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Философский факультет

на правах рукописи

Сегал Александр Петрович

Генезис и структура обыденного сознания

Специальность 09.00.11 - социальная философия

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель –
доктор философских наук, профессор
Момджян Карен Хачикович

Москва, 2014

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Структура обыденного сознания	19
§1. Проблемное поле исследования обыденного сознания	19
§2. Репрезентация сознания в процессе логического рассмотрения общества.....	31
§3. Сознание, рассмотренное само по себе; сущность сознания как «малый виток спирали»	74
§4. От структуры сознания к структуре обыденного сознания.....	86
Глава 2. Генезис обыденного сознания	102
§1. Начало (исторические предпосылки) и древнейшие формы сознания и обыденного сознания.....	104
§2. Этапы и формы разложения общины и общинного сознания.....	115
§3. Формирование буржуазного сознания - «золотой век» обыденного сознания и начало деградации.....	133
§4 Особенности генезиса современных форм обыденного сознания и представлений о нем.....	142
Заключение	159
Библиография	166

Введение

Актуальность темы исследования

Интерес философов к теме обыденного сознания, концептуально сформулированный Гегелем, а по существу – еще Кузанцем, по большому счету, никогда не затухал. Скорее напротив: он, словно Гераклитов огонь, всякий раз возгорался по мере того, как общество видело впереди когнитивный тупик – иногда реальный, но чаще мнимый. Вот и в последнее время обыденное сознание вновь вызывает возрастающий интерес исследователей. Этот интерес порожден, на наш взгляд, несколькими причинами.

Во-первых, *накоплен значительный эмпирический материал*, свидетельствующий о чрезвычайно высокой внушаемости носителей обыденного сознания (финансовые «пирамиды», секты, массовые паломничества, «изгнание дьявола» и поклонение реликвиям, магия, астрология и т. п.). Интерпретации этих феноменов, предлагавшиеся прессой и политологами, крайне неудовлетворительны. Становится ясно, что внушаемость – отнюдь не результат «идеологического давления КПСС», не следствие «железного занавеса» и т. д. Явления, подобные МММ, с удивительным постоянством повторяются и на Западе, в среде родившихся и выросших при капитализме. И свободный рынок вполне уживается с *манипуляцией общественным мнением*, а иногда и напрямую ее стимулирует.

Во-вторых, как следствие, обыденность, «ближний круг», сфера повседневной жизни и общения, социальные сети непосредственно *включаются в сферу мирового хозяйства*. Повседневное потребительское поведение становится *объектом регулирования* со стороны производителей и финансово-кредитного капитала. Особенно заметным это стало с развитием избыточного кредитного стимулирования потребительского рынка, заложенного еще отцами «рейганомики», подтолкнувшего товарный мир к кризису т. н. «экономики мыльных пузырей»¹.

¹ Как экономическое понятие это выражение попало в русский язык из англоязычной экономической лексики: bubble ecomoty – экономика мыльного пузыря. В экономике «мыльный пузырь» – это разница

В арсенал манипуляции массовым сознанием вошли такие приемы, как непосредственное обращение к обывателю, обработка общественного мнения с помощью СМИ и симуляция самого общественного мнения². Эти приемы призваны *создать иллюзию* участия в решениях, касающихся жизни всего общества.

В-третьих, массовая культура, особенно поп-музыка, телевидение, кинематограф и развивающаяся индустрия компьютерных игр, стали инструментом формирования «*другой реальности*». Это косвенная и прямая фальсификация истории, формирование «информационной повестки дня» и т. п. В итоге наблюдается *изменение форм и содержания* коммуникаций с общей устойчивой тенденцией к примитивизации, профанным формам, алогичности и ложному содержанию.

Как следствие, возникла потребность *осмысления* этих феноменов – в первую очередь, конечно, потребность практического характера. Общество нуждается в рефлексии. Необходимо понять, *как* одним группам общества удается манипулировать другими. Правда, разные группы подразумевают *разные* познавательные *цели*. Те, *кто* (или в чьих интересах) манипулирует массовым сознанием, желали бы вычленить и описать инвариантные методы своей эмпирической деятельности и осознать алгоритмы, чтобы подвести теоретическую базу под «гуманитарные», а на деле технократические и манипуляционные технологии. Те, *кем* манипулируют, стремятся защититься от попыток «взлома сознания».

Параллельно повседневность стала привлекать внимание бизнеса. Появились проекты, основанные, например, на прикладном использовании социологической парадигмы *этнометодологии*³.

Постепенно стало выкристаллизовываться и стремление к более глубокому *теоретическому пониманию* обыденного сознания. Однако, в силу достижения

между фундаментальной (базовой) ценой и фактической (равновесной) ценой актива.

URL: <http://dictionary-economics.ru/word/Пузырь>

² См.: Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. – М.: Socio-Logos, 1997. – 317 с.

³ См.: Гарфинкель Гарольд. Исследование привычных оснований повседневных действий. // Социологическое обозрение. Том 2. № 1. 2002. С. 41-69; Гарфинкель Гарольд. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий. // Социологическое обозрение. Том 8. №1. 2009. С. 10-51.

как предметом, так и процессом исследования определенной – не самой высокой – ступени развития, исследовательские работы в этом направлении носят в основном описательный характер. В то же время мы имеем многовековую гуманистическую традицию «ученого незнания», противопоставления здравого смысла схоластике. В «перестроечные» годы она стала основой для критики советской экономической системы. Так, академик Н.П. Шмелев заявлял: «Хочу заметить, что для меня взгляд обывателя — это самый здоровый взгляд»⁴. Однако сегодня эта традиция используется – чаще по недомыслию, но весьма часто и намеренно – в борьбе против фундаментальной науки и в целях апологии самодовольного воинствующего обыденного сознания.

Степень разработанности темы

В среде исследователей, наряду с обостренным вниманием к актуальности, существует любопытная тенденция к «состариванию» темы и/или предмета исследования. Безусловно, попытка начать «ab ovo» дает шанс исследователю выглядеть солиднее. Однако всегда следует помнить о разумных ограничениях при «опрокидывании» в прошлое современных представлений. Если мы изучаем генезис, становление предмета, то следует предположить, что предмет этот в какой-то момент *возник*, претерпел *становление и развитие*, прежде чем стать тем, что он есть сейчас. Поэтому вряд ли правильно утверждать, например, что истоки исследования *обыденного сознания* восходят к античности, к диалогам Сократа и Платона, к произведениям Аристотеля и исканиям софистов. Для античности характерна постановка вопроса о философе и толпе (Платон, Аристотель), об идеальном государстве и идее блага. Именно в ходе размышлений на эти темы можно наблюдать *первичную* рефлекссию философов по поводу процесса, который мы – но уже *с позиций нашего времени* – можем определить как *возникновение* обыденного сознания.

Проблема толкования и разъяснения текстов Священного Писания и Священного Предания в средневековой теологии привело к размышлению о соотно-

⁴ Литературная газета. 1989. 26 июля.

шении сакрального и профанного, веры и истины – и о специфике их восприятия. С точки зрения современных трактовок обыденного сознания можно найти много интересных размышлений у Альберта Великого, Блаженного Августина, Иоанна Дунса Скотта, Франциска Ассизского.

Эпоха Возрождения породила гуманистическую традицию противопоставления «ученого незнания» схоластике (Николай Кузанский, Эразм Роттердамский). Однако сложность и неоднозначность отношения авторов к процессам становления философии «здравого смысла» очевидна. В этом контексте наиболее показательны «Похвала Глупости» Эразма Роттердамского (1469–1536), «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле (1494–1553)⁵ и «Корабль дураков» Себастьяна Бранта (1458–1521), полные иносказаний и двусмысленностей, отражающих сложности и неоднозначности рефлексивных оценок времени позднего Средневековья и Ренессанса.

Идеология здравого смысла, апологетика обыденности, повседневности получила практическую реализацию в эпоху Реформации и нашла отражение в трудах Лютера, Кальвина, Цвингли, а в период Нового времени – у Галилея, Бэкона, Декарта, Гоббса, Локка, Руссо и других просветителей. С тех пор интерес к обыденному сознанию проявляли и проявляют представители различных философских школ и направлений.

Особое место в исследовании обыденного сознания, безусловно, принадлежит основателю шотландской школы «здравого смысла» Т. Риду и его последователям. Т. Рид истолковывает обыденное сознание с точки зрения натурфилософии и метафизики как совокупность первичных и не опровергаемых разумом основоположений *здравого смысла*.

Надо сказать, что за двести с небольшим лет, прошедшие от времени Ренессанса до расцвета классической философии в Германии, отношение к обыденному сознанию существенно поменялось. Если мыслители Возрождения относились к нему с явной симпатией и определенной надеждой, то представители немецкой

⁵ См.: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 541 с.

классической философии обыденное сознание не жаловали. Пожалуй, наиболее нейтрален был Кант, коснувшийся проблематики обыденного сознания в учении о трансцендентальном единстве апперцепции, но не выделявший *специально* само обыденное сознание. Гегель же, напротив, уделил ему весьма пристальное внимание – как в «Науке логики», так и в «Феноменологии духа». Он отводил обыденному сознанию второстепенную роль, считая его отнюдь не совершенным, «промежуточным» звеном между непосредственным восприятием и разумом.

Длительное время, примерно до середины 60-х годов XX века, обыденным сознанием занимались преимущественно представители различных направлений западно-европейской философии: экзистенциализма (А. Камю, Ж.П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс)⁶, лингвистического позитивизма (Л. Витгенштейн, Дж.Э. Мур)⁷, феноменологии (Э. Гуссерль)⁸, американского прагматизма (У. Джеймс, Д. Дьюи)⁹.

Тема получила развитие в работах представителей философско-антропологического направления: М. Шеллера, А. Гелена, Г. Плеснера – в Германии, М. Фуко – во Франции, а также представителей психоанализа и педагогической антропологии: З. Фрейда, К. Юнга, Э. Берна, Э. Фромма, М. Лидтке, Г. Кунца, К. Мюллера и Н. Миллера и др. Они рассматривали соотношение обыденного и биосоциального, обыденного сознания и теоретического сознания как привносимого в природу человека. Они исследовали границы предметного овладения миром (Г. Плеснер), духовность и витальность (А. Гелен), разрабатывали концепцию «искусства самосуществования» (М. Фуко), «интегральную педагогическую антропологию». Они пробовали использовать обыденное сознание в обу-

⁶ Сартр Ж.П. Стена. М., 1992; Камю А. Сочинения. М., 1989; Камю А. Бунтующий человек. М., 1990; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991; Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1973; Хайдеггер М. Человек в мире. М., 1990.

⁷ Витгенштейн Л. О достоверности. Вопросы философии. 1984, № 8; Витгенштейн Л. Лекция об этике. Историко-философский ежегодник. М., 1989; Мур Дж.Э. Принципы этики. М., 1984.

⁸ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. Вопросы философии. 1986, № 3.

⁹ Джеймс (Джемс) У. Многообразие религиозного опыта. СПб, 1993; Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. М., 1915; Dewey D. Problems of Men. N.Y. 1946.

чении (М. Лидтке), определяя через него психоаналитическую психологию (Г. Кунц), «габитус» (А. Мосс и П. Бурдьё).

Затрагивает эту проблему и Н. Миллер в своей теории социального научения. Он рассматривает «эмпирически-теоретическое знание», соотношение знания (эмпирического, с одной стороны, и нормативного, с другой), когнитивного языка и морали.

Французский структурализм изучает мифологию обыденной жизни. Этому посвящены работы Р. Барта и «архивистские» исследования М. Фуко¹⁰.

Работы историков школы «Анналов», в особенности исторические труды Ф. Броделя о структурах обыденной жизни, в существенной мере способствовали разработке данной проблематики¹¹. Уже упоминавшийся Г. Гарфинкель разработал подробную методику прикладного использования социологической парадигмы *этнометодологии* для исследований и, что важно, для построения межличностных взаимодействий в *повседневной* функционирующей корпоративной среде¹².

Проблемы повседневности активно исследовались в работах западноевропейских марксистов А. Лефевра, К. Косика, А. Хеллера, Т. Лейтхойзера¹³.

Безусловный интерес представляют идеи Э. Гуссерля и А. Шюца о «жизненном мире»; Ю. Хабермаса – о различных рациональностях, соотносящихся с коммуникативной рациональностью; П. Фейерабенда – о равноправии науки, религии, мифа, магии в их претензиях на рациональность; Б. Ванденфельса – о повседневной рациональности; об обусловленности познания социальностью – в социальной когнитологии и социологии знания (Д. Бандура, Г. Коллинс, У. Куайн).

¹⁰ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1988; Барт Р. Мифологии. М., 1996; Фуко М. Герменевтика субъекта. – М.: Прогресс, 1991.

¹¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986; Бродель Ф. Игры обмена. М., 1988; Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

¹² См.: Гарфинкель Гарольд. Исследование привычных оснований повседневных действий. // Социологическое обозрение. - 2002. - Том 2, № 1. - С. 41-69; Гарфинкель Гарольд. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий. // Социологическое обозрение. - 2009. - Том 8, №1. - С. 10-51.

¹³ См.: Андерсон П. Размышления о западном марксизме. – М.: Интер-Версо, 1991.

В их работах важно признание сферы обыденного опыта: физического труда, повседневности, быта как когнитивных подсистем, влияющих на человека, на формирование его сознания и познания. Важно также понимание «рациональности», привнесенное М. Вебером, К. Манхеймом, и «номинации» П. Бурдьё.

В русской философии обыденным сознанием занимались Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, причем их концепции имели преимущественно религиозно-философский характер.

Интересен вклад в разработку теоретических и методологических оснований изучения обыденного сознания современных отечественных философов: Н.С. Автономовой, Г.С. Батищева, Л.С. Выготского, А.Ф. Грязнова, Э.В. Ильенкова, В.А. Лекторского, А.Н. Леонтьева, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзона, А.М. Коршунова, М.К. Мамардашвили, В.В. Миронова, Н.В. Мотрошиловой, А.Л. Никифорова, Ю.К. Плетникова, А.Г. Спиркина, В.Л. Рабиновича, Э.Ю. Соловьева, В.И. Толстых, В.Г. Федотовой и др. Они рассматривали и рассматривают проблему статуса и типологии знания, познавательного богатства производственных и политических практик, порожденных в непознавательной деятельности, а также магий, мифов, естественного языка, ритуала и т. д.

В социологии знания следует отметить работы Б.А. Грушина, В.М. Вороны, Ю.М. Каныгина, В.М. Сергеева. Названные философы и социологи рассматривали «контекст», «среду» обыденного сознания и сопутствующие ему явления. Чрезвычайно интересны исследования психологии обыденного сознания, осуществленные уже упоминавшейся Е.В. Улыбиной¹⁴.

В работах недавно ушедшего из жизни В.А. Вазюлина, на концепцию которого мы в значительной мере опираемся, дано глубокое понимание соотношения знания и сознания как двух сторон – внешней и внутренней – сознания в широком смысле. Там же получило развитие представление о соотношении степени развития личности и осознания ею общественного целого. Кроме того, в концепции этого исследователя *история* общества представлена как процесс выхода челове-

¹⁴ Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.

ка из природной «оболочки» и формирования *социального* – собственно человеческой сущности.

Интересны результаты исследования связи обыденного сознания с научным в работах Г.А. Кузьменко, В.В. Миронова, В.С. Швырева, В.А. Штоффа¹⁵. Гносеологические характеристики обыденного сознания даны в работах Е.И. Кукушкиной, Г.Г. Кириленко, Л.Б. Логуновой, Е.И. Старикова¹⁶.

Содержание обыденного сознания, его структура и функции рассмотрены в работах И.В. Бухановой, Е.И. Кукушкиной, В.В. Лобаса и др. Связь обыденного сознания и мировоззрения затронуты в работах В.М. Сабировой, В.С. Гусева, Б.Я. Пукшанского, М.Г. Румянцевой, В.А. Рындина, В.А. Черняк. О маргинализации как результате изменения в условиях существования и в сознании писал Е.И. Стариков, взаимосвязь обыденного сознания и философии изучали И.Т. Касавин, Т.И. Кузьмин.

В отечественной и зарубежной философской литературе создан серьезный базис, опираясь на который можно вести дальнейшее исследование обыденного сознания. Однако следует указать также и на некоторые *нерешенные проблемы* современных исследований этого предмета, формирующие его **проблемное поле**, которое мы рассмотрим в первом параграфе первой главы.

Здесь лишь отметим, что сложившееся в исследовательской среде «средне-взвешенное» понимание обыденного сознания по преимуществу в рамках оппозиционной пары «обыденное–теоретическое» является закономерным результатом *анализа* обыденного сознания и достаточно адекватно отражает структуру сознания, взятую как таковую. Однако оно не охватывает всего многообразия подходов к обыденному сознанию. Как справедливо отмечал А. Шюц, обыденное со-

¹⁵ Кузьменко Г.А. О единстве и различии обыденного и научного сознания. Ташкент, 1972, вып. 426; Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М., 1984; Штофф В.А. Введение в методологию научного познания. Л., 1972; Миронов В.В. О соотношении идеологий, общественной психологии и общественного сознания. Психологический журнал. 1987., № 4; Миронов В.В. Диалектика обыденного и научного знания. Философские науки. 1980, № 4.

¹⁶ Кукушкина Е.И. Познание, язык, культура. М., 1984; Кириленко Г.Г. Обыденное сознание и творческое отношение к миру. Диалектика и теория творчества. М., 1988.

знание «так же, как и наука, включает мыслительные конструкции, синтез, обобщение, формализацию»¹⁷. Легко можно описать ситуации, в которых названный подход оказывается недостаточным: в первую очередь это так называемые профессиональные девиации, когда носитель теоретического сознания в определенные моменты теряет возможность и/или способность концептуального описания объектов и критической оценки собственного знания о них. В этой ситуации приходится признать «раздвоенность» индивидуального сознания, выступающего в отношении разных объектов как разные стороны «базовой» оппозиции. То же касается и общественного сознания, фрагментированного «порабощающим разделением труда»¹⁸. Таким образом, смысловая пара данной оппозиции оказывается контрарной, сопоставляемой, а не контрадикторной, противопоставляемой, что необходимо, но не достаточно для решения исследовательских задач, связанных с обыденным сознанием. Кроме того, эта пара сопоставляет по преимуществу теоретическое и обыденное *знание*, о чем будет сказано ниже.

Исходя из этого, мы предприняли попытку рассмотреть обыденное сознание в несколько иной плоскости, что не отрицает общепринятой точки зрения, а скорее дополняет ее.

Практика коммуникативистики показывает, что в решении прикладных задач часто возникает вопрос о проведении водораздела между проактивными и интерактивными коммуникациями, и водораздел этот проходит по границе субъект-объектных и субъект-субъектных отношений; иными словами, между знанием субъекта о других людях и сознанием взаимоотношений с ними. Поэтому существенно важным критерием при определении границ обыденного сознания мы считаем способность (или неспособность) к *рефлексии*.

Заметим, что несколько лет назад уже была предпринята весьма интересная попытка исследования в этом направлении, однако там рассматривалась рефлексия, которая, по убеждению автора, «по своей природе является отрицающей дея-

¹⁷ Щюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках [Текст] / А. Щюц // Американская социологическая мысль: сб. научных работ. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 481-496.

¹⁸ Маркс К. Критика Готской программы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. – Т.19. – С. 20.

тельностью... расщепляет все на противоположности и удерживает их в изолированности»¹⁹, то есть, по сути дела, это был описанный Гегелем «рефлектирующий рассудок»²⁰. По нашему же мнению, следует продолжить движение в этом направлении и попытаться увидеть границу обыденного сознания не так, как ее видит в своей рефлексии «абстрагирующий и, стало быть, разделяющий рассудок, который упорствует в своих делениях», а через «разумную рефлексию», выходящую «за пределы... разделяющих определений» и видящую противоречие, которое «как раз и есть возвышение разума над ограниченностью рассудка и ее устранение»²¹.

Объект и предмет исследования

Объект исследования – индивидуальное и общественное сознание.

Предмет исследования – обыденное сознание как ступень становления и как структурный элемент индивидуального и общественного сознания

Цель и задачи исследования

Цель данного исследования состоит в систематизации социально-философских подходов к изучению обыденного сознания: переходе к системному разворачиванию и выделению структурного инварианта и новых структурных свойств обыденности, характерных для современного этапа развития общества.

Для достижения этой цели формулируются и решаются следующие исследовательские *задачи*:

1. Рассмотреть структуру сознания и место обыденного сознания в структуре сознания.
2. Рассмотреть структуру обыденного сознания, соотношение обыденного сознания и обыденного знания.

¹⁹ Путилин А.И. Социальные функции обыденного сознания: дис. канд. филос. наук: 09.00.11. / Путилин Александр Иванович. – Таганрог, 2009. – С. 37.

²⁰ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3-х томах. - М.: Мысль, 1970. – Т. 1. - С 98.

²¹ Там же. С. 98-99.

3. Выявить и проанализировать основные черты обыденного сознания, определить характеристики *субъекта* обыденного сознания.
4. Рассмотреть исторические формы сознания, предшествующие обыденному сознанию, и определить исторический тип общества, которому адекватно обыденное сознание.
5. Определить свойства обыденного сознания, характерные для современности.

Методология и методы исследования

Методология данного исследования – комплексная. Она определяется спецификой предмета исследования, его целью и задачами, а также учетом междисциплинарных аспектов проблемы обыденного сознания.

Методы исследования. В процессе исследования использованы научные методы, соответствующие задачам исследования, обусловленные его предметом и целью: диалектический метод, метод восхождения от абстрактного к конкретному, методы логического и исторического подхода, идеализации и формализации.

Анализ эмпирического материала осуществляется также на основе системного, структурно-функционального, деятельностного подходов и с использованием методов анализа и синтеза, сравнения, наблюдения и описания.

Результаты исследования и научная новизна работы

К числу наиболее значимых новых научных результатов можно отнести следующие:

1. Описано и проанализировано проблемное поле исследований обыденного сознания. Выделены проблемы, связанные с его дефиницией, а именно: проблема определения предметной области и проблема негативного определения обыденного сознания.
2. Продемонстрировано, что в рамках «своей» повседневности обыденное сознание не проявляет ни одной из приписываемых ему как таковому черт, но становится обыденным, то есть негативно определенным, только за пределами «своей» повседневности.

3. Сделан вывод о том, что выявленное противоречие действительно является не недостатком исследователей, а закономерностью определенного этапа исследований, и для его преодоления не следует пытаться выстроить иерархию предикатов обыденности, а следует изменить подход.
4. В качестве подхода, не отрицающего предикацию, а дополняющего ее, выбран анализ обыденного сознания с позиции субъект-объектного воздействия и субъект-субъектного взаимодействия. Такой подход дает возможность увидеть, что сознание начинает приобретать черты обыденного сознания при выходе за пределы своего целеполагания в сферу целеполагания других.
5. Также выявлено, что в случае уже не рациональной, но разумной рефлексии такого выхода, то есть осознания не только своей разделенности, но и своего единства с другими действующими субъектами, в случае осознания общественной цели удастся снять определенную таким образом обыденность.
6. В ходе рассмотрения процесса исторического становления сознания выявлено, что наивысшим периодом развития обыденного сознания, когда оно было наиболее адекватно процессу общественного производства, был период домануфактурного ремесла, а с его разложением, собственно, и возник парадокс «обыденности за пределами обыденности».

Положения, выносимые на защиту

1. Современные теоретические концепции, методы описания и определения обыденного сознания необходимы, но не достаточны. Практически во всех наличествующих дефинициях обыденное сознание выступает как *отрицательная определенность* качеств сознания. Все предикаты негативны, они не приписывают качество, а «отнимают» его. Кроме того, имеется весьма значительное расхождение во мнениях относительно выбора самих отрицаемых предикатов, то есть относительно границ пред-

метной области. Эффект «ускользающей дефиниции», возникающий при попытке определения обыденного сознания, – это не ошибка исследователей, а *закономерность исследования*: во-первых, сам предмет представляет собою исторически более раннюю форму сознания, а во-вторых, исследование находится (или совсем недавно находилось) на этапе *непосредственного* восприятия – бытия и/или наличного бытия, которое «определено всецело отрицательно не только в отношении иного, но и в самом себе»²².

2. Наиболее часто встречается противопоставление обыденного и специализированного и/или научного знания. Анализ этой оппозиции, однако, показывает две парадоксальные, с точки зрения общепринятых определений обыденного сознания, вещи. **С одной стороны**, наука все более становится (и во многом уже стала) непосредственной производительной силой. Растет число наукоемких производственных процессов и людей, использующих прикладные научные разработки в повседневной бытовой и производственной практике. Обыденность начинает «умнеть», а наука становится предметом обыденных суждений. **С другой стороны**, постоянно растет число людей, которые занимаются теоретической деятельностью *повседневно*. И разделение труда парадоксальным образом формирует в среде умственного труда большую прослойку людей, которые **за пределами своей компетентности** воинственно некомпетентны. Таким образом, **обыденное сознание закономерно проявляется как таковое за пределами своей обыденности**.
3. Обыденное сознание не может быть корректно определено путем противопоставления сознанию научному, специализированному, системному и т. п., то есть путем приписывания негативных определений. Это означает, что следует искать подход, который позволил бы дополнить недостающие фрагменты общей картины. Подходом, который может дать такую

²² Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3-х томах. - М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – С.169.

возможность, является систематическое разворачивание категории сознания методом восхождения от абстрактного к конкретному и анализ обыденного сознания с позиций субъект-объектных и субъект-субъектных отношений.

4. При указанных подходах сознание предстает как единство двух сторон: «рефлексивной» и «валюативной» (знания, собственно сознания и самосознания). Рефлексирующий рассудок носителя обыденного сознания позволяет ему увидеть свою *отделенность* от других участников общественного производства. И, соответственно, единственным инструментом познания и осознания своего отношения к другим объектам и субъектам служит собственная «когнитивная сетка», которую он набрасывает на мир вне зависимости от рода своих занятий. Рефлексия в данном случае выступает как отрицание иного. И только осознание своего единства в разделенности, то есть рефлексия разумная, позволяет сознанию, вышедшему за пределы своей повседневности, объединить усилия с другими для совместного, единого процесса осознания цели. Иными словами, выход за пределы обыденного сознания становится его снятием в рамках действительного общественного сознания.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость работы определяется тем, что она представляет собой впервые осуществленное рассмотрение обыденного сознания не столько через предикацию категории «сознание», сколько путем разворачивания этой категории в рамках органического целого (общества) – как в логическом аспекте (анализ структуры), так и в историческом (генезис) – в контексте субъект-объектных и субъект-субъектных отношений.

Практическая значимость работы обусловлена ее направленностью на более глубокое понимание возможностей, относящихся в первую очередь к области *педагогики, коммуникативистики и политики*. Современные условия работы в

коммуникационной сфере требуют поиска как новых методов воздействия на сознание различных аудиторий, так и противостояния этим воздействиям.

И, наконец, тенденция развития передовых отраслей науки и производства делает востребованными людей новой коммуникативной культуры, осознающих единые цели сообщества и участвующих сознательно в их осуществлении. Причем такая востребованность все чаще становится *технической необходимостью*, когда речь идет о высоких наукоемких технологиях. Такие технологии и порожаемые ими сообщества начинают требовать перехода от манипулятивных, проактивных методов *воздействия* на аудиторию к интерактивному *взаимодействию* с ней. Это, в свою очередь, требует понимания причин возникновения и границ существования форм сознания, адекватных проактивным методам воздействия – в частности, обыденного сознания.

Результаты работы можно использовать для обучения студентов отделений связей с общественностью, работников средств массовой информации, практикующих специалистов различных сфер: рекламы, связей с общественностью, социальных коммуникаций, а также представителей пресс-служб и отделов по связям с общественностью учреждений и организаций.

Апробация результатов исследования

Основные результаты диссертационного исследования были представлены автором *в докладах*, выступлениях и мастер-классах на следующих всероссийских и международных научных конференциях:

1. «Философия коммуникативного пространства: расширяя галактику» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 12-14 декабря 2011 г.).
2. Международная научная конференция «Прикладные социально-коммуникационные технологии» (Киев, Киевский международный университет – КиМУ, 13 ноября 2012 г.).
3. «PR-технологии в информационном обществе», VIII Всероссийская научно-практическая конференция. (СПб, Политехнический университет, 11 апреля 2013 г.).

4. «PR-технологии в информационном обществе», VI Всероссийская научно-практическая конференция. (СПб, Политехнический университет, 21 апреля 2011 г.).

Основные научные результаты исследования отражены в статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК, в иных научных и специализированных журналах, а также сборниках материалов научных конференций.

Структура работы обусловлена логикой исследования и полученными результатами: работа включает в себя введение, две главы, состоящие из 4 параграфов каждая, заключение и библиографию. **Введение** посвящено истории вопроса и методологии исследования и изложения, **первая глава** – логическому рассмотрению предмета, **вторая** – его историческим формам. **Заключение** подводит итог исследованию.

Глава 1. Структура обыденного сознания

§1. Проблемное поле исследования обыденного сознания

Выделяя в самостоятельный раздел описание проблемного поля, мы в какой-то степени отступаем от провозглашенного нами же методологического принципа восхождения от абстрактного к конкретному, предписывающего судить о частях с позиции органического *целого*, или, что то же самое, описывать процесс с точки зрения его *результата*. Однако ситуация в нашей предметной области весьма специфична: *сам предмет* исследования – обыденное сознание – однозначно не определен, его границы спорны, мнения исследователей разноречивы, а порой и противоречивы. Поэтому мы считаем возможным небольшое феноменологическое отступление от объективной логики предмета в сторону субъективной, чтобы показать сложившееся *на сегодня* отношение к предмету, восприятие его исследователями, то есть то «проблемное поле», в которое сегодня попадает исследователь, заинтересовавшийся этой темой.

1.1. Непосредственный взгляд на проблему

Вначале посмотрим на проблемное поле взглядом неспециализированного наблюдателя, пожелавшего окунуться в наработанный к нашему времени исследовательский материал, описанный во введении. Очевидно, что ему придется столкнуться с некоторым *изложением* проблематики обыденного сознания. Изложение интересно тем, что ведется с позиций более или менее концептуально сложившихся, то есть с самого начала выделяет стороны излагаемой проблемы, представляемые как существенные.

Основным недостатком значительного числа исследований на тему обыденного сознания является представление о *человеке как изолированном индивиде* – так называемая *робинзонада*, след которой несут на себе многие методики гуманитарных исследований. Не миновала чаша сия и исследований сознания вообще

и обыденного сознания в частности. С сожалением приходится отметить, что заметная часть текстов представляет собою скорее эссе на тему: «Обыденное сознание и здравый смысл спасут нас от грехов цивилизации».

Другая часть исследователей и аналитиков видит в обыденном сознании удобный *объект эффективного управления*. Такой подход характерен для консервативного направления мысли, склонного к элитаризму. В качестве примера назовем влиятельное в США течение неоконсерваторов-интеллектуалов. Оказавший большое влияние на его формирование Лео Штраус (Leo Strauss, 1899–1973) полагал, что истинная правда об обществе и истории должна принадлежать лишь элите²³. С заметным опозданием консерватизм вошел в политическую моду и в нашей стране, так что можно все чаще наблюдать высказывания подобного рода и в русскоязычных источниках. Преподавательский опыт автора дает основание утверждать, что значительная часть выпускников и студентов искренне полагает, что, став специалистами в области социальных коммуникаций, политологии, журналистики и иных «гуманитарных технологий», они приобретут способность манипулировать массой соотечественников, не приобщенных к «сокровенному знанию».

Справедливости ради следует отметить значительную группу ученых, которые реалистично и трезво оценивают как обыденное сознание и его носителей («обывателей»), так и тех, кто пытается ими манипулировать. Это, в первую очередь, последователи уже упомянутых во введении основателей и теоретиков школы «структуралистского конструктивизма» – Пьера Бурдьё²⁴ и Патрика Шампа-

²³ См.: Штраус Л. Введение в политическую философию: Сборник статей. – М.: Логос: Праксис, 2000; Межуев Б. В. Кто ответит за «Большую ложь»? – Русский архипелаг, 2003.

²⁴ См.: Бурдьё П. Социология политики. / Пер. с фр.; сост., общ. ред. и пред. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с; Его же. Начала. Choses dites / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.; Его же. Университетская докса и творчество: против схоластических делений. / Пер. с фр. // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. – М.: Socio-Logos, 1996. – С. 8-31.; Его же. За рационалистический историзм. / Пер. с фр. // Социо-Логос постмодернизма. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. – С. 9-29.; Его же. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / Пер. с фр. // Поэтика и

ня²⁵. С последним нам посчастливилось общаться в ходе семинара и дискуссии в Доме журналиста в Москве в 1995 году, причем выступать по одну сторону баррикад в острой полемике с российскими политологами и представителями прикладной социологии. Достаточно интересны работы практиков, работавших и продолжающих работать в сферах т. н. «связей с общественностью» и иных направлений социальных коммуникаций. Реальные практические задачи, которые ставятся перед ними, требуют называть вещи своими именами, а не прятаться за округлыми фразами о том, что «поддержание существующего порядка или его реформирование, государственное принуждение или, напротив, политические права и свободы, экономическая свобода или государственное вмешательство в экономику – все это является служебными, инструментальными ценностями, призванными обеспечить реализацию достоинства, свободы и ответственности чело-

политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 1999. – С. 125-166.; Его же. Социология и демократия / Пер. с фр. // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 1999. – С. 119-124.; Его же. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2001. – 562 с.; Его же. Опыт рефлексивной социологии / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. — М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – 424 с.; Его же. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / Пер. с франц. А.Т. Бикбова, Т.В. Анисимовой. – М.: Праксис, 2003. – 256 с.; Его же. О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т.В. Анисимова и Ю. В. Марковой, отв.ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Прагматика культуры, 2002. – 160 с.; Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. – Том I, 1998. – № 2.; Его же. Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. и посл. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2005. – 288 с.; Его же. Формы капитала / Пер. с англ. М.С. Добряковой // Экономическая социология. – Май 2005. – Том 6. – №3. – С. 60-74.; Его же. Различение: социальная критика суждения (фрагменты книги) / Пер. с фр. О.И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004. – 680 с.; Его же. За ангажированное знание/ Пер. с фр. Михаила Бухарина // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 5 (25); Его же. Поле литературы // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 45. – С. 22-87.

²⁵ Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. Пер. с фр. / Faire l'opinion le nouveau jeu politique. Paris, Minuit, 1990. Перевод под ред. Н.Г. Осиповой. – М.: Socio-Logos, 1997. – 317 с.

века на его земном пути в вечность»²⁶. Здесь отметим две наиболее интересные работы такого рода: это вышедшая в 2002 году книга коллектива авторов «Уши машут ослом»²⁷ и опубликованная в 1999 году монография Е.В. Егоровой и К.В. Плешакова «Политическая реклама»²⁸.

Надо также заметить, что в большинстве работ, посвященных обыденному сознанию, оно, как правило, идет «в комплекте» с обыденностью и повседневностью. Но если в работах, посвященных практическим вопросам, неточности в определениях снимаются мощной базой непосредственной практики, то теоретических работах понятия определяются друг через друга и перетекают друг в друга, создавая неявный, но вполне реальный круг в определениях.

В том же случае, когда логика корректна, часто берутся принципиально разные основания для определения – психологические, социальные, натурфилософские (определения «позитивной науки»). Затем начинается обсуждение обыденного сознания, определенного по разным основаниям, и в результате приходят к первой ситуации, взятой в другой ее крайности.

Отдельный, но не особый случай – «аксиологизация» темы: обыденное сознание – это плохо (хорошо). Авторы, уходящие в этом направлении, переносятся по «коридорам времени» в XVI век, заново решая, хорош ли здравый смысл, то есть, по сути, возвращаясь к проблематике Кузанца и Эразма. Но в отличие от них наши современники пытаются «налить молодое вино в старые мехи»²⁹, игнорируя как накопленные с того времени знания, так и изменение самого предмета.

Интересно отметить, что в огромном большинстве случаев исследователи обыденного сознания – сознательно или неосознанно – уходят от последовательного, систематического рассмотрения и решения вопросов методологического самоопределения. На наш взгляд, это в первую очередь диктуется если не осознани-

²⁶ Сергей Волобуев. Личность – главная ценность консерватизма.

URL: <http://www.cscp.ru/rcons/10000298/10854/>

²⁷ Уши машут ослом: Современное социальное программирование. / Гусев Д.Г., Матвейчев О.А., Хазеев Р.Р., Чернаков С.Ю. – Пермь: ООО «Студия ЗёБРА». – 2008. – 192 с.

²⁸ Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Политическая реклама. – ЦПК «Никколо М». – С. 1999.

²⁹ Мф. 9:17.

ем, то, по крайней мере, *ощущением* авторами *эклектичности* своих позиций. Например, чрезвычайно распространена точка зрения, сторонники которой прокламируют неизменность человеческого индивида и его сущности, выводя из этого естественность обыденного сознания и даже его естественную «охранительную социальную функцию». Одновременно они говорят об информационном обществе и переходе к управлению массами со стороны информационно-менеджерской «элиты».

Это означает, что они, с одной стороны, исходят из идей Николая Кузанского, Эразма Роттердамского, французского Просвещения, идей естественного права, равенства. Но тогда нынешнее состояние общества предстает либо как *уже нарушенное*, либо как *еще не достигнутое* «естественное справедливое» состояние. В результате приходится искать следы «золотого века» либо в информационном будущем Билла Гейтса, либо в пасторальном прошлом Жан-Жака Руссо.

Иначе говоря, современному обществу предлагается ложная альтернатива: выбор между вульгарным «здравым смыслом» и элитарной конспирологией, которые на самом деле в своей противоположности сходятся. Ведь «в конспирологической логике действует железное правило: отсутствие доказательства есть лучшее доказательство... При этом доверчивость публики довершает дело: лишённые чуда массы с радостью верят во все, отклоняющееся от привычной и банальной логики». Отсюда вера носителя «здорового смысла» «в заговор, оккультные силы и могущественные тайные организации, в «невидимую руку» и «мировую закулису», незримо управляющую ходом истории и подчиняющую народы и государства злой воле законспирированных «тайных господ»»³⁰.

1.2. Сложности дефиниции и проблема отрицательного определения

Безусловно, популярные «аналитические выкладки» носителей «сокровенного знания» могут заинтересовать всерьёз лишь как разновидность продукта обыденного сознания, как объект, но отнюдь не как результат серьёзных исследо-

³⁰ Александр Дугин. Конспирология.

URL: http://modernlib.ru/books/dugin_aleksandr/konspirologiya/read/

ваний в этой сфере. Впрочем, знакомство с многочисленными исследованиями в сфере обыденного сознания довольно скоро позволяет заметить ряд исследовательских *проблем*, весьма характерных и интересных. Первая из них – это уже отмеченный очевидный разнобой, причем весьма значительный, во мнениях относительно границ и методов исследования предметной области. Бóльшая часть противоречий проистекает из разного понимания самого обыденного сознания, и даже не столько понимания, сколько его интуитивного восприятия, образа.

Исследователи, в последние годы бравшиеся за изучение обыденного сознания, отмечают «множество противоположных взглядов и теорий, в каком-то смысле... запутывающих ситуацию»³¹, и сходятся во мнении о том, что понятие обыденного сознания «практически не разработано»: «...Понятие обыденного сознания в отличие от проблемы им выражаемой, несмотря на регулярное употребление исследователями, отсутствует в качестве специальной категории практически во всех отечественных словарях и энциклопедиях. Вероятно, понятие «обыденное сознание» большинством исследователей по умолчанию считается самоочевидным»³².

«Вопросы, поднимаемые исследователями обыденного сознания, сводятся к потребности учета специфики обыденного сознания, его атрибутивных свойств и экзистенциальных характеристик, границ и возможностей его манипулированием, его социальных функций. При этом место самого обыденного сознания в структуре ментальных способностей, выявление его сущностных характеристик в лучшем случае постулируется без детального обоснования»³³.

Такая ситуация косвенным образом подтверждает предположение о незрелости предмета и/или его нецелостности, частичности, то есть о том, что предмет представляет собой *часть* органического целого. Как следствие, предмет дефраг-

³¹ Чельшев П.В. Обыденное сознание как проблема истории философии: дис. д-ра филос. наук: 09.00.03 / Чельшев Павел Валентинович. – М., 2009. – С. 7.

³² Путилин А.И. Социальные функции обыденного сознания: дис. канд. филос. наук: 09.00.11. / Путилин Александр Иванович. – Таганрог, 2009. – С. 4.

³³ Там же. С. 30.

ментируется, «рассыпается» на множество определений, часто взаимоисключающих, и возникает своего рода эффект «ускользающей дефиниции».

Попытка выделить некий инвариант, нечто общее и не спорное в понимании обыденного сознания дает достаточно узкий «коридор», наиболее удачно описанный Е.В. Улыбиной: «Говоря об обыденном сознании, практически все исследователи отмечают его нерациональный характер, игнорирование законов логики, отказ от научной информации»³⁴. В самом деле, еще Гегель, пожалуй, первым поднявший вопрос об обыденном сознании в рамках философской *системы*, особо подчеркивал нелогичность, «недиалектичность» обыденного сознания³⁵.

Еще одна практически общепринятая и общепризнанная характеристика обыденного сознания – это его неспециализированность. То есть носитель обыденного сознания – это тот, кто не является специалистом в отражаемых его сознанием областях.

Таким образом, набирается своего рода «пакет» инвариантных, а точнее – общепризнанных предикатов обыденного сознания: неспециализированное, ненаучное (эмпирическое), противоречивое, бессистемное, нерациональное, нелогичное. Отметим первую особенность: во всех приведенных дефинициях обыденное сознание выступает как *отрицательная определенность* качеств сознания: все предикаты являются предикатами негативными. Они не приписывают качество, а «отнимают» его. И это не ошибка исследователей, а *закономерность исследования*. Во-первых, сам предмет представляет собою исторически более раннюю форму сознания. Во-вторых, его исследование находится на уровне непосредственного восприятия – бытия. Бытие вначале определяется как противопоставление категории «ничто», а определенное, наличное бытие – через противопоставление категории «нечто». В самом деле, непосредственность, или бытие, есть первичное схватывание предмета, которое происходит на уровне «что-то есть». «...С

³⁴ Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. – М.: Смысл, 2001. – С. 95.

³⁵ См.: Гегель Г.Ф.В. Лекции по истории философии. – СПб: Наука, 1994. - Книга вторая. - С. 166-

точки зрения категориального, мыслительного содержания в хаотическом представлении о целом фиксируется что *что-то есть* (мелькают впечатления, и еще в значительной мере не ясно, *что* есть, но несомненно ясно, что *что-то есть*)»³⁶. Это «что-то», отнесенное к определенному предмету, есть *наличное бытие*, которое качественно отличается от иного, коему противопоставляется в своем бытии. «Наличное бытие есть *определенное* бытие; его определенность есть *сущая* определенность, *качество*. Своим качеством *нечто* противостоит *иному*, оно *изменчиво* и *конечно*, определено всецело отрицательно не только в отношении иного, но и в самом себе»³⁷.

Вторая особенность названных определений обыденного сознания заключается в том, что они представляют собой отрицательные определения *не сознания* как такового, а его внешней стороны – *знания*. На наш взгляд, это тоже вполне закономерно. Вслед за первичным «схватыванием» на уровне непосредственного восприятия (бытие, наличное бытие) начинается движение к сущности, а сущность предстает перед исследователем своей первой, внешней стороной (мы об этом говорили выше, при описании процесса разворачивания категории сознания). Вопрос в том, почему для многих первый шаг от непосредственного к сущности оказывается единственным?

Одно дело – сторонний непрофессиональный наблюдатель, объективно видящий проблему обыденного сознания на уровне поверхностного, эмоционально-образного восприятия; он обычно на этом и останавливается. Ведь именно с легкой руки журналистов и публицистов обыденное сознание в первую очередь ассоциируется с «восприятием домохозяйки», то есть с *неспециализированным, неглубоким знанием*, поверхностным отношением к предмету (объекту), *не входящему* в сферу повседневного опыта.

В принципе, сюда же можно отнести ситуацию, возникающую при «открытии» исследователем *для себя* темы обыденного сознания. В самом деле, рассмотрение нового для исследователя предмета не носит, как правило, систематическо-

³⁶ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 22.

³⁷ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3-х томах. – М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – С. 169.

го характера. Будучи по преимуществу описательным, феноменологическим, оно схватывает внешнюю сторону и на ней останавливается. Внешняя сторона сущности предстает как *сама сущность*.

Но совсем **другое дело** – исследователи, посвятившие проблеме достаточно глубокие и объемные труды. Например, авторы одной из самых серьезных книг, вышедших по этой теме в последние десять лет, И.Т. Касавин, С.П. Щавелев³⁸, суммируя и классифицируя подходы к обыденному сознанию, в качестве первичного «антропологического итога» рисуют три портрета носителей обыденного знания:

- «(внутри быта) домохозяин „со чады и домочадцы“; resp. „мать-кормилица“ этих самых „чад“, в свою очередь образующих ту „свиту, что играет короля и королеву“ быта;
- (вовне быта) обыватель как законопослушный гражданин государства или член потестарного социума, регулярный работник, налогоплательщик, обитатель дома родного и элементарная частица некой общественной группы, толпы, массы народа;
- (на уподобленных быту участках специализации) исполнитель того или иного социального действия, повинующийся чужой воле и пользующийся готовой методикой выполнения поставленных перед ним задач»³⁹.

Два из этих трех «портретов» достаточно выпукло рисуют сходство и различие внутри обыденного знания между неспециализированным (или минимально специализированным) бытовым знанием и знанием профессиональным. И выясняется, что сходства гораздо больше, чем различий. Собственно, обыденное сознание на начальном этапе рассмотрения представляет собой знание в предпосылочном его виде – в виде умений и навыков, причем не важно, у кого: у домохозяина (домохозяйки) или у работника-исполнителя. И оно при попытке дать дефиницию требует оппозиции и в результате выступает в своей отрицательной определенности. И как необходимое дополнение к дефиниции даются портреты

³⁸ Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. – М.: Канон+, 2004. – 432 с.

³⁹ Там же. С. 18

антагонистов – носителей «необыденного» сознания (в данном случае – знания). Следует также отметить, что третий «портрет» носителя обыденного сознания (по счету второй) соотносится скорее с сознанием как таковым, а не со знанием, но авторы не отмечают (или не замечают?) различия. Это показатель того, что и для серьезных исследователей внешняя сторона сущности предстает как *сама сущность*. В качестве примера можно привести даже специальный термин «(со)знание», введенный Б.Я. Пукшанским для случаев «когда характеристика касается обыденного знания и обыденного сознания одновременно»⁴⁰. Автор рассматривает обыденное знание и обыденное сознание не как две субординированные категории, две стороны одной сущности, а как рядоположенные категории и соединяет их новоизобретенным общим термином, то есть соединяет механически, внешне. На наш взгляд, исследователи вряд ли «не замечали» столь очевидный эмпиризм в своих выводах. И вводимые категории *ad hoc*, наподобие уже упомянутого «(со)знания», были для них вынужденным инструментом, дабы соединить различные компоненты обыденного сознания. *Методологическая ошибка* заключается не в том, что эти компоненты рассматриваются «неправильно», а в том, что обыденное сознание рассматривается само по себе как *предмет*. По нашему мнению, которое мы уже неоднократно озвучивали, обыденное сознание может рассматриваться только в контексте разворачивания категории *сознания*.

1.3. Преобладающие подходы и «сквозные» проблемы

Предположение о *преобладании* в научном сообществе подхода, принимающего в качестве системообразующей оппозицию «теоретическое сознание» – «обыденное сознание», при более детальном рассмотрении проблемы оказывается сильно преувеличенным.

Во-первых, многие исследователи относят период, когда в ходе определения «обыденное сознание» противопоставлялось научному и философскому сознанию, трактовалось, как правило, в контексте категориальных противопоставлений «эмпирическое-теоретическое», «теоретическое-практическое», «когнитивное-

⁴⁰ Пукшанский Б.Я. Обыденное знание. Опыт философского осмысления. – Л., 1987. – С. 9.

ценностное», «систематизированное-несистематизированное»», к 60–70-м годам прошлого века. Притом, что мы не соглашаемся с трактовкой такого подхода как *исключительно* «марксистской философской традиции»⁴¹ или даже «гегелевско-марксистской традиции»⁴², мы согласимся с тем, что период преобладания этого подхода имел место, но в значительной мере уступил его другим подходам.

Такое вытеснение происходило по двум направлениям. Первое – в сторону дефрагментации и дробления предметной области, когда «концептуальное поле» проблемы обыденного сознания значительно расширилось. «Обыденное сознание рассматривалось как «мир повседневности», как носитель здравого смысла, языковой картины мира, как особый тип рациональности, как носитель вненаучного знания, как особая субкультура в связи с психологией эмоциональных состояний, этнопсихологией и др.»⁴³.

Второе направление вело в сторону более глубокого и концептуального рассмотрения названной оппозиции. Мы уже отметили проблемы, с которыми столкнулись исследователи, рассматривавшие обыденное сознание как по преимуществу *знание*. И заметим, эти проблемы отмечаем не только мы. Знакомство с исследованиями, осуществленными в течение последних 10–15 лет по теме обыденного сознания, укрепили нас в правильности сделанных выводов. Многие исследователи, а не только мы, рано или поздно пришли к выводу, «что многие существенные черты обыденного сознания не определяются через их противопоставление научно-теоретическому познанию»⁴⁴. Иными словами, общепринятый подход, рассматривающий оппозицию «*теоретическое сознание*» – «*обыденное сознание*» в качестве базовой, необходим, но явно не достаточен. Он не дает инструмента для понимания ряда проблем. Так, противопоставление обыденного сознания и

⁴¹ Найдыш О. В. Обыденное сознание и мифотворчество: дис. канд. филос. наук: 09.00.01. / Найдыш Ольга Вячеславовна. – М., 2011. – С. 5.

⁴² Путилин А.И. Социальные функции обыденного сознания: дис. канд. филос. наук: 09.00.11. / Путилин Александр Иванович. – Таганрог, 2009. – С. 5.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Найдыш О. В. Обыденное сознание и мифотворчество: дис. канд. филос. наук: 09.00.01. / Найдыш Ольга Вячеславовна. – М., 2011. – С. 8.

науки не дает понимания того, как в рамках одного индивидуального сознания возможно вполне мирное сосуществование научных и мистических взглядов. Оно не в состоянии иначе, чем феноменологически, описать процесс «поумнения» обыденного сознания и «отводит глаза», когда речь заходит о феноменальных глупостях, совершаемых многими представителями науки за пределами сфер своей высочайшей компетентности.

Таким образом, подход, принимающий оппозицию «теоретическое сознание» – «обыденное сознание» в качестве базовой, сложно назвать общепринятым и уж тем более исключительным.

Поэтому интерес представляют попытки сделать следующий шаг, ввести в означенный подход дополнительные условия, ограничения, делающие его более строгим и однозначным. В этом смысле представляет интерес опубликованное в 2009 году диссертационное исследование А.И. Путилина, которое мы уже упомянули во введении. Автор, как выяснилось, двигался в том же направлении, что и мы, рассматривая в качестве существенного признака обыденного сознания его нерелексивность. Сравнивая обыденное и научно-теоретическое сознание, он пришел к выводу об их сходстве и о том, что единственным атрибутом, отличающим одно от другого, является релексия. «В обыденном сознании с разной степенью интенсивности и глубины, но все же присутствуют те же формы и феномены, что и в научно-теоретическом. Однако наряду с общими элементами в научно-теоретическом мышлении присутствует форма, которая принципиально противоречит обыденному сознанию. Этой формой является релексия»⁴⁵.

Мы же считаем, что, во-первых, релексивность ситуативна: она может не потребоваться в рамках повседневности, но проявляется лишь на границе, при выходе за повседневность. Во-вторых, и это более существенно, речь идет не о деятельности «релексирующего *рассудка*»⁴⁶, а о «разумной релексии», выхо-

⁴⁵ Путилин А.И. Социальные функции обыденного сознания: дис. канд. филос. наук: 09.00.11. / Путилин Александр Иванович. – Таганрог, 2009. – С. 37.

⁴⁶ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3-х томах. - М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – С 98.

дящей «за пределы... разделяющих определений»⁴⁷. Только разумно рефлексированный выход за пределы обыденного сознания становится его снятием в рамках действительного общественного сознания. Собственно, доказательству этого предположения будет посвящена значительная часть этой работы.

§2. Репрезентация сознания в процессе логического рассмотрения общества

Приступая к исследованию обыденного сознания, следует указать на два методологически важных момента.

Во-первых, предметная область нашего исследования образуется выделением из множества «сознание» некоего подмножества путем приписывания предиката «обыденное». И прежде чем говорить о подмножестве, приходится так или иначе определить множество.

Во-вторых, очевиден факт: само по себе, в отрыве от своего носителя, сознание не существует. Иными словами, мы постулируем сознание как *атрибут* человека, а человека – как *единственного носителя* сознания, то есть в известной степени отождествляем их.

Теперь, с учетом сказанного, нужно решить, с чего начинать исследование.

На первый взгляд современное общество выступает как «огромное скопление» (Маркс) человеческих индивидов. Логично поэтому начать наше исследование анализом человеческого индивида. Но встает вопрос о направлении дальнейшего движения. Мысленно препарируя индивида под углом зрения изучения сознания, мы могли бы направиться в глубины его психологических переживаний, но это не есть предмет философского исследования. Можно было бы пойти в «бехтеревском», нейрофизиологическом направлении, но и при этом мы тоже с неизбежностью обнаружили бы, что теряется предметность, «уходит» философская специфика предмета. Недаром «индивидуум» в прямом переводе означает

⁴⁷ Там же. С. 98-99.

«неделимый». С другой стороны, вряд ли стоит доказывать, что сознание *проявляется* именно и исключительно в соотношении человека с другими людьми. «Я осознаю себя и становлюсь самым собою, только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого»⁴⁸. То есть наш *предмет* (обыденное сознание в частности и сознание в целом) есть свойство, сторона *объекта*⁴⁹ – сознания человека, причем человека, взятого не самого по себе, а в *единстве* с другими людьми, с обществом.

2.1. Сознание: взгляд через призму простейшего отношения общества

Человеческое общество в своей *непосредственной данности* при первом, а потому поверхностном взгляде на него предстает как *совокупность* человеческих *индивидов*. И первое, что можно сказать о живом человеческом индивиде, – это то, что он с необходимостью

- а) поддерживает *собственное* существование;
- б) поддерживает существование своего *биологического вида*;
- в) обладает *сознанием* (почти всегда).

Впрочем, последнее наблюдение пока что остается для нас на уровне феномена, ибо для поддержания биологического существования наличие сознания не обязательно, или, что то же самое, действия в этом направлении совсем не обязательно должны быть сознательными.

Необходимость поддержания собственного существования актуализируется для индивида как «букет» *телесных потребностей*. Их удовлетворение составляет *основное* содержание биологического существования *индивида*, а до вступления в репродуктивный возраст – единственное.

Вступление в репродуктивный возраст знаменуется созреванием новой, особенной потребности – половой. Ее удовлетворение в биологически «чистом» виде, во-первых, возможно с участием только *двух* индивидов разного пола, в то

⁴⁸ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 17.

⁴⁹ Здесь речь идет об объекте исследования, а не об объекте воздействия, то есть в паре категорий «объект-предмет», а не «объект-субъект». Субъектность человека как участника общественных процессов сомнению не подвергается.

время как остальные телесные потребности удовлетворяются индивидуально; во-вторых, приводит к *рождению потомства*, то есть поддерживает существование уже не индивида, а *рода* (биологического вида).

Таким образом, максимально *непосредственный* взгляд на человека и на отношения людей друг к другу приводит к выделению *простейшего отношения общества*: «взаимодействия человека с окружающей средой для поддержания собственной жизни и взаимодействия людей друг с другом для продолжения своего биологического вида»⁵⁰. Удовлетворение потребностей индивида, являющееся, как сказано выше, основой его индивидуального существования, самоценно для вида и тождественно поддержанию существования вида, но только до тех пор, пока не рождается следующее поколение. После этого огромную видовую значимость приобретает обучение индивидов младшего поколения навыкам и способам поддержания индивидуального существования (и существования рода).

Таким образом, с позиции исследования сознания первый шаг, сделанный нами, обозначил два момента, которые позволяют взглянуть на сознание через призму простейшего отношения общества.

Уже на уровне непосредственного единства биологического и социального⁵¹, представляющего как биологическое отношение людей друг к другу и к остальной природе, мы можем найти:

- а) передачу навыков – как предпосылочную форму знания – через общение старшего и младшего поколений;
- б) передачу навыков через общение старшего и младшего поколений – как предпосылочную форму сознания.⁵²

Мы констатируем, что обучение умениям и навыкам поддержания существования есть высшая форма непосредственно видовых отношений, которая, за-

⁵⁰ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 32.

⁵¹ Здесь еще раз подчеркнем: при всем том, что мы рассматриваем человека, начиная с его животной ипостаси, это, тем не менее, современный человек.

⁵² Здесь мы забегаем вперед, говоря о предпосылочных формах. Однако в этом-то как раз и проявляется логический метод изложения. Мы судим о частях с позиции зрелого целого. Мы излагаем процесс, зная его результат.

метим, в онтогенезе предшествует репродуктивным отношениям. В самом деле, всякий индивид сначала обучается навыкам поддержания собственной жизни и именно в этом процессе с необходимостью впервые соотносит себя с иным существом своего вида. Это и есть предпосылка сознания как «знания о других», как своего соотнесения с другими людьми⁵³.

Производство и воспроизводство человеческого *индивида* непосредственно тождественно потреблению. Жизнь вида проявляется в жизни индивида как воспроизводство новых индивидов. Однако, поскольку человек от рождения лишен каких бы то ни было навыков, его *обучают* родители и другие представители старшего поколения. Именно в этом смысле обучение, формирование способностей к самообеспечению предметами потребления есть уже *проявление видовых отношений*: жизнь вида проявляется в жизни индивида как воспроизводство новых индивидов. И именно в этом смысле *совместная* деятельность обучаемого и обучающего по передаче и усвоению накопленных *знаний*, а пуще того – *умений и навыков*, и есть *сознание*, рассмотренное через призму простейшего отношения общества.

2.2. Репрезентация сознания в процессе движения от простейшего отношения к сущности

Простейшее отношение общества представляет собою *непосредственно схваченную* природную сторону человека и не дает ответа на вопрос о том, чем взаимодействие человека с окружающей средой отличаются от такового у иных живых организмов. Ведь даже обучение индивида индивидом присуще не только человеку, но и многим высокоразвитым животным. Поэтому, выявив *непосредственно природный*, биологический аспект жизнедеятельности человека, мы

⁵³ При рассмотрении человека как пока еще только *индивида* достаточно было бы отметить передачу от старшего поколения младшему *умений и навыков*, что характерно вообще для высших животных. Однако мы с самого начала рассматриваем *человека* – хоть пока еще и как индивида, – и поэтому должны отметить также передачу *знаний*, пока не разделяя их с умениями и навыками. Такая «еще-не-разделенность», синкретичность диктуется логическим способом изложения, и разделение произойдет позже.

должны определить то *собственно человеческое*, что отличает жизнь современного вида *Homo Sapiens*⁵⁴ от других живых существ, его *differentia specifica*.

В ходе рассмотрения непосредственно природной стороны человека род предстает как биологическая сущность индивида⁵⁵, а производство жизни – как проявление этой сущности в непосредственности в различных *формах* взаимодействия вида со средой обитания⁵⁶.

Еще раз отметим: в процессе логического рассмотрения речь идет о *зрелом человеческом* обществе, следовательно, все формы проявления жизни есть проявления жизни вида *Homo Sapiens*. В то же время важно понимать, что эти формы могут быть *общими* для всех видов, могут относиться к ряду видов, включая человека, а могут быть и исключительно «человеческими».

Общим для всех живых организмов является момент тождества среды обитания и среды потребления. Он исключительно присущ только растениям, но сохраняется и у животных (дыхание, дневной и ночной режим жизнедеятельности).

В отличие от растений животным, в том числе и человеку, свойственно:

- передвижение в поисках более благоприятных условий существования – наличия предметов, удовлетворяющих потребности в поддержании существования;
- наличие специализированных органов по изъятию предметов потребления из природной среды.

В отличие от низших животных высшим животным, в том числе и человеку, свойственна способность извлекать из природной среды предметы, которые не имеют непосредственной потребительной ценности, но используются как *сред-*

⁵⁴ Здесь еще раз отметим, что человек рассматривается нами в логическом аспекте – как данный, сложившийся. Мы анализируем, «разбираем» современного человека и находим в нем те или иные черты эволюционных предков, а не следим за эволюцией этих предков вплоть до человека (это иной, исторический аспект исследования, возможный *после* логического).

⁵⁵ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ. – С. 47.

⁵⁶ Классификацию взаимодействия живых организмов с окружающей средой можно найти у П.Я. Гальперина (Введение в психологию, С. 130) и В.А. Вазюлина (Логика истории, С. 58). Авторы, безусловно, решают различные исследовательские задачи, но тем интереснее проследить конгенитальность выводов, к которым они пришли.

ства изъятия предметов непосредственного потребления, то есть являются простейшими *орудиями*.

В отличие от всех животных специфика родового существования человека заключается в присущей *лишь ему* способности *изменять форму* предметов природы, делая их пригодными для потребления.

- Человек начинает *производить* – сначала предметы потребления, а затем и сами орудия производства.
- Человек обучает следующие поколения навыкам именно производства как средства обеспечения воспроизводства следующего поколения.

Производство, рассмотренное с точки зрения участия в нем человека, есть труд. Таким образом, исследование приходит к тезису о труде как *родовой сущности* человека.

2.3. Репрезентация сознания в процессе развертывания сущности общества

Теперь логика изложения приводит исследование к **специальному рассмотрению сущности**, а именно: труда и производства в их *внутреннем и расчлененном* единстве с потреблением.

Обратим еще раз внимание на следующее обстоятельство: уже в ходе рассмотрения форм взаимоотношения с природой видно, что человек перешагивает через непосредственное восприятие потенциальных предметов потребления и приобретает способность отделить видимое от сущности. Таким образом, даже при рассмотрении труда как *сторонь* внутри себя разделенного потребления, *сознание ужé* проявляет «человеческие» качества, начинает выступать *собственно* сознанием, в отличие от психики, присущей высшим организмам. Исследование начинает *переходить* от непосредственности, бытия, к сущности.

«Взаимодействие человека с природой в специфически человеческой форме выступает... с двух сторон: со стороны участия в нем человека, использования органов его тела и со стороны внутреннего единства с потреблением, т. е. со стороны созидания предметов потребления, со стороны результата воздействия. С

первой из названных сторон *одно и то же* взаимодействие человека с природой есть *труд*, со второй – *производство*. Это – одно и то же, но с разных сторон»⁵⁷.

По классическому определению К. Маркса, труд есть «прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой»⁵⁸, и «простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда»⁵⁹. Очевидно, что в развитом обществе практически любой компонент процесса труда так или иначе «профильтрован» предшествующим трудом, подготовлен для дальнейшего включения в процесс.

Целесообразность – ключевой момент в понимании труда. Можно спорить о том, исчерпывает ли труд все виды целесообразной деятельности – как это сформулировано у К. Маркса. К примеру, К.Х. Момджян вообще подчеркивает, что «никакой „нечеловеческой“... деятельности нет и не может быть»⁶⁰, и целесообразность – ее атрибут, ну а «труд выступает как субстанциальная характеристика деятельности»⁶¹. А. Шюц использует термин «действие», чтобы обозначить «продуманное человеческое поведение, т. е. поведение, основанное на составленном заранее проекте», а термином «акт» обозначает «результат развертывающегося процесса, т. е. завершенное действие»⁶². Но тезис о том, что труд *всегда* целесообразен, в любом случае не вызывает возражений. Собственно, становление труда – это в значительной мере **становление цели**. Все компоненты и условия процесса труда, по Марксу, в конечном счете необходимы для того, чтобы вызвать *заранее намеченное* изменение в предмете труда *с целью получения продукта* с определенным свойством. Именно это свойство, осознанное как потребность

⁵⁷ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ. – С. 70.

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 23. – С.188.

⁵⁹ Там же. С.189.

⁶⁰ Момджян К.Х. Социальная философия: деятельностный подход к анализу человека, общества и истории. / К.Х. Момджян. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – С. 363.

⁶¹ Там же. С. 303.

⁶² Шюц А. Структура повседневного мышления // Пер. с англ. Е. Д. Руткевич // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 134. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000918/st000.shtml>

до начала процесса труда, «полагает предмет производства идеально, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель»⁶³.

Цель предвосхищает результат процесса труда. Но чем более развит труд, чем более глубокие изменения претерпевают свойства природного материала, тем в большей степени требуется предвосхищать не только сам продукт труда, но также материальные условия его получения: средства труда, предмет труда, способ труда. В свою очередь, каждый из этих компонентов есть результат предшествующего процесса труда: изготовления средств труда, добычи или подготовки предмета труда и обучения человека способам соединения названных компонентов. Таким образом, развитая, *специфически человеческая цель сама формируется предшествующим процессом труда* и корректируется осуществляющимся трудом, созревает вместе с ним. Для развитой цели характерна *внутренняя связь* с компонентами труда.

Однако труду и его цели предшествует *потребность*. Если смотреть на процесс труда сквозь призму *простейшего отношения*, то цель видится, прежде всего, как предвосхищение предмета, который может удовлетворить биологическую (органическую)⁶⁴ потребность. Собственно, потребность, представляемая как предмет ее удовлетворения, и есть цель. Но здесь важно, *каким образом* индивид получает предмет удовлетворения потребности.

Рассмотренные выше формы воздействия на природу, в особенности те, что свойственны высшим животным и человеку, как раз и есть формы *образования труда* и, значит, в то же самое время – *образования цели*.

Психологи «круга Выготского» неоднократно подчеркивали, что именно *разрыв* потребности и предмета ее удовлетворения, характерный для эволюции животного мира, стал шагом к чисто человеческому действию – действию в умственном плане. «Там, где все ясно, там, где ничто не затрудняет нас, где нет проблемы, там не может и начаться процесс мышления», – писали Л.С. Выготский и

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 46, ч.1. – С. 28, 23, 189.

⁶⁴ Здесь мы пока не различаем биологическую и органическую потребности, но отмечаем, что это различие, с точки зрения специфики человеческого процесса потребления, весьма существенно.

А.Р. Лурия⁶⁵. А вышеназванный разрыв, напротив, ведет к вариативности взаимоотношений со средой. «Потребность, лишенная механизма специфической чувствительности, есть уже не биологическая потребность, а только органическая... Биологическая потребность имеет еще такой аппарат, в результате которого предопределяется отношение животного к внешней среде. А потребность органическая не предопределяет отношения к внешней среде»⁶⁶.

Человеческое целеполагание и животная целенаправленность принципиально различны. Даже удовлетворение «простых», «животных» потребностей, сохраняющихся у человека, происходит в снятом виде, существенно отличающемся от удовлетворения аналогичных потребностей у животных... «Голод есть голод, однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов. Не только предмет потребления, но также и способ потребления создается, таким образом, производством, не только объективно, но также и субъективно. Производство, таким образом, создает потребителя»⁶⁷.

Человек *ставит* себе цели, определяемые не врожденным биологическим, а приобретенным социальным отношением к среде, *планируя* средства воздействия на среду и предмет, который получится в результате. Это качественно новая целенаправленность – *целесообразность*, характеризующая процесс *труда и производства*.

«Надо отличать цель как то, чего нет и что должно быть, от того, что есть в естественном виде в природе и что составляет предмет достижения»⁶⁸. Первая из названных целей – это и есть цель *процесса* труда, или будущий **продукт труда**.

По мере завершения процесса труда все его компоненты *исчезают*, кроме, естественно, **продукта труда**. Он, напротив, *возникает* в своей специфике. «Про-

⁶⁵ Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 49.

⁶⁶ Гальперин П.Я. Лекции по психологии. – М.: Высшая школа, 2002. – С. 126-127.

⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 12. – С. 718.

⁶⁸ Гальперин П.Я. Лекции по психологии. – М.: Высшая школа, 2002. – С. 131.

цесс угасает в продукте. Продукт процесса труда есть... вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям путем изменения формы. Труд соединился с предметом труда... То, что на стороне рабочего проявлялось в форме деятельности (Unruhe), теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства (ruhende Eigenschaft), в форме бытия»⁶⁹.

Потребность, удовлетворение которой было целью труда, через некоторое время после удовлетворения возобновляется. С ее возобновлением воспроизводится цель, предвосхищающая все другие компоненты процесса труда. То есть, образно говоря, «умерший» процесс «воскресает» вместе с возобновлением потребности. Однако, как «в одну и ту же реку невозможно войти дважды»⁷⁰, ибо «на того, кто входит в ту же самую реку, каждый раз текут новые воды»⁷¹, так невозможно дважды осуществить *один и тот же* процесс труда⁷². Включенные в *новый* процесс труда тела, процессы и предметы природы, вероятнее всего, не будут абсолютно идентичны соответствующим компонентам предыдущего процесса.

Необходимость повторять процесс труда побуждает к поиску как можно более однородных материалов для средств и предметов труда. При этом однородность *средств* труда важнее, чем однородность *предметов*, поскольку большинство из средств многократно используется в *повторяющихся* циклах труда. Изменчивость природных материалов и стремление к однородности компонентов процесса труда приводят к выделению их *существенных свойств*, имеющих значение для обработки и потребления. В этом и состоит важнейшее отличие человека от животного. Как подчеркивал П.Я. Гальперин, «для животного не существует

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 23. – С. 192.

⁷⁰ Гераклит, 18p 392B. Цит. по: Досократики. Дозлеатовский и элеатовский периоды. – Минск, Харвест, 1999. – С. 304.

⁷¹ Гераклит. D 471, 1. Там же. С. 284.

⁷² Полностью потребляется предмет труда, превращаясь в результат. Часть средств труда также расходуется полностью (например, топливо, краска). Частично расходуются орудия труда, однако они выходят из совершившегося процесса труда также измененными: режущий инструмент тупится, рукоятки, ремни и шестеренки стираются и т. п. Другими словами, к финишу процесса труда ни один его компонент не приходит неизменным.

различия видимого и истинного качества. Животное способно только к восприятию внешнего. А человек может отделить видимое от сущности»⁷³. Только *производство*, то есть *преобразование* природной формы и природных отношений, открывает внутренние закономерности. И *vice versa*: открытие внутренних закономерностей делает возможным преобразование природного предмета и природных отношений.

Повторение процесса труда, *во-первых*, означает, что *форма и функции* средств труда *становятся устойчивыми*, происходит *универсализация средств* труда. *Во-вторых*, повторение требует *предварительной обработки* предмета труда для придания ему более устойчивой формы. *В-третьих*, это ведет к окончательному закреплению трудовых умений, навыков, к формированию *знаний* об общих закономерностях и их фиксации в устойчивой форме⁷⁴.

Более того, у человека «возникает особая действительность – действительность языка и построенная на ней *речь*. Это, собственно, и создает возможность нового умственного плана. Под умственным планом следует понимать не просто то, что происходит в уме, а то, что происходит в уме и осознается как отличное от того, *что* происходит во внешнем плане...» Животное же «живет только в плане восприятия. У животных есть мышление и разумное решение задач. Но и это разумное решение задач тоже происходит только в плане восприятия, за пределы которого животное не выходит»⁷⁵.

Все перечисленные моменты *филогенетически* есть предпосылки, а *онтогенетически* – результат *морфологического изменения* человека: он *уже биологически* формируется процессом труда и *для* процесса труда. Поэтому труд является для зрелого человеческого индивида формой существования, адекватной его биологической форме, а значит, *органической потребностью*.

В качестве наглядной иллюстрации того, *насколько* закрепились на *морфологическом* уровне речь и труд, можно привести известного «гомункулуса Пен-

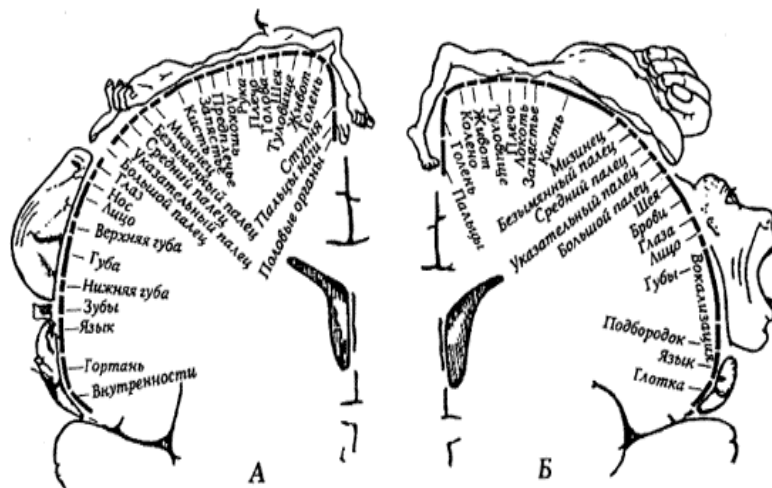
⁷³ Гальперин П.Я. Лекции по психологии. . – М.: Высшая школа, 2002. – С. 131.

⁷⁴ См.: Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ. – С. 85.

⁷⁵ Гальперин П.Я. Лекции по психологии. . – М.: Высшая школа, 2002. – С. 130.

филда» – схему соматотопической проекции в коре головного мозга. Части тела человека, нарисованного в 40-х годах XX века знаменитым канадским нейрофизиологом Уайлдером Грейвсом Пенфилдом (Penfield, Wilder Graves, 1891–1976), пропорциональны размерам управляющих ими и контролирующими их участков коры головного мозга, то есть образно показывают, как наше тело «представлено» на коре головного мозга. (См. рис. 1.)

На корковой проекции двигательной системы (Б) наибольшее место отводится органам, нуждающимся

А - корковая проекция чувствительности;
Б - корковая проекция двигательной системы.
Относительные размеры органов отражают ту площадь коры головного мозга, с которой могут быть вызваны соответствующие ощущения и движения.

Рисунок 1

в особой координации. Около трети занимает кисть руки, то есть «*трудовой орган*» человека. Еще треть делят между собой губы, язык, гортань, то есть *речевой аппарат*, инструмент *артикуляции цели*. Участки, координирующие остальные части тела, «сжимаются» до трети, хотя и по

мышечной массе, и по двигательной активности они намного превосходят специфически «человеческие» части организма. О морфологической связи речи и труда, речевого аппарата и мышц руки свидетельствует также ряд методик тренировки речевого аппарата через «мелкую моторику» руки. Как писал Л. Леви-Брюль, «прогресс цивилизации имеет своим источником взаимное воздействие руки на ум и ума на руку»⁷⁶.

Отметим: потребность в реализации этих специфических возможностей человека – не биологическая, возникающая по рождению, а *органическая*. Для «запуска» необходимо ее «наполнить» определенным содержанием, то есть *обучить* индивида *конкретным приемам труда*.

⁷⁶ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – С. 125.

Таким образом, при *специальном* рассмотрении специфически человеческого способа взаимодействия с внешней средой для поддержания себя и рода мы выделили уже не предпосылки, а *стороны* сознания: *знание* об общих закономерностях, зафиксированное в устойчивой речевой форме, и *сознание* единства с людьми, передающими это знание в процессе обучения конкретным приемам труда.

Однако этот процесс формирования труда, потребности и цели имеет оборотную сторону. В ходе «конкретизации» и дифференциации процессов труда, возможности универсальной деятельности индивидов сужаются. Происходит закономерное **разделение труда** между разными людьми, чтобы потом результаты их труда могли соединиться в виде специально подготовленных компонентов следующего трудового процесса.

Внешняя сторона разделения труда – это разделение и взаимосвязь, диктуемые природными свойствами названных компонентов:

- а) особенностями средств и предметов труда, не позволяющими воздействовать на них в одиночку;
- б) природными (соматическими) характеристиками людей труда – пол, возраст, сила, быстрота протекания нервно-мышечных реакций и т. п.

Соответственно, и *взаимоотношения* людей в разделенных таким образом процессах труда мы рассматриваем как непосредственно определяемые их отношением к *преобразуемой природе*, то есть определяемые *извне*.

Внутренняя необходимость объединения людей в процессе труда формируется по мере его созревания и совершенствования. Повторение, возобновление труда требует единообразия, универсальной формы компонентов. В итоге от труда по *созданию* предметов потребления обособляются процессы по *подготовке* его *компонентов и участников*:

- подготовка максимально однородного предмета труда;
- изготовление универсальных средств труда;
- подготовка человека труда (это продиктовано конечностью жизни участников процесса и необходимостью включения в него новых участников).

В первых двух процессах объединение усилий может потребоваться, а может и нет. Но подготовка *человека* к процессу труда *всегда* требует объединения по крайней мере *двух* людей – обучающего и обучаемого. *Обучение* – это первое разделение труда, требующее *объединения* усилий, *исходя из внутренней необходимости* самого процесса. Это *простая внутренняя связь* людей, представляющая собой и внутренне единство, и внутреннее различие участников процесса.

Вспомним, что *с точки зрения простейшего отношения* обучение *навыкам* поддержания собственного существования – наивысшая форма *биологических* отношений индивидов, проявление жизни рода в жизни индивида. Теперь мы видим обучение, но уже с позиции приближения к сущности: обучение *специфически человеческим* способам поддержания существования (своего и рода). Здесь уже можно говорить о проявлении жизни *общества* в жизни человека *труда*.

Важно отметить, что *с точки зрения простейшего отношения* для обучения потомства достаточно привить ему *навыки* действий с *непосредственно данными природными предметами*. В *специфически человеческом* же способе поддержания существования индивида и рода на первый план выходит **передача обобщенных знаний** о свойствах предмета, скрытых от непосредственного восприятия, но выявленных и зафиксированных в *устойчивой форме*⁷⁷. Передача знаний, в свою очередь, происходит в процессе *взаимодействия* субъектов, когда обучаемый осознает

- а) *себя* как участника процесса;
- б) *себя* как *связанного с обучающим(и)* – другими людьми.

Это есть уже формирующееся сознание.

⁷⁷ Следует отметить, что момент фиксации *в устойчивой форме* скрытых от непосредственного наблюдения соотношений и свойств объекта подчеркивается большинством исследователей как системообразующая характеристика знания. См., напр.: Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., Педагогика-Пресс, 1993. С. 135; Момджян К.Х. Социальная философия: деятельностный подход к анализу человека, общества и истории. С. 102-124; Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 85; Гальперин П.Я. Лекции по психологии. С. 104.

Иными словами, при переходе к специальному рассмотрению специфически человеческого способа взаимодействия с природой мы теперь и специально фиксируем *знание*, которое представляет собой одну из сторон *сознания*.

Очевидно, что обучение зависит от того, к какому виду труда готовится обучаемый. Пропорции распределения людей по процессам труда и процессов труда между людьми могут быть *различны*, и это различие диктуется соотношением количества и качества продуктов труда, необходимых в данном обществе. При массовом производстве (с упором на количество) *уровень знаний и навыков минимален*, при «штучном» (с упором на качество) – максимален. В этом случае работник обучается максимуму трудовых качеств, вследствие чего количество обучающихся вырастает относительно количества обучаемых. «Штучным» продуктом становится и сам человек.

При беглом чтении может показаться, что предыдущий абзац не имеет прямого отношения ни к теме нашей работы, ни к реальности как таковой. Однако внимательное изучение последних изменений в наиболее передовых отраслях, и в первую очередь в сфере информационных технологий, показывает *уже начавшийся* процесс формирования принципиально нового типа людей труда, для которых *потребность в творческом и коллективном труде* является не просто результатом воспитания, а *технической необходимостью* осуществления такого труда. Поэтому на сегодня рассуждения на тему подобного рода отнюдь не спекулятивно-умозрительны, а вполне реалистичны. Во второй главе мы рассмотрим т. н. коллаборацию⁷⁸ как реальную историческую форму такого труда.

В развитом процессе труда разделение людей по видам труда есть в то же время объединение вследствие *внутреннего единства* видов труда. Объединение, вытекающее из внутренней расчлененности процесса труда и ставшее *технически необходимым* условием его осуществления, – самое глубокое основание объединения людей в труде. Внутренняя расчлененность процесса труда определяется как его разделением между различными людьми, так и выделением отдельных

⁷⁸ См., например, материал о коллаборации «Байкал»: еженедельник ОИЯИ «Дубна» № 26 (2010), с. 4-5; URL: <http://nuclphys.sinp.msu.ru/mirrors/m043.htm>

процессов подготовки его компонентов: создание средств труда, добыча или создание предметов труда, подготовка и обучение человека труда.

Еще более широкое внутреннее разделение труда – это такое разделение, «при котором особыми, разделенными процессами труда становятся постановка цели и ее реализация, более широкое уже потому, что отделение цели от реализации ее представляет собой отделение одного момента процесса труда от всех остальных»⁷⁹. Речь идет о выделении процесса *управления* – особого вида труда, объединяющего разрозненные, но внутренне связанные *целью* процессы труда отдельных исполнителей в рамках «совокупного работника»⁸⁰. Мы здесь рассматриваем управленческий труд в его *внешнем* различии внутри процесса труда, взятого в целом. Позже мы вернемся к специальному рассмотрению этого разделения труда.

А теперь вновь посмотрим на наши рассуждения со стороны индивида – ведь именно его как носителя сознания мы взяли в качестве стартового пункта изложения, а его изменение в процессе труда констатировали в ходе изложения. Вновь напомним: мы рассматриваем *современного* человека. С момента начала изложения наш взгляд на него значительно изменился. Сначала мы видели его как биологического индивида, поддерживающего свое существование и существование своего рода. Затем мы определили, что взаимодействие с природой в процессе поддержания существования человеческого индивида и рода происходит особым образом – в процессе производства (труда).

Соединение разделенных процессов труда – это соединение людей, их осуществляющих. Таким образом, разделение труда как разделение и объединение людей в труде – это не только отношения, определяемые преобразованием природы. Включенные в разделенный труд люди относятся друг к другу и как живые индивиды, обладающие природными задатками и телесными потребностями.

⁷⁹ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С.110.

⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 23. – С. 351.

Теперь, если посмотреть на *индивида* через призму *созревшего* процесса труда, можно перечислить его «приобретения» в ходе становления этого процесса.

1. Освобождение от инстинктов, приобретение органических потребностей, не определяющих объектов и способа их добывания.
2. Разнообразие предметов потребления, возможность, а точнее, способность замены одних предметов потребления другими. Практически не ограниченный ареал обитания и возможность выживания⁸¹.
3. Человек формулирует цели, планируя
 - а) средства воздействия на среду;
 - б) предмет, который получится в результате этого воздействия.
4. Человек приходит к выделению существенных свойств природных материалов, имеющих значение для их обработки и потребления.
5. Универсализация *средств* и предварительная подготовка *предметов* труда означают созревание *знания* об универсальном, общем для данного процесса труда.
6. Эти знания передаются в процессе подготовки участников процесса труда. Дифференциация процессов труда как «свое иное» универсализации означает выделение в качестве отдельного вида труда процесса обучения человека труда.
7. Перечисленные в п.п. 3-6 качества – постановка цели, формулирование существенных свойств и передача знаний о процессе труда – невозможны без языка и речи. Язык и речь, с одной стороны, и зрелый процесс труда, с другой, есть условия и результат существования друг друга⁸².

⁸¹ Тем не менее способность потреблять разнообразные природные предметы не означает их бесконечного многообразия. Разнообразие предметов потребления и соответствующих им различных процессов труда в конечном счете задается «коридором» природных условий.

⁸² Если говорить о возникновении труда и речи (языка), то исторически более ранним, безусловно, следует признать труд. В самом деле, *возникающий* процесс труда на самых ранних стадиях не требует языка, поскольку не требует закрепления универсальных свойств компонентов труда и передачи навыков

8. Психика человека претерпевает колоссальные изменения. Способность к речи, к целеполаганию и к осознанию своего единства с другими людьми, участвующими в процессе труда, позволяет говорить о **формировании субъекта** – уже в социально-философском смысле.

В ходе исследования труда перед нами предстает сначала внешняя сторона сознания индивида (*знание*) как сформированная в процессе труда. Однако мы еще не видим устойчивого *общественного* характера деятельности индивида, его взаимосвязи с другими людьми. Эта взаимосвязь проявляется через отношение к результатам трудового процесса. И чтобы ее увидеть, нужно изменить «точку наблюдения».

«Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата – продукта, – то и средство труда, и предмет труда оба выступают как средства производства, а самый труд – как производительный труд»⁸³. Процесс труда, рассмотренный с точки зрения результата – продукта, – есть *производство*. В этом случае совокупность условий, факторов, возможностей производства можно определить как *производительные силы*, как совокупность *материальных условий* производства. Таким образом, категория производительных сил отражает *возможности* производства, которыми обладает человек, общество.

То, что говорилось о труде – его возобновлении и разделении, процессе совершенствования его компонентов, – применимо в целом и к производству с поправкой на изменение «точки наблюдения». Таким образом, *разделение труда*, позволяющее увеличить возможности компонентов и участников процесса труда, при взгляде со стороны продукта *выступает как разделение производства*, а поскольку усиливает общие возможности производства – как *производительная сила*.

Поскольку простейшее отношение между людьми – это отношение по поводу поддержания существования, постольку простейшее отношение в труде – это

через вербальную форму. – См., например, гл. 7 монографии Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии)».

⁸³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 23. – С. 192.

отношения по поводу того, для чего труд, собственно, и затевался: по поводу *продукта*, созданного ради удовлетворения какой-либо из телесных потребностей, то есть ради поддержания существования. Но в этом случае, как уже говорилось, труд рассматривается как *производство*. Соответственно, отношения людей по поводу продукта есть непосредственные *производственные отношения*.

Если с точки зрения *процесса* труда и *участия* в нем человека не важно, кому достанется продукт труда, то с точки зрения *производства* судьба *продукта* приобретает первостепенное значение. И самое *простое, поверхностное отношение в производстве* – это отношение между людьми по поводу *распределения* продукта производства, являющегося предметом потребления.

«Распределение в самом поверхностном понимании выступает как распределение продуктов и, таким образом, представляется отстоящим далеко от производства и якобы самостоятельным по отношению к нему»⁸⁴.

Но распределение предметов потребления коренится в распределении компонентов их производства. «Распределение продуктов есть, очевидно, лишь результат этого распределения, которое заключено в самом процессе производства и которое определяет структуру производства»⁸⁵.

Однако и в этом «производственном распределении» сам момент распределения играет подчиненную роль: в процессе развития основание и обоснованное меняются местами, предпосылки производства становятся его моментами. И теперь уже «структура распределения полностью определяется структурой производства. Распределение само есть продукт производства – не только по распределяемому предмету, ибо распределяться могут только результаты производства, но и по форме, ибо определенный способ участия в производстве определяет... формы, в которых люди принимают участие в распределении»⁸⁶.

И отношения людей в производстве, в конечном счете, есть отношения *ради потребления* – непосредственно, в случае распределения произведенных предме-

⁸⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 46, ч. I. – С. 33.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. С. 31–32.

тов потребления, либо опосредованно, в случае распределения средств производства либо производственных процессов.

Будучи рассмотрено с этой стороны, *потребление* предстает как процесс, завершающий распределение, присвоение и распоряжение присвоенным – собственностью. Потребление выступает как внутренне единое с производственными отношениями, но единство выступает пока что своей внешней стороной.

С другой стороны, речь идет о распределении *продуктов производства*⁸⁷. Рассмотренное с этой стороны, оно заставляет учитывать распределение компонентов производства, в процессе которого эти продукты произведены. В свою очередь, распределение компонентов производства – это распределение продуктов прошлого труда, их присвоение и распоряжение ими как своими – либо через новое участие в процессе производства, либо через непосредственно индивидуальное потребление.

Производственные отношения есть *необходимость*, поскольку вне связи людей не может осуществляться производительное отношение к природе. Производительное отношение к природе, или производительные силы, задают *спектр возможностей*, в рамках которых тем или иным образом реализуется разделение труда (производства), производственные отношения. На то, как и каким образом реализуются возможности, влияет та или иная комбинация компонентов производительных сил.

Для целей нашего исследования наиболее интересен главный компонент, *человек*, а также его *место* в совокупном труде.

Распределение как производственное отношение вытекает из *общественного* характера труда, из труда как *целого*. В свою очередь, каждый вид разделенно-

⁸⁷ Распределению может подвергнуться и нечто непроедленное, например нефть или газ. Но в этом случае отношение является производственным постольку, поскольку этот непроедленный природный ресурс включается в дальнейшее производство как его фактор. И, тем не менее, в той мере, в какой объект распределения и собственности дан природой в готовом виде, отношения по поводу его не вполне отделяются от природных, от животного потребления «ухваченного» членом животного сообщества, то есть не являются вполне производственными отношениями. (См.: Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 124.)

го труда влияет на распределение настолько, насколько он влияет на *целое* – на *совокупный* труд, и в этом смысле, *именно как общественное разделение труда*, представляет собой производственное отношение.

Зрелые процессы труда по производству компонентов труда, безусловно, есть процессы по подготовке условий достижения *общего* результата, но каждый из процессов есть, тем не менее, частный вид труда.

Наиболее близок к общему результату труд *по постановке цели*, поскольку цель и есть предвосхищение результата. Цель объединяет процесс труда и его компоненты в целое, определяет его содержание, делает действия по поддержанию собственного биологического существования *целесообразной* деятельностью по преобразованию природы. Цель направляет действия, *организует* процесс труда. Разделение труда на процессы постановки целей и их исполнения становится решающим. Соответственно, труд по постановке цели становится ведущим, а труд по ее исполнению – подчиненным. Тот, кто ставит цель, то есть предвосхищает результат, становится распорядителем этого результата.

Однако и сам управленческий труд разделяется между людьми. В нем выделяются процессы собственно постановки цели (включающие в себя подготовку и принятие решения), ее донесения до исполнителя (коммуникации с исполнителями), принуждения к исполнению и контроля исполнения. Соответственно, люди, находящиеся «внутри» этого разделения труда, по-разному относятся к цели, к целому, по-разному влияют на общий результат и, что важно для нашего предмета, по-разному видят этот результат и свое к нему отношение. Сам управленческий труд разбивается на ряд частных процессов. Управляющий, обособившийся в составе уже упомянутого «совокупного работника»⁸⁸, сам фрагментируется и становится «совокупным управленцем».

Производственные отношения определяют *место человека в совокупном труде*, а именно: результаты распределения людей по процессам труда и распределение между ними произведенных предметов потребления. Таким образом, они

⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 23. – С. 351.

представляют собой *стимулы*, побуждающие к участию и именно таким образом (через человека-участника) влияющие на процесс производства.

Если для всех участников производства/распределения обеспечены условия, необходимые для выживания, но не достаточные для полного удовлетворения потребностей, – вспыхивает борьба. Наиболее вероятный ее исход – удовлетворение потребностей одних за счет других, причем потребности этих других удовлетворяются даже в меньшей степени, чем при уравнительном распределении. Так, на сегодняшний день «наиболее богатая пятая часть населения мира получает почти 83 % мирового дохода; беднейшая пятая часть – менее 1,5 %. Беднейшие 60 % населения мира получают 6 % мирового дохода»⁸⁹.

«Победители» заинтересованы в *сохранении* отношений, дающих им преимущество, поэтому и развитие производства им интересно постольку, поскольку возможно *сохранение* наличных производственных отношений. Интерес «побежденных» к производству – *опосредованный*: они получают доступ к потреблению через «победителей», управляющих производством и распределением.

Подготовка людей к производству необходимого, но недостаточного количества предметов потребления означает обучение их минимуму операций, необходимых для конкретного, частичного процесса. Последствия этого живо рисует Адам Смит: «С развитием разделения труда занятие подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, т. е. главной массы народа, сводится к очень небольшому числу простых операций... Но умственные способности и развитие большей части людей необходимо складываются в соответствии с их обычными занятиями. Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций, причем и результаты их, возможно, всегда одни и те же или почти одни и те же, не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность для придумывания способов устранять трудности, которые никогда ему не встречаются. Он поэтому... становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое

⁸⁹ Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс. [Электронный текст]

существо... О великих и общих интересах своей страны он вообще не способен судить, и, если не прилагаются чрезвычайные усилия, чтобы повлиять на него, он оказывается столь же неспособным защищать свою страну во время войны. Однообразие неподвижной жизни... ослабляет даже деятельность его тела и делает его неспособным напрягать свои силы сколько-нибудь продолжительное время для иного какого-либо занятия, кроме того, к которому он приучен. Его ловкость и умение в его специальной профессии представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств»⁹⁰. К. Маркс в «Капитале» резюмирует наблюдения своего предшественника: «Обогащение совокупного рабочего, а следовательно, и капитала общественными производительными силами обусловлено обеднением рабочего индивидуальными производительными силами»⁹¹.

Подготовка индивидуального работника с самого начала как «частичного» есть *объективная* предпосылка того, что его взгляд на *целое* будет частичным. Кроме того, совершая частичный процесс труда, работник неизбежно *воспринимает* в качестве единственно важной *непосредственно данную цель* этого частичного процесса, а не процесса в целом. Это *субъективная* основа частичности, которая, собственно, и формирует обыденность.

В то же время, как это ни парадоксально, и «победители», будучи, с одной стороны, целеполагающим, управляющим участником процесса общественного производства, «головой совокупного работника», с другой стороны, осуществляют целеполагание *через призму своих частных интересов*. Посему выходит, что «частичность» свойственна не только исполнителям, но и тем, кто, управляя процессом в *целом*, реализуют, тем не менее, *частные* цели. Таким образом, налицо еще один, собственно общественный фактор «частичности» управленческого труда наряду с упоминавшимся «организационным».

Итак, процесс труда при простом его *повторении* совершается ради результата, продукта. Стимул в этом случае – получение предметов потребления. То,

⁹⁰ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., Эксмо, 2007. – С. 722.

⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 23. – С. 374.

как, в какой *пропорции* человек *получит* произведенное им, зависит от его места в системе производственных отношений.

Следует особо подчеркнуть: частичность участников процесса и отчужденность исполнителя от общего результата не просто взаимосвязаны – они задают *границу* стимулирующего воздействия производственных отношений. Если для работника процесс труда – это лишь условие участия в распределении, которое, в свою очередь, лежит на пути получения продукта, то и производство, и распределение есть лишь *внешняя* необходимость, *опосредующая* в глазах работника потребление и «не допускающая» к нему *напрямую*. Такая разделенность и опосредованность процессов производства, распределения и потребления создает *иллюзорное представление* о возможности их *раздельного существования*, возможности *потребления без труда (производства)*⁹². При этом труд, что вполне естественно, воспринимается как некое «авансированное наказание», подвергнувшись которому человек только и может получить право на потребление. И такая ситуация рассматривается как извечная: «Проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят...»⁹³. В таком случае естественно *желание избежать труда*, имеет место «негативное стимулирование», анти-стимул к труду.

При *повторяющемся* процессе труда, осуществляемом ради поддержания существования, производственные отношения влияют позитивно *на процесс труда* лишь в двух ситуациях.

1. **Индивидуальное производство**, когда человек (и его близкие) сам производит и непосредственно присваивает продукты своего труда, и обеспечивает этим, в конечном счете, свое потребление. В наиболее развитой форме такой труд – это труд ремесленника.

⁹² Собственно, античный образ рога изобилия, кочующий на протяжении двух с половиной тысячелетий по литературе Европы, есть квинтэссенция такого представления, что и объясняет в значительной мере устойчивость и популярность образа.

⁹³ Бытие, 3:17, 19.

2. **Справедливое распределение** пропорционально трудовым затратам, которое минимизирует возможности удовлетворения потребностей одних людей (групп) за счет недостаточного потребления других. На нынешнем этапе развития общества, когда, например, внутри России уровни доходов 10 % самых высокооплачиваемых и 10 % самых низкооплачиваемых работников разнятся в 17 раз⁹⁴ (при оптимальном соотношении не более 7), а в целом в мире эта разница составляет 42 раза⁹⁵, попытки справедливого распределения на деле либо сводятся к уравнилельным схемам, либо, как это было в СССР, откатываются обратно, в сторону «нормального» расслоения общества.

Итак, производственные отношения позитивно стимулируют *повторяющийся* процесс труда *до тех пор, пока последний остается индивидуальным*. Они *адекватны* ему. В остальных ситуациях, когда имеется *совокупный* труд, «из самого процесса труда возникает стремление избежать его, и тогда труд осуществляется тем успешнее, чем совершеннее принуждение к труду, распределение труда оказывается не добровольным, а принудительным»⁹⁶. Одним из основных факторов принуждения является отделение работника от средств труда, то есть отрицание индивидуального (крестьянского и ремесленного) труда.

Здесь мы фактически наметили *историческую эпоху*, в которой индивидуальный труд выражал тенденцию прогрессивного развития общественных производительных сил, и, соответственно, выдвинули гипотезу «точки перехода» обыденного сознания из прогрессивной в деградантную форму. Разделение труда приводит к бурному прогрессу производства, но одновременно становится началом растущей неадекватности производственных отношений общественному ха-

⁹⁴ Самойлова Полина. 1 богач = 17 бедняков. // Центральная профсоюзная еженедельная газета «Солидарность», № 20, 30 мая 2012г. –

URL: http://www.solidarnost.org/thems/politEkonomiya/politEkonomiya_8933.html

⁹⁵ Грабарь Яков. Богач-бедняк: мир оказался несправедлив / Яков Грабарь; РБК // РосБизнесКонсалтинг, 17 июля 2013 г. – URL: <http://top.rbc.ru/economics/17/07/2013/866357.html>

⁹⁶ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 137.

рактеру труда. *Можно сказать, что переход ко всеобщему разделению труда – это прогресс всех при деградации каждого.*

Но разделяющийся труд начинает превращаться в труд *изменяющийся*. В процессе изменения труда меняются его компоненты: предмет труда, средства труда, сам человек труда. И по мере нарастания изменений центр тяжести перемещается с результата на *процесс* труда.

Мы уже подчеркивали, что было бы поспешностью оценивать сказанное как прожектерство. Уже сейчас в среде интеллектуальных работников поднимаются подобные вопросы: о значении фундаментальной науки как непосредственно общественной производительной силы, о соперничестве не за более «денежный», а за более интересный участок работы, о нетоварном обмене результатами труда (т. н. «коллаборация». – См. с. 45), о несправедливости системы «защиты» авторского права, противоречащей как базовому принципу свободы субъектов рынка, так и непосредственно общественным формам производства – научному и инженерному знанию, высоким технологиям.

Переход от повторяющегося труда к изменяющемуся означает «снятие» предыдущей формы труда последующей, когда предыдущее состояние становится необходимым, но подчиненным моментом последующего. Эта тенденция очевидна, однако пока лишь как тенденция: все более ускоряющееся изменение процессов труда, характерное для нашего времени, подчинено по-прежнему *накоплению* продуктов труда⁹⁷.

Итак, производительные силы в единстве с простейшим отношением (потреблением) определяют производственные отношения, задавая «коридор возможностей» для их реализации. Со своей стороны производственные отношения влияют на производительные силы. Их *единство* есть *способ производства* в широком смысле – или *общественный способ производства*, именуемый так в отличие от *технологического* способа производства, характеризующего способ

97 См., например: Хомский, Ноам. Прибыль на людях : Неолиберализм и мировой порядок. - М.: Праксис, 2002. – С. 133-176

непосредственного соединения компонентов определенного производственного процесса.

«Общественный способ производства и представляет собой *сущность* общества... В нем производительные силы есть производственные отношения, а производственные отношения есть производительные силы: каждая из противоположностей есть свое иное в отрицании своего иного»⁹⁸.

Иными словами, *общественный* способ производства реализуется через *частные* виды труда. И даже если труд касается общего результата, результата в рамках всего общества, он остается при этом разделенным трудом, поскольку в рамках целого, *совокупного процесса труда* остается его *частью*.

И именно здесь через призму противоречия общественного производства намечается противоречие сознания. Человек именно в процессе общественного производства начинает осознавать себя «общественным индивидом», то есть личностью. **Взгляд на человека через призму общественного производства дает возможность вести речь об общественном характере сознания.** Оно заключается в двух взаимосвязанных факторах:

- 1) в знании процесса *общественного* производства;
- 2) в осознании своего единства с другими людьми в этом процессе.

В то же время разделенность процессов труда (производства) означает *частичность*⁹⁹ человека – как неотрывное от общественной сущности ее качество-антагонист. Разделение труда по отдельным видам сформировало «одномерного человека». Сложилось порабощающее разделение труда, и это касается не только «исполнителей», но и «управленцев». Последние, осуществляя целеполагание, формируя общее направление процессов производства – зачастую весьма крупных и сложно сочлененных, – тем не менее не видят целей *общественного* произ-

⁹⁸ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 140-141.

⁹⁹ Индивидуальный и частичный характер процессов труда (производства) *в конечном счете* есть их общественный характер, ибо всякий отдельный процесс труда (производства) возникает и существуют в совокупном труде (производстве), но он не имеет *непосредственно общественного* характера. Его общественный характер опосредуется сферами обращения и распределения.

водства, *всего* общества. Более того, даже ставя цели для всего общества, осуществляя политическую деятельность, «управленцы» (в данном случае политики) реализуют их через свой *частный* интерес – и через сопоставление (а иногда и столкновение) *частных* интересов различных групп избирателей. В этом смысле характерна апелляция к частному интересу в предвыборных материалах политических партий и отдельных кандидатов. В одной из публикаций, посвященных имиджевым и репутационным технологиям, мы указывали на весьма интересную особенность манипуляции обыденным сознанием. Суть ее заключается в том, что во время выборов, когда требуется привлечь наибольшее число голосов, на первый план выходит задача обращения к самой массовой и, значит, максимально неспециализированной аудитории. Учет (точнее, упоминание) интересов каждой из групп целевой аудитории приводит к внутреннему противоречию, которое может быть снято только виртуально. «Инструмент такой коммуникации – это образы, «картинки», чаще всего бессистемные, противоречивые. Они могут сосуществовать только в выдуманном или специально построенном для них мире имиджевой рекламы. Например, даже простейший мониторинг показывал, что все социальные обещания Б.Н. Ельцина, данные им во время второй президентской кампании (1996), были принципиально не выполнимы одновременно – на них просто не хватило бы бюджета. Поэтому на ТВ была создана виртуальная реальность, в которой они сосуществовали»¹⁰⁰.

Примерно таким же образом картины всей жизни человека – от рождения до смерти, включая и добрые, и злые дела, – сосуществовали на древнеегипетской фреске, изображающей суд Осириса. Аналогия с Египтом не случайна: большинство информации примитивно, но чрезвычайно живуче – совсем как древние рисунки.

2.4. Явление и действительность

Социальное – способ производства – как сущность общества не существует само по себе, «вообще», наподобие платоновских эйдосов. Сущность *проявляется*

¹⁰⁰ Сегал А.П. Имидж – ничто, репутация – уже кое-что. // Со-Общение, № 4, 2003. – С. 51-52.

через *непосредственное*, через природные связи людей. *Единство* социального и природного (и *формы* этого *единства*) – это уже не непосредственное, а *внутри себя* расчлененное единство. Мы как бы возвращаемся на поверхность, к человеческому бытию в его многообразии. Однако теперь разные стороны жизни общества не представляются нам игрой *хаотических* бликов на поверхности бытия: важны лишь те, что «подсвечены светом сущности». Это **сфера явления**.

Сущность является – и в своем проявлении существует. «Определенная сущность (Wesenheit), достигшая непосредственности, есть, *во-первых, существование*, а как неразличенное единство сущности со своей непосредственностью – существующее, или **вещь**. Вещь есть, *во-вторых, явление*. Явление – это то, что вещь есть в себе, или ее истина»¹⁰¹. Или, иначе, «вещь... есть существенное существование, снимающее себя в самом себе, есть *явление*»¹⁰². Здесь проявление сущности берется в его единичности и непосредственности.

Если производство осуществляется по преимуществу ради потребления, ради поддержания существования индивидов, то определяющим, «базовым» является воспроизводство цели и результата в *устойчивом* (а значит, **неизменном**) виде. Здесь востребованы индивиды, *знающие* уже опробованный процесс производства и способные предвидеть его течение в заданных, *неизменных либо мало изменяющихся* параметрах.

Индивид, рассмотренный таким образом, есть *общественный* индивид – но все же пока еще только общественный *индивид*. Здесь простейшее отношение (потребления) в свете общественного способа производства предстает как потребление индивидом *произведенных* продуктов. Примерно так же можно увидеть «свечение сущности» в социальной обусловленности множества других сторон жизни общества. Все различные проявления в их единстве, непрерывности, тождественности есть сфера *собственно явления*.

¹⁰¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3-х томах. - М.: Мысль, 1971. – Т. 2. – С. 111-112.

¹⁰² Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. – М.: Мысль, 1974. - Т. 1. Наука логики. – С.

Проявление сущности в непосредственности есть проявление сущности как таковой (взятой отдельно, в своей неизменности), в ее *сопоставлении с непосредственностью*. И оно выступает как *типичное*: на первый план выходит *похожесть* явлений и их неизменность. При рассмотрении сферы явления люди предстают уже в определенной степени как личности, однако на первый план выходит то, что они есть типичные, одинаковые человеческие индивиды в их непосредственной *вещности* и относительной неизменности. Родившийся и растущий индивид социализируется, включаясь в процесс производства, превращается в личность. Однако, включившись в неизменяющийся (или слабо изменяющийся в период, сопоставимый с жизнью индивида) процесс, он перестает меняться, развиваться как личность.

Но если рассматривать *изменяющийся* способ производства, то востребованными оказываются индивиды, способные *предвидеть* изменение — причем не только того определенного производства, в которое они включены в настоящий момент, но и *всего общественного* производства **в целом** — и *сознающие* свое участие в этом процессе. Иными словами, потребность в осознании *общественного целого* вытекает из *процесса изменения общественных отношений* производства. «Действительная *личность* обнаруживает себя тогда и там, когда и где индивид в своих действиях и продукте своих действий вдруг производит результат, всех других индивидов волнующий, всех других касающийся, всем другим близкий и понятный, короче — *всеобщий результат, всеобщий эффект*»¹⁰³. Здесь мы подчеркнем, что не пытаемся провести однозначный формальный водораздел между индивидом и личностью. Превращение индивида в личность¹⁰⁴ есть *процесс*. И по мере развития этого процесса можно говорить о «степени наполнения» индивида общественным содержанием.

¹⁰³ Ильенков Э.В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. — 2-е изд. — М., Политиздат, 1983. — С. 355.

¹⁰⁴ Превращение индивида в личность не означает отрицания его как индивида. Это как бы «наращивание» на биологическом основании социального «этажа».

2.4.1. Сознание

Обратим внимание, что при логическом рассмотрении общества репрезентация сознания – родового понятия, охватывающего в том числе и предмет нашего исследования, *обыденное* сознание, – происходит только сейчас. В начале этой главы мы упоминали сознание в контексте *воспроизводства* человека или его *производственной* деятельности, и лишь теперь пришли к нему на уровне внутри себя расчлененного единства социального и природного, т. е. пришли к *специальному* рассмотрению сознания.

Таким образом, вся цепочка предшествующих рассуждений представляла собой шаги по *развертыванию* этой категории в *контексте развития общества*. Мы рассматривали человека, начиная с его биологических, природных характеристик. (Но подчеркнем еще раз: это был современный человек.) Сознание неявным образом предполагалось уже с самого начала: процесс воспроизводства жизни рода сразу брался именно как предпосылка сознания, процесс труда – как процесс формирования сознания. Значит, сразу предполагалось то, предпосылкой и этапами формирования чего эти процессы являются, – *сознание*.

Сознание в целом *вырастает* из процесса производства и, собственно, ради этого процесса существует. Мы уже достаточно подробно рассмотрели это «назначение» сознания и ряд его особенностей. Однако, следуя общей методологии исследования и изложения, мы переходим от внешней стороны, схваченной непосредственно, к другой стороне и выделяем связи этих сторон – сначала внешние, а затем и внутренние.

«Сознание имеет в себе две стороны; с одной стороны, это предвосхищение в представлении, т. е. идеально, результата преобразования предмета труда средствами труда, иначе говоря, речь идет о *знании*; с другой стороны, это есть предвосхищение в представлении, идеально, своего отношения к людям и людей к себе, отношений людей друг к другу. Вторая сторона и есть само по себе созна-

ние, т. е. знание со стороны его *общественного* существования, существования через общественные отношения»¹⁰⁵.

Знание и само по себе сознание есть единство, расчлененное внутри себя, они образуют в этом внутренне расчлененном единстве *сознание в широком смысле*.

Используя иную терминологию, можно указать на два взаимосвязанных способа ориентации человека в мире, «а именно: **рефлексивную ориентацию** или **познание** мира и **ценностную ориентацию** или **осознание мира**»¹⁰⁶.

Заметим: здесь, как и везде, исследование идет по пути выделения сначала одной, непосредственно воспринимаемой стороны. Затем «луч внимания» переходит ко второй стороне, выделяя ее внешнюю связь с первой стороной. Потом исследователь рассматривает вторую сторону саму по себе, подходя к сущности, а затем возвращается к первой стороне, уже «подсвеченной светом сущности». Первая сторона снимается, сохраняясь как момент внутри себя расчлененного единства.

Первую сторону сознания, знание, мы уже представили в ходе рассмотрения процесса производства. Тогда же мы выделили определенные черты собственно сознания, то есть осознания себя в единстве с другими людьми. Речь, в первую очередь, идет об отношениях обучающего и обучаемого, ученика и учителя, отношениях, которые, однако, в контексте первой, «производственной» стороны сознания были воспринимаемы лишь как процесс обеспечения передачи и приобретения знаний.

Знание образуется прежде всего в процессе целесообразной деятельности по преобразованию природных объектов и представляет собой первую, непосредственно воспринимаемую сторону сознания. Именно знание позволяет поставить *цель*. Собственно, знание – это и есть цель: оно предвосхищает *результат* про-

¹⁰⁵ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 148-149.

¹⁰⁶ Момджян К.Х. Социальная философия: деятельностный подход к анализу человека, общества и истории. / К.Х. Момджян. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – С. 56.

цесса труда (см. с. 38), *способ* и *средства* его достижения. Таким образом, знание отражает не только то, что есть, но и то, что будет; оно (в аспекте целеполагания) есть предвосхищающее отражение.

Знание и познание, будучи в своей специфике связанными по преимуществу с непосредственным либо опосредованным преобразованием природных объектов, с производством, представляют собой в основном *отражение природных закономерностей* и по своей структуре и *специфике* приспособлены к такому отражению. Поэтому знание (познание) выступает преимущественно как отношение преобразующего *субъекта* к преобразуемому *объекту*, объективно, независимо от него существующему. Такая «субъект-объектная» специфика накладывается и на процесс *познания общества*, отношений людей, самого сознания: они отражаются, во-первых, как *объекты* и, во-вторых, через «методологический трафарет» естествознания, зачастую как *природные объекты*.

Сознание же (в узком смысле, собственно сознание) проистекает из отношений *людей* в процессе преобразования природы, в производстве, то есть из *общественных* отношений производства. И представляет собой *осознание* этих отношений.

Обычно в социально-философских исследованиях в первую очередь приходится обращать внимание на *различие* этих сторон сознания. В ряде исследований сознание разделяется на когнитивное и проектное, а затем внутри этих его частей определяются рефлексивные и ценностные (валюативные) компоненты.

Так, К.Х. Момджян отмечает не просто необходимость «различать два разных способа ориентации человека в мире, а именно *рефлексивную ориентацию* или *познание* мира и *ценностную ориентацию* или *осознание мира*», но и «принципиальное значение» этого вопроса для понимания философии. Ни в коем случае не отвергая важности такой постановки вопроса, мы лишь заметим, что *наша* задача в *этой* работе – выделить **общий** момент знания и осознания.

В сущности, наш подход не противоречит вышеназванному, он лишь реализуется в иной последовательности. В самом деле, мы вначале рассматриваем сознание как единство знания и собственно сознания (единство рефлексивного и ва-

люативного аспектов), а затем, придя к специальному рассмотрению общественного сознания, выделяем его *формы*, связанные с действиями, чувствами и мыслями.

Поэтому для целей нашего исследования мы принимаем позицию, согласно которой «в знании, познании... познающий – субъект, а то, что познается, – объект, тогда как в собственно сознании знание, познание, отношение *субъекта и объекта* есть необходимый, но подчиненный момент, а главный специфический момент сознания есть отношение *субъектов друг к другу*»¹⁰⁷.

Еще раз обратим внимание на *два методологически важных момента*.

Во-первых, подчеркнем, что прежде мы фиксировали *отдельные стороны* сознания, рассматривали его, скорее, феноменологически, на пути от поверхности к сущности. В целом же *сознание как таковое фиксируется только сейчас* – на уровне перехода от рассмотрения неразличенного единства сущности со своей непосредственностью через соотношение форм (существенное отношение) к их внутри себя расчлененному единству – *действительности общества*.

Во-вторых, подчеркнем момент, снимающий возможные претензии относительно общепринятых взглядов на соотношение категорий знания и сознания (осознания), или, иначе, рефлексивной и валюативной ориентации¹⁰⁸. Мы прекрасно осознаем ограниченность процедуры формальной онтологизации. Более того, мы не стремимся придать инструментальной процедуре анализа и синтеза некий онтологический статус и вполне осознанно применяем ее как *процедуру для решения своих задач*.

Рассмотрение по отдельности знания и сознания есть методологический *прием*, определяющий *последовательность* исследования и изложения предмета («нельзя объять необъятное»). В отрыве друг от друга они реально не существуют, и *сознание в широком смысле* есть их внутреннее единство. Однако именно

¹⁰⁷ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 156-157.

¹⁰⁸ См: Момджян К.Х. Социальная философия: деятельностный подход к анализу человека, общества и истории. / К.Х. Момджян. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – С. 57-67.

этот прием позволяет, например, взглянуть на отличие наук о природе и об обществе и выделить существенный признак этого отличия: первые представляют собой по преимуществу знание, вторые – по преимуществу сознание.

«Действия, чувства, сознание, касающиеся изменения общества, общественного производства как *целого*, имеют своим *содержанием* это целое и представляют собой *общественные* чувства, *общественное* сознание, *общественные* действия»¹⁰⁹.

Исследователь, движущийся по пути вычленения единства явления и сущности, видит, что специфика собственно сознания, общественного сознания не сводится к специфике науки, даже если *объектом* познания взят человек (как носитель сознания и самосознания) или общество в целом. Собственно общественное сознание, общественное сознание в узком смысле, мы рассматриваем как *регулятор* взаимоотношений людей как *субъектов*. Как отмечает К.Х. Момджян, «генезис социума предполагает не только становление абстрактно-логического мышления и целенаправленной орудийности, но и особого наиболее эффективно-го типа *коллективности*, основанного на сознательной ориентации на другого»¹¹⁰.

Это, в свою очередь, с необходимостью предполагает еще и рассмотрение людей как обладающих *самосознанием*: чтобы воспринимать *другого* человека как *субъекта* и соотносить себя с ним, надо осознавать *себя* как *человека* и как *субъекта*... «Самосознание... из непосредственной самоочевидности которого исходят и Декарт, и Фихте, представляет собою действительно специфически человеческое качество — *атрибут личности*»¹¹¹. Коллектив личностей – это специфически *человеческий* коллектив. Иначе говоря, человек может стать *личностью* только среди людей и в отношении к людям: он выделяется из человеческого

¹⁰⁹ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 154.

¹¹⁰ Момджян К.Х. Социальная философия: деятельностный подход к анализу человека, общества и истории. / К.Х. Момджян. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – С. 350.

¹¹¹ Ильенков Э. В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. – 2-е изд. – М., Политиздат, 1983. – С. 341.

коллектива и в то же время осознает свое единство с ним. При этом человек должен иметь *возможность* и *способность* свободно выбирать, определять свои действия в отношении объектов своей деятельности и субъектов, осуществляющих собственную или совместную с ним деятельность.

2.4.2. Общественное сознание

Поскольку мы рассматриваем общественное сознание как «регулятор» взаимоотношений между людьми, предполагающий знание людей об обществе, в котором они живут, сознание того, что это сообщество людей, и самосознание, то есть осознание себя одним из этих людей, – постольку следует заострить внимание на том, «из чего состоит» и «где находится» общественное сознание. Почему? Потому что именно в ответах на эти вопросы проходит водораздел между представлениями

- а) **о человеке** как об изолированном индивиде – или как об общественном продукте и общественном существе;
- б) **об обществе** как о механической совокупности элементов, институтов и т. п. – или как об органическом целом.

Как уже говорилось, последовательно критиковать или даже просто оценивать какую-либо позицию можно, только последовательно изложив собственную. Но здесь речь идет о принципиальном мировоззренческом рубеже. Поэтому мы все же отступим от хода логического рассмотрения и отметим, что отношение к личности всего лишь как к индивиду, пусть и обладающему сознанием, а к общественному сознанию всего лишь как к механическому агрегату индивидуальных сознаний (этих индивидов) странным образом сводит в общую точку, казалось бы, противоположные взгляды. Оно приводит к «общему знаменателю» как объективных идеалистов, реалистов-неоплатоников «лосевского» толка, говорящих об изначальном смысле эйдосов и их трансцендентном предсуществовании, так и редукционистов «бехтеревского» направления, сводящих мышление и сознание к инстинктам и «природной субстанции».

Интересно отметить, что многие видные представители точных и естественных наук в последнее время начали, с одной стороны, критиковать как ре-

дукционизм, так и феноменологический, спекулятивный подход, а с другой – подходить к человеческому обществу *как целому*. Так, в апреле 2010 года, выступая с лекциями «Россия и мир в демографическом зеркале» в проекте «Academia» российского телеканала «Культура»¹¹², С.П. Капица высказал, в частности, мысль о том, что общественные закономерности действуют в отношении *всего* человечества, а не отдельных стран, и что эти закономерности меняют цели человеческого общества и его потребительское поведение. По его мнению, задача людей – познать свою роль в этих изменениях и сделать их *сознательными*. «Я не могу объяснить, что такое сознание, я могу сказать, что это есть коллективное состояние, как бы общественное сознание, есть такое довольно мутное понятие в социальных науках»¹¹³. Иными словами, Сергей Петрович подошел к категории *общественного сознания* и... остановился, не решившись ее использовать. Тем не менее он использовал несколько заменителей-синонимов, выбранных по аналогии из более близких ему физико-математических терминов, то есть знаменитый математик *фактически* воспроизвел формально-содержательные признаки категории общественного сознания.

Этот пример выбран нами для того, чтобы подчеркнуть важность прояснения места и роли этой системообразующей категории. Итак, перейдем к общественному сознанию, к его, фигурально выражаясь, «локализации» и «детализации».

С нарастанием изменений в обществе все более нарастает потребность в осознании людьми своего участия в «*общественном целом*». Можно сказать, что индивиды, сознающие свои действия как элемент общественного целого (а само-

¹¹² См.: ВГТРК, Телеканал «Культура».

19.04.10. ACADEMIA. Сергей Капица. «Россия и мир в демографическом зеркале». 1-я лекция. – URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/156358/video_id/156358;

21.04.10. ACADEMIA. Сергей Капица. «Россия и мир в демографическом зеркале». 2-я лекция. – URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/156649/video_id/156649.

¹¹³ Там же. 1-я лекция. http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/156358/video_id/156358

сознание, как мы отмечали, – это *атрибут личности*¹¹⁴), как раз и составляют собою, словно кусочки смальты, мозаичную картину – общественное сознание. Утверждение в первом, поверхностном приближении верное, но неполное. Остановиться на этом утверждении означало бы редуцировать общественное сознание к простой механической сумме индивидуальных сознаний (см. выше: с. 66), причем не всех, а только «сознательных».

Но общественное сознание не исчерпывается совокупностью сознаний индивидов хотя бы потому, что каждый индивид находится в постоянных *отношениях, взаимодействиях с другими людьми, группами людей и обществом в целом*.

С другой стороны, всеобщее «порабощающее разделение труда» (Маркс) не позволяет никому охватить весь спектр общественного бытия ни вширь, ни, тем более, вглубь. Посему каждый из нас вне рамок своей специализации представляет собой носителя обыденного *знания*. А если учесть несовпадение групповых (классовых) интересов, двойные стандарты, когда цели «управленцев» скрыты для большинства за декларацией «целей общества», то увидеть общественные процессы *в целом* часто просто невозможно – и большинство членов общества представляют собой и носителей обыденного *сознания*.

Поэтому простая «сумма» (обыденных) сознаний в широком смысле (знание и сознание) дает, скорее, пресловутое «общественное мнение», препарированное скальпелем критики Пьера Бурдьё и Патрика Шампаня: «Опросы общественного мнения исходят из того, что все имеют мнение обо всем, что все мнения равноценны и обладают одинаковой социальной силой (судя хотя бы по одному, внешне сугубо техническому факту, что все мнения складываются и затем выводится процентное соотношение)»¹¹⁵.

Кроме того, следует заметить, что, с одной стороны, каждый человек помимо своей воли и желания застает в этом мире других людей и определенный тип отношений между ними. Он может познать только *этих* людей и *это* общество. С

¹¹⁴ См.: Ильенков Э.В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. – 2-е изд. – М., Политиздат, 1983. – С. 341.

¹¹⁵ Шампань Патрик. Делать мнение: новая политическая игра. – М., Socio-Logos, 1997. – С. 276.

другой стороны, люди выступают как субъекты, следовательно, в воле и в возможности «пришедшего» человека осознать свое единство и различие с другими людьми. Причем отношения с другими людьми, взаимодействие с ними, мысли и чувства по этому поводу изменяются, а стало быть, проходят через сознание, прежде чем сформироваться и реализоваться.

Сами отношения и связи между людьми – членами коллектива – осознаются этими людьми, составляя в совокупности с их индивидуальными сознаниями (и самосознаниями) *содержание* общественного сознания. Общественное сознание и личности взаимополагаются и раздельно не существуют¹¹⁶.

Общественное сознание складывается из сознаний личностей, но не сводится ни к личному сознанию, ни к сознанию некоего надличностного субъекта. Оно существует *только* в головах личностей, но в то же время *не тождественно* сумме этих сознаний. Это продукт деятельности коллектива, ансамбля личностей, образующих целостность или органическое единство. Собственно, вне этого ансамбля не может быть и отдельной личности... ибо разница «человеческого самочувствия» и «самочувствия вообще» «для самой личности... обнаруживается только через реальное столкновение с другой личностью (с другими личностями)»¹¹⁷.

Общественное сознание, таким образом, есть продукт развития общества как целого и может быть определено как *содержание* всех индивидуальных сознаний и тех их связей, которые не просто осознаются, а формируются именно потому, что проходят через сознание. Содержание каждого из индивидуальных сознаний – общественное, поскольку каждое индивидуальное сознание сформировано обществом. В то же время каждый отдельно взятый индивид справедливо соотносит другого индивида с собой как нечто внешнее, то есть рассматривает

¹¹⁶ Еще раз подчеркнем: мы не стремимся дать исчерпывающую краткую и формально непротиворечивую дефиницию *общественного сознания*. Прежние попытки сделать это приводили исключительно к путанице. В нашем случае мы демонстрируем *разворачивание категории*. Собственно, дальнейшее изложение предмета *логическим* методом в значительной мере будет именно разворачиванием этой категории.

¹¹⁷ Ильенков Э.В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. – 2-е изд. – М., Политиздат, 1983. – С. 341.

как *объект*, а объект предполагает познание. В этом контексте *познание* и его результат – *знание* – выступают как *момент сознания*.

С другой стороны, поскольку общественное сознание внешне по отношению к *отдельному* индивиду (ибо есть *другие* индивиды), постольку индивидуальное сознание – это *со-знание* себя в единстве с другими. Индивидуальное сознание в этом контексте выступает как *внутренний момент* общественного сознания.

В собственно общественном сознании для каждого индивида другие индивиды выступают не только и не столько в качестве объектов, сколько в качестве субъектов, внутренне единых друг с другом. Объектом знания, познания здесь выступает субъект.

Тем не менее у общественного сознания (его познавательной стороны, или *общественного знания*) имеется и свой *объект*: *то* в отношениях и связях людей, что совершается без участия сознания. Речь идет о производственных отношениях, которые не зависят от сознания в той мере, в какой определяются спектром возможностей, предоставленных производительными силами.

Общественное сознание *в той мере*, в которой оно есть *знание*, отражает материальную сторону жизни общества, а именно: возможности изменений и процессы изменений производственных отношений. Общественное сознание *в той мере*, в которой оно есть *собственно сознание*, **регулирует** отношения людей как *субъектов* – активных и знающих себя в своем единстве.

Дальнейшее системное рассмотрение человека как общественного существа, личности и его сознания приводит нас к *содержанию* и *формам* общественного сознания.

Чрезвычайно эффективную с точки зрения анализа общественных процессов концепцию содержания и *форм* общественного сознания выдвинул еще в 1988 году В.А. Вазюлин. Она основывается на уже упоминавшейся здесь идее о том,

что *содержание* общественного сознания не сводится к простому отражению¹¹⁸ общественных процессов, не зависящих от человека, и рассматривает других людей не столько в качестве *объектов воздействия*, сколько в качестве *субъектов взаимодействия*¹¹⁹.

«Поскольку же имеется в виду общественное *со-знание*, постольку оно имеет содержание, не сводимое просто к отражению процессов, отношений, связей, не зависящих от общественного сознания, постольку оно имеет содержание, не сводимое только к знанию, познанию. Само это содержание общественного сознания имеет различные формы. Содержание и формы общественного сознания есть продукты взаимодействия людей, имеющих чувства, мысли, людей действующих»¹²⁰.

Таким образом, формы общественного сознания определяются тем, какой аспект взаимодействия людей они отражают и регулируют: действия, чувства или мысли. При этом формы могут иметь различные проявления – в зависимости от степени зрелости общества. Так, форма, отображающая и регулирующая по преимуществу действия, проявляется как мораль, политика или право. Выход на первый план чувств дает нам форму, проявляющуюся в виде эстетического или религиозного сознания. И, наконец, третья форма общественного сознания образуется посредством преломления содержания общественного сознания преимущественно через призму *мыслей* сознающих (и самосознающих) индивидов. Речь идет о *философии*. Похоже, но несколько сложнее, выглядит классификация в работе К.Х. Момджяна. Выделяя две подсистемы сознания – ориентационную и проект-

¹¹⁸ Мы здесь не используем термин «рефлексия», который часто используют взамен, считая термин «отражение» слишком образным или «слишком марксистским». Однако у Гегеля, к которому мы неоднократно обращаемся, а вслед за ним у Маркса «рефлексия» означает иное: направленность духа на самого себя.

¹¹⁹ См.: Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 164-192.

¹²⁰ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 163-164.

ную – и подчеркивая «сложнейшие отношения, существующие между ними»¹²¹, автор затем разделяет ориентационную систему, указывая на «два разных способа ориентации человека в мире, а именно *рефлексивную ориентацию* или *познание* мира и *ценностную ориентацию* или *осознание мира*»¹²². Более того, области проектного, валюативного и рефлексивного сознания *сопоставляются* напрямую¹²³ – не как субординированные, а как рядоположенные, укладывающиеся таким образом в приведенную выше линию «дела – чувства – мысли».

Мы не ставим перед собой задачу подробного рассмотрения форм общественного сознания и здесь лишь подчеркнем, что *деятельность*, направляемая общественным сознанием, включает в себя (кроме самого общественного сознания) также *процесс и средства* организации (объединения) людей как социальных субъектов. Все это – *механизм обратного воздействия* людей на общественные условия их существования, который в прежние времена именовался «базисом», а сейчас именуется «институциональной структурой общества»¹²⁴. Переход к рассмотрению совокупности таких механизмов воздействия означает переход к специальному рассмотрению *единства* общественного сознания и общественного бытия *в их различии...*

Продолжая движение по спирали, мы опять приходим «назад», к человеку как биологическому существу, к индивиду, но уже на новой основе. Таким образом, исходный пункт движения предстает в преобразованном, снятом виде. «Личность есть человек как внутреннее *единство* социального и индивидуального, есть «преломление» социального через живых индивидов. *То* в социальном, что остается внешним для индивида, не усвоенным им, не есть достояние его как лич-

¹²¹ Момджян К.Х. Социальная философия: деятельностный подход к анализу человека, общества и истории. / К.Х. Момджян. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – С. 54.

¹²² Там же. С. 56.

¹²³ См.: К.Х. Момджян. Социальная философия: деятельностный подход к анализу человека, общества и истории. / К.Х. Момджян. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – С. 102-124.

¹²⁴ См., например: Институциональная экономика: новая институцион. экон. теория / Под общ. ред. А.А. Азуан. – М., 2011.

ности, не есть личностное»¹²⁵. Отсюда многообразие и различие личностей, представляющих собою бесконечное множество «комбинаторных конфигураций» социального и биологического. Впрочем, существуют методы *классификации* (типологизации) личностей, основанные на соотнесении строения общества и «социальной программы» развития личности. Такая программа задается строением общества и в то же время направлена на сохранение или изменение этого строения. Мы обратимся к концепции типологии строения личностей во второй главе, при рассмотрении исторического процесса становления сознания и обыденного сознания.

Общественное сознание существует в своих формах и представляет собой ансамбль индивидуальных сознаний, которые реализуются в деятельности их носителей. *Общество* как ансамбль личностей есть *действительность общественных отношений*. «Действительность есть ставшее непосредственным единство сущности и существования, или внутреннего и внешнего»¹²⁶.

Из сказанного выше можно вывести иерархию целей общества как такового от базовой цели (поддержания *только* физического существования индивидов и *лишь* физического продолжения человеческого рода) до высшей цели (существование, воспроизведение, развитие людей как личностей). Причем осуществление высшей цели с необходимостью предполагает осуществление базовых, природных целей, но в *снятом* виде – как преобразованных, подчиненных моментов. Лежащая в основе базовая цель преобразована обоснованным, стала его моментом именно в том смысле, что без обоснованного основание перестает быть человеческим и толкает нас обратно, в стихию животной жизни.

Сразу отметим, что действительность предполагает еще один, обратный бросок в сторону сущности. Ведь «в широком смысле сущность включает в себя собственно сущность, явление и действительность. Это включение в сущность явления и действительности правомерно потому, что явление и действительность не есть нечто лишь непосредственное, а есть необходимые (сущностные) формы

¹²⁵ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 195.

¹²⁶ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1. Наука логики. – С. 312.

проявления сущности в непосредственном»¹²⁷. Действительность есть *полное единство* явления и сущности. В отношении нашего предмета, то есть обыденного сознания, действительность общества есть его отрицание, снятие.

Таким образом, мы можем сформулировать основную идею данного параграфа: изменение производства и общественного способа производства требует (и формирует) человека, *осознающего* эти изменения и свою роль в них.

§3. Сознание, рассмотренное само по себе; сущность сознания как «малый виток спирали»

Может показаться, что все время до этого момента мы говорили о чем-то, не имеющем отношения к предмету исследования. Однако это не так. Напомним рассуждения Гегеля о том, с чего следует начинать науку. Во вводном разделе первого тома «Науки логики», посвященном именно этому вопросу, Гегель, понимая, что последовательное и тщательное разворачивание категорий может показаться читателю чрезмерным, специально заметил: «То, с чего начинают... должно брать в его простой, ненаполненной непосредственности, следовательно, *как бытие*, как то, что совершенно пусто. Если кто-то выведенный из терпения рассматриванием абстрактного начала скажет, что нужно начинать не с начала, а прямо с самой *сути*, то [мы на это ответим], что суть эта не что иное, как указанное пустое бытие, ибо, что такое суть, это должно выясниться именно только в ходе самой науки и не может предполагаться известным до нее... Тем, кто остается недовольным этим началом, мы предлагаем самим взяться за решение этой задачи: пусть попробуют начинать как-нибудь иначе, чтобы при этом избежать этих недостатков»¹²⁸.

¹²⁷ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 145.

¹²⁸ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3-х томах. – Т. 1. – М.: Мысль, 1970. – С. 132-133.

Мы следовали именно этой методологии, на протяжении всей главы *развивая* категорию сознания и имея при этом в виду как минимум *две существенно важные позиции*.

Во-первых, сознание принципиально невозможно рассматривать (по крайней мере, в философском ключе) *вне и независимо от его носителя* – человека, причем взятого не как «изолированный индивид», а как общественное существо. Сознание как таковое, рассмотренное само по себе, становится беспредпосылочным и беспредметным. Если первое для части исследователей не представляет проблемы и, более того, очевидно и бесспорно, то второе вызывает вполне серьезные сомнения даже у представителей идеалистической традиции. Вспомним здесь, что Гегель, рассматривая сознание как причину и предмет самого себя, предполагает, тем не менее, *самопознание* сознания через свое инобытие – коллективное человеческое сознание.

Тем более справедливо это замечание в *социально-философском* контексте: беспредпосылочность и беспредметность не решают проблемы потребностей, мотивов и реальных действий, а, напротив, уходят от них.

Во-вторых, *обыденное* сознание нельзя рассматривать вне и независимо от *сознания в целом* (как в широком, так и узком смысле слова), поскольку понятие «сознание» *включает в себя* понятие «обыденное сознание», как род включает в себя вид. Обыденное сознание, на наш взгляд, представляет собой *компонент* органического целого, но само органическим целым *не является*. Это предположение может быть обосновано только путем систематического рассмотрения сознания. Собственно, в этом разделе работы мы как раз стремимся представить уже рассмотренный материал под новым углом зрения, высветив «прожектором» нашего внимания именно то, *что* мы определили в качестве предмета исследования, то есть сознание и обыденное сознание. Для этого мы стремимся пройти ряд отрезков рассмотренного нами «бóльшего витка спирали» как отдельные «малые витки». Поэтому по возможности мы будем ссылаться на текст и выводы предыдущих разделов и повторять описанное лишь в той мере, в какой это необходимо для текущего изложения.

3.1. Структура сознания, взятого само по себе

Вначале, на уровне *непосредственного тождества* социального и природного, мы вычленили *непосредственную, предпосылочную* форму сознания¹²⁹.

Мы констатировали, что обучение умениям и навыкам поддержания существования есть высшая форма непосредственно видовых отношений, и именно в этом процессе *индивид* с необходимостью впервые соотносит себя с иным существом своего вида. Это есть **предпосылки** а) *знания* как отражения взаимодействия с природой, б) *сознания* как «знания о других» и в) *самосознания* как соотношения себя с другими людьми. Иными словами, это есть *предпосылки сознания*, но еще не *само* сознание.

Сознание, рассмотренное в виде своей предпосылки через призму простейшего отношения, непосредственного тождества природного и социального, то есть в процессе непосредственного потребления, предстает в виде *умений и навыков* – практического *нерефлексированного* применения *знаний*, передаваемых в процессе *обучения* младшего поколения старшим.

Важно отметить, что здесь на первом плане – именно умения и навыки *добычи* готового природного предмета, потребление которого не требует опосредования производством, с одной стороны, и принцип «делай, как я» в общении, который не требует опосредования речью – с другой.

Иными словами, с точки зрения логического рассмотрения предмета сознания индивида, в его животной непосредственности, несет на себе пока еще «отрицательную определенность» знания, мышления и сознания.

¹²⁹ Здесь чрезвычайно важно помнить следующее: мы *излагаем* процесс, *зная* его результат. Поэтому мы показываем предпосылки специфически человеческого способа взаимодействия с природой, исходя из того, что у нас уже сформировалось понимание свойств человека как компонента отношения к природе. Эти свойства, как мы уже показывали, таковы:

- *знание* компонентов процесса труда,
 - в том числе способность к *познанию* (приобретению знаний), к постановке *целей* (индивидуальных, производственных, общественных),
- *сознание*, т. е. знание и познание себя в *единстве* с другими индивидами и с обществом,
 - в том числе *самосознание*.

В совокупности эти качества представляют собою сознание в широком смысле.

Непосредственное тождество не показывает специфику *человеческого* отношения к природе и к себе подобным (к среде обитания и к биологическому виду), если эту специфику не соотносить с «анатомией человека» (Маркс)¹³⁰. Ведь обучение навыкам поддержания существования, с одной стороны, и сложное «социальное» поведение, с другой, свойственно многим высшим животным. Оставаясь на уровне непосредственного, на поверхности, наблюдатель может впасть в соблазн приписать сознание не только высшим, но вообще любым животным, и даже растениям (антропоморфизм, заметим, стал в последнее время довольно распространенным явлением). По большому счету, это вполне ожидаемая и закономерная иллюзия, проистекающая именно из определенной познавательной позиции.

Детально рассматривать *внешнюю* сторону сознания (*знание*) мы начинаем только в процессе рассмотрения специфически человеческого действия – труда. Это связано с тем, что только труд как «целесообразная деятельность» (Маркс) позволяет говорить о *цели* как предвидении результата и процесса – и о рефлексии относительно них. Последняя, в свою очередь, есть предпосылка *сознания* и *самосознания*, о чем речь пойдет несколько позже.

Начало перехода от непосредственного, *от поверхности*, от простейшего отношения к *сущности* означает начало специального рассмотрения *специфически человеческого* способа взаимодействия с природой. На первый план выходит *отличие* социального от природного, человеческого от животного.

Присущая *лишь человеку* способность *изменять форму* предметов природы, делая их пригодными для потребления, означает следующее:

- а) что человек начинает *производить* сначала предметы потребления, а затем и сами орудия производства;
- б) что человек, в отличие от животных, *передает* следующим поколениям *знания* в процессе осознанного обучения, выделяя в речевом общении

¹³⁰ См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 46, ч. 1. – С. 42.

существенные стороны предмета, преобразуемого в процессе производства в предмет потребления.

При специальном рассмотрении обмена веществ между *человеком и природой* на первый план сначала выходит *деятельность*, активность человека, его специфическая, *в отличие от животных*, форма воздействия на природу – *труд*. В контексте, как уже сказано, *отличия* социального от природного все компоненты процесса труда рассматриваются именно как *объекты активности* человека, а человек, соответственно, – как субъект *целесообразной* деятельности.

В ходе становления труда человек приобретает ряд свойственных только ему качеств (подробнее см. с. 33):

1. Освобождение от инстинктов, приобретение органических потребностей, не предопределяющих ни объектов потребления, ни способа добывания¹³¹. Отсюда – ряд способностей:
 - заменять одни предметы потребления другими;
 - ставить цели, а значит – планировать средства и предмет;
 - выделять существенные, универсальные свойства природных материалов, имеющие значение для обработки и потребления.
2. Универсализация средств и предметов труда – и созревание знания об универсальном, общем для данного процесса труда.
3. Сохранение и передача этих знаний.
4. Выделение в качестве отдельного вида труда процесса обучения и универсализация человека труда.
5. Возникновение «умственного плана действий».

Перечисленные выше качества невозможны без языка и речи. Язык, речь и зрелый процесс труда есть условия и результат существования друг друга¹³².

Перечисленные здесь позиции есть одновременно и причины, и следствия возникновения и формирования *человеческого сознания*. Однако здесь важно от-

¹³¹ См.: Гальперин П.Я. Лекции по психологии. – М.: Высшая школа, 2002. – С. 127-128.

¹³² Если говорить о возникновении труда и речи (языка), то исторически более ранним, безусловно, следует признать труд. В самом деле, *возникающий* процесс труда на самых ранних стадиях не требует языка, поскольку не требует закрепления универсальных свойств компонентов труда и передачи навыков через вербальную форму. – См.: Поршневу Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). Гл. 7.

метить, что на этапе рассмотрения труда как такового на первый план выступает та сторона сознания, которая представляет собой «предвосхищение в представлении, т. е. идеально, результата преобразования предмета труда средствами труда; иначе говоря, речь идет о *знании*»¹³³.

Иными словами, в процессе рассмотрения специфически человеческого действия – труда – мы начинаем рассматривать знание как *внешнюю* сторону сознания. Собственно сознание, сознание в узком смысле, пока что выступает как вторая, внутренняя сторона знания, и мы рассматриваем первую сторону сознания вне фиксированной связи с ней. Человеческий труд как целесообразная деятельность позволяет говорить о цели как предвидении процесса и результата и о рефлексии относительно них. Последняя, в свою очередь, есть предпосылка *сознания* и *самосознания*, о чем речь пойдет ниже.

Переход к рассмотрению второй, внутренней стороны сознания (собственно сознания, сознания в узком смысле) *начинается* с рассмотрения *разделения труда* и идет по пути обнаружения внешней связи первой стороны со второй. Выделяется сначала внешняя необходимость разделения людей в процессе труда и объединения результатов их труда, а затем и внутренняя необходимость, вытекающая из усложнения процесса труда, из необходимости подготовки каждого из его компонентов. Первый шаг по этому пути – отмеченный еще на стадии рассмотрения простейшего отношения процесс подготовки самого человека, но уже *специально* организованный. Затем множество процессов подготовки и «подгонки» каждого из средств и предметов труда. И, наконец, последний, проникающий в самую сердцевину трудового процесса – отдельный *процесс постановки цели*.

Разделенный внутри себя труд противоречив: постановка цели и ее реализация – противоположные друг другу процессы, и продукт (то есть реализованная цель) означает конец процесса реализации. С одной стороны, постановка цели предполагает представление о целостном совокупном процессе, с другой – цель

¹³³ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 148.

объединяет *частичные* процессы. К этой позиции мы снова вернемся в текущем разделе, но уже *специально* рассматривая обыденное сознание.

Разделение процесса труда с необходимостью предполагает дальнейшее соединение разделенных процессов, а значит, соединение людей, их осуществляющих. Разделение и объединение людей есть их *взаимоотношения*, а следовательно, в той или иной степени требуется *осознание* этих взаимоотношений.

Разделение труда как *разделение и объединение людей* в труде – это не только отношения, определяемые процессом труда, преобразования природы, но и опосредованные этим процессом отношения людей как живых индивидов, обладающих природными задатками и телесными *потребностями*. А поскольку удовлетворяются эти потребности специфически человеческим способом – специально *произведенным* предметом (продуктом), постольку и отношения при первом, непосредственном взгляде предстают как отношения по поводу продукта труда.

С точки зрения продукта труд предстает как *производство*, а произведенный продукт – как цель, ради которой затевался процесс труда и которая, собственно, и интересует участников трудового процесса. Повторим: отношения людей по поводу *продуктов* производства, служащих предметами индивидуального потребления, есть *непосредственные* производственные отношения. Таковыми они и предстают на поверхности.

При рассмотрении труда с точки зрения его *результата*, то есть при рассмотрении производства, на первый план выступают *различия внутри* сознания между *знанием* свойств *преобразуемых* природных веществ и используемых в *преобразовании* процессов, с одной стороны, и *осознанием* человеком своего места в производстве и среди *других участников производства* – с другой.

Перейдя к производству, мы, естественно, обращаем взор к распределению и потреблению *произведенного* продукта. Разделение и соединение людей в ходе его производства есть *взаимоотношения* людей как *производителей*.

Знание, взятое *само по себе*, отдельно от сознания в узком смысле, выглядит как связанное с ним внешней связью: местом в разделении труда. Но при *специальном* рассмотрении производства видно, что отношение человека к результату,

распределение результатов труда (производства) зависит от *места* человека в общем процессе производства, которое, в свою очередь, есть *результат распределения* факторов производства, в том числе и *человека*. И в сложном, разделенном и объединенном процессе труда знание тоже есть результат отдельного процесса – производства человека труда. И в конечном счете оказывается, что не только и не столько распределение человека в процессе труда зависит от знаний, сколько знания формируются местом человека (в настоящем и/или в будущем) в системе распределения и более широко – **в обществе в целом**. Таким образом, мы осуществляем переход от анализа производства к анализу отношений в производстве через рассмотрение *общественного характера труда*.

Если в отдельном *процессе* труда отношения между его участниками выступают как подчиненный момент преобразования предмета труда, то с точки зрения *результата* труда отношения к нему, с одной стороны, показывают роль того или иного субъекта в *общем* производственном процессе, а с другой – определяют цель и стимулы участия в общественном производстве. Таким образом, переход от непосредственно биологического к социальному, к рассмотрению общественных (производственных) отношений, позволяет начать анализ *собственно сознания*, взятого как внутренняя сторона сознания (в широком смысле слова).

Собственно, здесь проступает *структура* сознания. «Сознание имеет в себе *две стороны*; с одной стороны, это предвосхищение в представлении, т. е. идеально, результата преобразования предмета труда средствами труда, иначе говоря, речь идет о *знании*; с другой стороны, это есть предвосхищение в представлении, идеально, своего отношения к людям и людей к себе, отношений людей друг к другу. Вторая сторона и есть само по себе сознание, т. е. знание со стороны его *общественного* существования, существования через общественные отношения. С этой второй стороны сознание само по себе необходимо включает в себя, необходимо предполагает самосознание. Сознать, *совместно, общественно* знать нельзя, если индивиды не отличают себя друг от друга в качестве знающих, если индивиды не знают себя в качестве знающих по отношению к другим индиви-

дам»¹³⁴. Эти две стороны сознания внутренне едины в своем различии. Знание в большей степени обусловлено отношением человека к природе, а собственно сознание – отношениями людей друг к другу в труде, в производстве.

Собственно сознание как внутренняя сторона сознания в целом представляет собой его сущность, или сущность «в узком смысле». Рассмотрение сущности *самой по себе*, безотносительно к ее непосредственности, предполагает, в свою очередь, ее анализ, углубление к ее собственной сущности.

3.2. Собственно сознание, или сущность сознания сама по себе как «малый виток спирали»

Это и есть первый из упомянутых в начале раздела «малых витков»: рассмотрение *собственно сознания*, в ходе которого оно предстает последовательно сначала в виде осознания «технологических» связей между людьми, продиктованных внешними обстоятельствами. Затем осознаются «организационные» связи, формируемые проходящими процесс становления внутренними закономерностями процесса труда. Затем, с выделением процесса постановки цели, вычленяется сущность собственно сознания, определяемая созревшей внутренней необходимостью общего труда. Осознание связей в процессе производства выступает как осознание отношений между людьми через распределение продуктов производства. В этом проявляется общественный характер труда, поскольку распределение *продуктов производства* (и в первую очередь предметов потребления) во внутренне расчлененном и объединенном производстве возможно только в рамках всего общества. Это распределение есть одновременно причина и следствие распределения *факторов производства*, есть основание, поменявшееся местами с обоснованным. Но в силу последнего обстоятельства в совокупности с конечностью и частичностью каждого из участников названных отношений собственно сознание склонно к иллюзорному восприятию отношений общества, принимая следствие за причину и вещь за сущность. «Определенная сущность (Wesenheit),

¹³⁴ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С.148-149.

достигшая непосредственности, есть, *во-первых, существование*, а как неразличенное единство сущности со своей непосредственностью – существующее, или **вещь**... Вещь есть, *во-вторых, явление*. Явление – это то, что вещь есть в себе, или ее истина»¹³⁵.

Дойти до собственно сущности – значит дойти до отражения внутренних противоречий. Противоречие сущности собственно сознания есть противоречие между общественным характером сознания и частичностью его индивидуальных носителей – участников осознаваемых отношений.

Напомним, что мы, в конечном счете, исследуем структуру *обыденного* сознания. И могли бы остановиться здесь, чтобы дедуктивно вывести структуру обыденного сознания из структуры сознания. Мы в самом начале главы уже указывали, что предметная область нашего исследования – как подмножество «обыденное сознание» множества «сознание» – может быть задана (и часто задается) предикатным способом: путем приписывания свойства «обыденное» группе элементов множества «сознание». Однако такой путь был бы недостаточно корректен и неполон. Структура является результатом по преимуществу *анализа*. Но анализ, движение к сущности есть только половина пути. Он вскрывает противоречие сущности, но *не снимает* его.

Восприятие проявления сущности как самой сущности, то есть восприятие сущности как вещи, есть причина и источник иллюзий. На наш взгляд, обратный «бросок» от сущности к поверхности собственно сознания на уровне *явления* как раз и дает картину профессиональных форм и, соответственно, девиаций сознания.

Рассмотрение проявления собственно сознания в единстве с его общественной сущностью дает *действительность* собственно сознания – *общественное сознание*, в котором в определенной мере снимается указанное выше противоречие. В самом деле, «действительность – это *единство сущности и существования*»¹³⁶, а общественное сознание есть как раз единство общественной сущности соб-

¹³⁵ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3-х томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1971. – С. 111-112.

¹³⁶ Там же. С. 171.

ственно сознания и его проявления (существования)¹³⁷ в *практических действиях* человека по изменению своих отношений с другими людьми.

3.3. Сознание как единство непосредственного и сущности

Возвратившись в «бóльший круг», мы переходим к *специальному* рассмотрению *единства* поверхности и сущности *сознания* в *широком смысле*. Мы наблюдаем *проявление* сознания как единства знания и собственно сознания и *формы* этого единства – «уже не непосредственного, а внутри себя расчлененного»¹³⁸. Оно проявляется в виде *форм общественного сознания* – проекций изученных и осознанных способов изменения или сохранения тех или иных общественных институтов на определенным образом *изученные* и сформировавшиеся общественные *практики*, осуществляемые отдельными группами людей.

Интересно отметить, что на этом этапе происходит соотнесение общественного *сознания* с **наукой** как со *всеобщей* формой знания и *непосредственно общественной* производительной силой. Мы видим, что наука *отражает* природные и социальные *объекты*, обладающие неизменными свойствами, в то время как общественное сознание связано с *взаимодействием субъектов*.

«Таким образом, мы вновь как бы возвращаемся к материальной деятельности людей, но это такая деятельность, которая освещена тем или иным сознанием общества как целого.

Продолжая как бы возвращение назад, мы опять приходим к человеку как к живому существу, как биологическому существу, т. е. к индивиду. Однако это «возвращение» на новой основе, и потому исходный пункт предстает в снятом, преобразованном виде.

Общественное сознание и его формы существуют только как ансамбль сознаний живых индивидов и реализуются в их деятельности.

¹³⁷ «Определенная сущность (Wesenheit), достигшая непосредственности, есть, во-первых, существование...». Там же. С. 111.

¹³⁸ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 143-144.

Общественное сознание, если оно уже возникло – а именно так оно должно браться при логическом рассмотрении, – выступает по отношению к каждому новому поколению индивидов в качестве чего-то данного, существующего объективно. Каждый индивид в своем индивидуальном развитии включается в жизнь общества, усваивает те или иные стороны жизни общества, «пропускает» их через свою индивидуальность, делает их своими, и тем самым он превращается из просто индивида в личность»¹³⁹.

Здесь следует соотнести понятия *личности* и *субъекта*. Субъект определяется в основном через отнесение к объекту и цели. «...Субъектом является тот, кто обладает собственными потребностями и интересами, инициирует активность, направленную на их удовлетворение, которая осуществляется и контролируется посредством самостоятельно выработанных и усвоенных идеальных программ поведения, именуемых в совокупности сознанием (и волей) субъекта»¹⁴⁰.

Личность же предполагает не только *знание* осуществляемых процессов (и постановки их целей, соответственно), но и осознание своего места в этих процессах вместе с другими людьми. Иными словами, личность – это сознающий и самосознающий субъект.

Человек, действующий в обществе (и в той или иной мере *осознанно* воздействующий на общество *в целом*), усвоивший в той или иной мере «каркас» общества и *осознанно* воспроизводящий это усвоенное в отношениях с другими людьми, есть уже не индивид, но *личность*. *Действительность* сознания, единство его сущности и существования (а также и формы этого единства) есть *осознание* своего взаимодействия с другими людьми как взаимодействия личностей.

Действительность представляет собой многообразие *форм* единства сущности и явления – *типов* личности, о чем мы скажем подробнее во второй главе.

¹³⁹ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С.194-195.

¹⁴⁰ Момджян К.Х. Введение в социальную философию. – М.: Высш. шк., КД «Университет», 1997. – С. 291.

§4. От структуры сознания к структуре обыденного сознания

Теперь, рассмотрев *сознание в его действительности*, то есть в единстве его сущности и явления, мы возвращаемся к *структуре* сознания в той ее части, где отметили возможность вычленить элементы и структуру *обыденного* сознания, и с этой позиции совершаем еще один «малый круг (виток)».

Напомним причину, по которой мы предварительно и столь подробно рассматривали сознание в целом, а не взялись сразу за анализ обыденного сознания.

Мы предположили – и предположение это оказалось в достаточной мере обоснованным, – что обыденное сознание представляет собой компонент органического целого, но само таковым не является. Иначе говоря, обыденность есть модус, ситуативное определение сознания. А посему обыденное сознание может быть рассмотрено только *в контексте и в процессе* рассмотрения («разворачивания») органического целого, компонентом которого является, то есть *сознания*. Отпечаток социальной структуры, «каркаса» общества на индивиде образует личность, но это отнюдь не аристотелевская форма, оставляющая «отпечаток»-вещь на «воске»-материи. Глубина и четкость нашего «отпечатка» зависит не только от огромного числа внешних факторов, но также воспроизводит и внутренние структурные особенности этого «каркаса», каковые мы, собственно, и разворачивали в нашем исследовании.

В первом параграфе первой главы мы уже рассмотрели проблемное поле обыденного сознания. Напомним вкратце результат этого рассмотрения. На само понятие обыденного сознания и на его место в системе категорий социальной философии существует «множество противоположных взглядов и теорий, в каком-то смысле... запутывающих ситуацию»¹⁴¹. Однако, парадоксальным образом, при такой очевидной неразработанности понятийного аппарата само «понятие „обы-

¹⁴¹ Чельшев П.В. Обыденное сознание как проблема истории философии: дис. д-ра филос. наук: 09.00.03 / Чельшев Павел Валентинович. – М., 2009. – С. 7.

денное сознание“ большинством исследователей по умолчанию считается самоочевидным»¹⁴².

Такая ситуация косвенным образом подтверждает предположение о незрелости предмета, и/или его не-целостности, частичности, то есть предположение о том, что предмет представляет собой *часть* органического целого. Как следствие, предмет, при попытке «ухватить» его для анализа, дефрагментируется, «рассыпается» на множество определений. Возникает своего рода эффект «ускользающей дефиниции».

Попытка выделить инвариант в понимании обыденного сознания дает достаточно узкий «коридор» определений, все из которых – *негативные*. В них обыденное сознание выступает как *отрицательная определенность* качеств сознания: **они не приписывают качество, а «отнимают» его.**

Такой подход закономерен: во-первых, сам предмет представляет собою исторически более раннюю форму сознания, а во-вторых, процесс исследования этого предмета находится на уровне непосредственного восприятия – бытия, которое, по Гегелю, «определено всецело отрицательно не только в отношении иного, но и в самом себе»¹⁴³.

Еще одна особенность отмеченных в первом параграфе определений обыденного сознания заключается в том, что они по преимуществу представляют собой отрицательные определения *не сознания* в целом, а его внешней стороны – *знания*.

4.1. Обыденное знание как элемент структуры обыденного сознания

Знание формируется в процессе *разделенного труда*. Подчеркнем: мы рассматриваем здесь современный, *уже* разделенный процесс труда. И в этом процессе отношения людей друг к другу (и осознание этих отношений) выступают как определяемые отношением к преобразованию природного предмета. Повто-

¹⁴² Путилин А.И. Социальные функции обыденного сознания: дис. канд. филос. наук: 09.00.11./

Путилин Александр Иванович. – Таганрог, 2009. – С. 4.

¹⁴³ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3-х томах. – Т. 1. - М.: Мысль, 1970. – С. 169.

рим: *собственно сознание* пока что выступает как вторая, внутренняя сторона *знания*, и мы рассматриваем первую сторону сознания вне фиксированной связи с ней. (См. на стр. 79.)

То, что знание должно стать отправной точкой анализа обыденного сознания, не вызывает сомнения. В самом деле, вернувшись к анализу внешней стороны сознания – *знанию*, – мы получаем возможность первый раз поставить вопрос об *обыденном сознании*. А если точнее – о его внешней, поверхностной, непосредственно данной стороне: *обыденном знании*.

Что делает знание обыденным? И *vice versa*: какое знание – необыденное? Или, другими словами, чему противопоставляется обыденное знание? Если исходить из приведенных выше негативных определений, то будет логично предположить, что необыденное знание должно быть скорее всего *специализированным*, если обыденное – не специализировано. Но следует согласиться с уже упомянутыми исследователями, подметившими, что «научное и обыденное мышление и познание различаются не только как специализированное и неспециализированное: определенная специализация присутствует и в сфере обыденности (виды труда, виды рекреации и т. п.)»¹⁴⁴ По логике многих исследований, оно должно быть (в отличие от знания эмпирического, алогичного и бессистемного обыденного) *теоретическим, непротиворечивым и системным*. Последние три определения часто объединяются в оппозицию обыденного и научного знания (мышления). Но, как признают те же исследователи, «в целом переход от обыденного к научному мышлению так же расплывчат, как неопределенно и само понятие научного мышления в целом»¹⁴⁵. Добавим: приведенное высказывание демонстрирует также и расплывчатость в восприятии и различении исследователями знания, сознания и мышления.

К тому же возникает еще один справедливый вопрос: для отнесения к обыденному/необыденному достаточно ли отрицать какой-нибудь один из приводившихся предикатов или нужно отрицать их все? На наш взгляд, не следует пытаться

¹⁴⁴ Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. – М.: Канон+, 2004. – С. 241.

¹⁴⁵ Там же. С. 240.

ся выстроить иерархию предикатов обыденности – следует изменить *подход*. Наш подход к обыденному знанию в принципе не противоречит приведенным выше выводам – мы просто делаем следующий шаг.

Знание, напомним, связано с процессом преобразования природного предмета, то есть с процессом труда. Специализация приводит к разделению процесса труда на ряд узких операций, в которых работник достигает мастерства – в ущерб остальным видам деятельности. Мы уже цитировали Адама Смита, писавшего, что «человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций... не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность»¹⁴⁶. Ловкость и умение такого человека «в его специальной профессии представляются... приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств»¹⁴⁷.

Таким образом, мы имеем перед собой разделение *знания* на две неравных части: *специальное*, то, что связано с «обычными занятиями», «ловкостью и умением в специальной профессии», и *остальное, не связанное* с профессиональной или иной *каждодневной* деятельностью. Собственно, эта вторая часть есть не знание, а его отрицание, *не-знание*, за счет которого приобретены знания профессиональные либо повседневные. Набрасывание на сферу, лежащую вне границ повседневного опыта, привычной повседневной «когнитивной сетки координат», экстраполяция профессионального или «бытового» повседневного знания на сферу незнакомую и/или непознанную и есть, собственно, первое, наиболее поверхностное *проявление* обыденного знания.

Посмотрим на третий из уже упоминавшихся «портретов» носителя обыденного сознания, по И.Т. Касавину: «...(На уподобленных быту участках специализации) исполнитель того или иного социального действия, повинующийся чужой воле и пользующийся готовой методикой выполнения поставленных перед ним задач»¹⁴⁸. Автор, собственно, ведет речь об определенной *потере субъектно-*

¹⁴⁶ Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., Эксмо, 2007. – С. 722.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. – М.: Канон+, 2004. – С. 18.

сти: носитель обыденного сознания исполняет намеченное кем-то, то есть не определяет самостоятельно *цель* трудового процесса. А постановка цели – это есть существенный признак *субъекта*: только субъект ставит цель. Точнее, только ставящий цель есть субъект. Он может эту цель реализовать сам, может кого-то принудить либо перепоручать кому-то ее реализацию, но при этом субъектность в *конкретном* процессе будет определена именно таким образом: тот, кто поставил цель этого процесса, – тот его субъект. Подчеркнем: субъектность, видение цели и процесса ее реализации в целом – это относительная, а не абсолютная характеристика. Субъектность определяется относительно цели, но цель сама по себе не абсолютна. Субъектность определяется относительно *конкретной* цели и *конкретного* процесса целесообразной деятельности (труда), а не некоей «цели вообще» и «деятельности вообще». *Внутри* процесса труда человек субъектен в той мере, в которой осознает цель и/или принимает участие в ее реализации.

Приведем здесь довольно полезную для нас характеристику цели, данную В.А. Вазюлиным: «Цель в ее завершенном, вполне сформировавшемся виде, т. е. *вполне действительная* цель, есть цель, *реализованная* в результате процесса труда... Возможная цель – это цель как предвосхищение результата в представлении, цель как закон, определяющий способ и характер труда. Превращение цели из возможной в действительную представляет собой вместе с тем превращение цели в результат»¹⁴⁹.

Исполнитель воздействует на процесс труда и на цель, изменяя их, и в этом смысле он субъектен. С другой стороны, рассмотрев труд, подвергшийся разделению внутри себя на ряд отдельных, но связанных процессов, легко заметить, что, несмотря на активность в целеполагании, *относительная* потеря субъектности и участь быть носителем обыденных знаний не минуют и руководителя процесса – того, *кто* осуществляет «особый труд по постановке *цели*». Во-первых, если ставится цель, полностью предвосхищающая результат, то есть новый процесс труда полностью повторяет предыдущий, то руководитель процесса, ставящий цель, не

¹⁴⁹ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 73-

вырабатывает ее, а воспроизводит. Следовательно, поставленная цель есть внешняя по отношению к его деятельности, и в этом смысле он является исполнителем, то есть теряет субъектность (точнее, не приобретает, не имеет ее).

Во-вторых, цель – это то общее, что объединяет разделенный трудовой процесс, делает его единым целым. И разделение труда, которое имеется как данное (или, реже, складывается) в процессе достижения поставленной цели, есть разделение внутри *общего* процесса труда, процесса, который осуществляет «совокупный работник». Каждая часть этого совокупного работника, то есть индивидуальный работник, реализует свой процесс, внутри которого он понимает, что он должен сделать. Тот же, кто ставит общую цель, совершенно не обязательно должен быть детально знаком с процессами ее достижения и понимать, *что* конкретно делает каждый из сотрудников. А если понимает, то каждый из составляющих процессов и промежуточных результатов оценивается не с точки зрения хода и результата каждого из этих процессов, а в контексте общей цели и общего результата, по отношению к которым частичные цели отдельных процессов труда – это задачи, шаги к цели, подчиненные ей.

В то же время для исполнителя эта общая цель есть нечто внешнее, по не совсем понятным причинам влияющая на понятный и логичный процесс. Поэтому, как ни парадоксально, в глазах своих сотрудников руководитель (хозяин) часто выглядит глупцом. И – *vice versa* – не менее часто отвечает сотрудникам взаимностью. Мы с определенностью наблюдаем противоречие, проистекающее из того, что вышедшее за пределы специализации знание не имеет никакого иного познавательного инструмента, кроме собственного повседневного. Обыденное знание начинает *проявляться* как раз в момент выхода за пределы «своей» обыденности. В рамках своего обыденного оно органично и адекватно ему.

4.2. Обыденное знание и наука

Снова коснемся такого специфического вида труда, как научная деятельность. Именно научное знание (мышление) принято рассматривать как основную оппозицию обыденному. Однако мы, говоря об обыденном знании как о знании

каждодневных трудовых процессов, *не делаем различия* между простыми и сложными процессами, между поверхностным и глубоким знанием. Мы здесь не выделяем специально науку как *всеобщее* знание и *непосредственно общественную* производительную силу. Характеризуя внешнюю сторону сознания, мы ориентируемся на *место знания* в процессе разделенного труда и в структуре сознания и рассматриваем это лишь как первый конкретный шаг в направлении понимания *обыденного сознания*.

Более того, здесь нам как раз интересно то общее, что объединяет под сенью обыденности эмпирическое и научное знание, как бы парадоксально и странно это ни выглядело. Впрочем, парадокса здесь нет, а есть, скорее, противоречие.

С одной стороны, наука все более становится (и в существенной степени уже стала) непосредственно общественной производительной силой. Растет число наукоемких производственных (трудовых) процессов и, соответственно, людей, *использующих* прикладные научные разработки в повседневной бытовой и производственной практике. Обыденность начинает «умнеть», а наука становится предметом обыденных суждений.

Вдобавок к этому, постоянно растет группа людей, которые занимаются теоретической деятельностью *повседневно*. А поскольку разделение труда коснулось науки не в меньшей, если не в большей, степени, чем труда индустриального, постольку рамки специализации сужаются. Научные работники все чаще выходят за сужающиеся рамки *своей* повседневности и реагируют ничуть не лучше, чем домохозяйка (домохозяин) с первого «портрета» носителя обыденного сознания, приведенного И.Т. Касавиным¹⁵⁰. Разница, быть может, лишь в том, что домохозяйка «набрасывает» на окружающий мир свою, так сказать, «понятийную сетку координат», бытовую, а ученый – свою, конкретно-научную. И начинает так же, как домохозяйка, *мыслить по аналогии* – но со своей наукой. А мышление по

¹⁵⁰ Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. – М.: Канон+, 2004. – С.18.

аналогии, как известно, есть начальная стадия рассудочного мышления, не достигающая даже полноценного анализа. *Comparaison n'est pas raison*¹⁵¹.

Снова противоречие: наука, по идее, есть всеобщее знание, знание о целом, а при этом разделение труда в среде ученых формирует большую прослойку людей, которые за пределами своей компетентности воинственно некомпетентны. Именно в этом смысле В.В. Миронов говорил о выходе из замкнутой профессиональной среды «на уровень „обыденного сознания“, в котором пребывает абсолютное большинство людей, в том числе и самих философов»¹⁵². Добавим: и других ученых тоже.

Итак, мы подошли к довольно важным **выводам**.

В рамках своего предмета, своего повседневного применения обыденное знание *не несет* в себе негативные определения, приведенные нами выше (**Ошибка! Закладка не определена.**). Оно в достаточной мере специализированное, достаточно часто научное и системное (теоретическое), когда речь касается научной деятельности, и уж точно рациональное, непротиворечивое и логичное, адекватно отражающее предметную область повседневного труда. Но чем более развит процесс труда, чем выше степень его разделения, тем уже повседневные (в том числе профессиональные) рамки знания. Вращаясь в рамках повседневности и достигнув ловкости и умения в специальной профессии, тем не менее, «специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя» (Козьма Прутков).

За пределами повседневного знания специализация, системность и теоретичность и т. д. — ни по отдельности, ни в совокупности — не гарантируют «*необыденного*» знания. И, напротив, за пределами *своей* повседневности обыденное знание приобретает приводившиеся выше негативные характеристики. (См. стр. 89.)

Таким образом, обыденное знание проявляется как таковое за пределами *своей* повседневности, обыденности. Оно представляет собой единство *специального знания* и *общего незнания* или повседневное, специальное знание как *часть*,

¹⁵¹ Сравнение — не доказательство (*франц.*).

¹⁵² Миронов В.В. Интервью журналу «Логос» // Логос. — 2005. — № 5 (50). — С. 7.

отрицающую знание в *целом*. Очевидно, что все мы в той или иной ситуации выступаем как носители обыденного сознания. В принципе, достаточно емко выразил эту идею В.В. Миронов, охарактеризовав обыденное сознание как «реальный срез общественного сознания, внутри которого мы все находимся»¹⁵³.

Отрицание знания обыденным сознанием – это не фигура речи и не попытка оправдать изоляционистские настроения интеллектуалов. Тем более что мы уже говорили: ситуативно каждый из нас в том или ином случае проявлял себя как носитель обыденного сознания. Негативную связь знания и незнания, выливающуюся в типичное поведение носителя обыденного сознания, отмечала и мировая литература на протяжении последних трех столетий. Но не все в этом поведении есть следствие неполноты обыденного знания. С одной стороны, следуя канонам идеологии просвещенного абсолютизма, И.А. Крылов клеймит невежество и назидательно замечает:

«Невежда ... в ослепленье
Бранит науки и ученье,
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды»¹⁵⁴.

Действительно, вполне понятны и объяснимы тривиальным *невежеством* и знаменитая фраза дворянки г-жи Простаковой: «То вздор, чего не знает Митрофанушка»¹⁵⁵, и нежелание неграмотных крестьян – обитателей села Степанчиково – слушать «астролома», потому как «наука эта не нашинская, а барская»¹⁵⁶.

Но, с другой стороны, как объяснить принципиальное и часто не рефлекслируемое не-знание, отрицание знания представителями науки и интеллектуального труда? Вот, например, два персонажа Жюль Верна: рассеянный французский гео-

¹⁵³ Миронов В.В. Образы науки в современной культуре и философии. – М.: Гуманитарий 1997. – С. 39.

¹⁵⁴ Крылов И.А. Полное собрание сочинений в 3-х т. – М.: ГИХЛ, 1946. Т. 3. – С. 156-157.

¹⁵⁵ Фонвизин Д.И. Недоросль. // Собрание оригинальных драматических сочинений и переводовъ Дениса Ивановича Фон-Визина. Часть вторая. – М.: Тип. Н.Степанова, 1830. – С. 195

¹⁵⁶ Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели. // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 3. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. – С.42

граф Жак Паганель из романа «Дети капитана Гранта» (1867–1868) и Зефирен Ксирдаль, самовлюбленный ученый из романа «В погоне за метеором» («Болид», 1908). Между произведениями 40 лет, автор за это время явно разочаровался в науке и в ученых, но все же черты ученых мужей разительно схожи: замкнутость на сферу своих научных интересов, доходящая до неприятия и отрицания элементарных, общепринятых правил и установок и до незнания простейших вещей за пределами «научной повседневности».

А вот энциклопедически образованный и одновременно чудовищно невежественный Шерлок Холмс Артура Конан Дойля – современника Жюль Верна, свидетеля бурной промышленной революции конца XIX века и еще более детального и узкого, чем во времена Адама Смита, разделения труда.

«Невежество Холмса было так же поразительно, как и его знания. О современной литературе, политике и философии он почти не имел представления... Но когда оказалось, что он ровно ничего не знает ни о теории Коперника, ни о строении Солнечной системы, я просто опешил от изумления. Чтобы цивилизованный человек, живущий в девятнадцатом веке, не знал, что Земля вертится вокруг Солнца, – этому я просто не мог поверить!

– Да, но не знать о Солнечной системе!.. – воскликнул я.

– На кой черт она мне? – перебил он нетерпеливо. – Ну хорошо, пусть, как вы говорите, мы вращаемся вокруг Солнца. А если бы я узнал, что мы вращаемся вокруг Луны, много бы это помогло мне или моей работе?»¹⁵⁷

Иными словами, в ходе всеобщего разделения труда, наряду с профессиональными знаниями неизбежно формируется всеобщий «профессиональный кретинизм»¹⁵⁸ или «порабощающее человека подчинение его разделению труда»¹⁵⁹.

¹⁵⁷ Конан Дойль Артур. Рассказы о Шерлоке Холмсе. – Собр. соч. в 8 томах. – Т. 1. – М., Правда, 1966. – С. 44-45.

¹⁵⁸ Особая разновидность девиантного коммуникативного стиля вне профессиональной среды, под которым понимается стиль поведения индивида и осмысления им действительности сквозь призму собственной профессии. Примером является оценивающее (диагностирующее) поведение психиатра вне больницы, командирский стиль военного при общении с детьми и женой. (Усова Е.Б. Психология девиантного поведения. Мн., 2010)

Вполне естественно, что носители обыденного знания на уровне бытовых или производственных *умений, навыков* или *практических знаний* могут не осознавать той грани, что, по меткому выражению А.С. Пушкина, «свыше сапога», то есть границы собственной компетентности. Но почему это не осознается представителями даже интеллектуальных профессий?

И второй вопрос, возникающий в связи с первым: где пролегает граница, выйдя за которую, специализированное знание проявляет свою обыденность?

Начнем с ответа на этот вопрос. Напомним точку зрения Гегеля на обыденное сознание, которое он рассматривал в рамках философской *системы*: «Дело в том, что вообще каждому сознанию смутно преподносится единство противоположностей. Но *обыденный способ представления, не доходящий до сознания разумного* [выделено нами – А.С.], при этом всегда удерживает противоположности врозь друг от друга, как будто они противоположны лишь определенным образом...»¹⁶⁰ Обыденное мышление, по Гегелю, в отличие от *разумного*, отмечает различия суждений, но, «не соединяя этих мыслей, оставляет в силе взятое отдельно одно, а затем так же и отдельно другое»¹⁶¹. Таким образом, *обыденным* он считал сознание, пребывающее в сфере *непосредственного*, и противопоставлял ему именно *рассудок и разум*¹⁶². И граница обыденности, по Гегелю, проходит между чувственным восприятием и рассудочным мышлением.

На наш взгляд, рассматриваемый нами предмет – сознание – как нельзя лучше иллюстрирует идею относительно того, что сущность и закономерности развития предмета меняются по мере его развития. В особенности это заметно в

URL: - <http://psyera.ru/professionalnye-varianty-deviantnogo-povedeniya-132.htm>

¹⁵⁹ Маркс К. Критика Готской программы. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. – Т. 19. – С. 20.

¹⁶⁰ Гегель Г.Ф.В. Лекции по истории философии. Книга вторая. – СПб: Наука, 1994. – С. 166.

¹⁶¹ Там же. С. 167.

¹⁶² Следует напомнить, что рассмотрение по отдельности знания и сознания есть методологический прием, определяющий последовательность исследования и изложения предмета («нельзя объять необъятное»). В отрыве друг от друга они реально не существуют, и сознание в широком смысле есть их внутреннее единство.

гуманитарных науках, так как масштабы изменения их предмета соизмеримы с временными масштабами науки Нового времени.

Примерно эту же мысль, но более замысловато, высказал И.Т. Касавин: «Пока идеологи постмодерна провозглашают повседневность зоной внесистемной свободы духа, ее собственная онтология не стоит на месте, прихотливо корреспондируя со всеми своими бинарными оппозициями-дополнительностями в культуре»¹⁶³.

В наше время «поумневшее» обыденное сознание начинает выходить за пределы непосредственности, оно движется к сущности – но в узком коридоре повседневной деятельности; оно приобрело способность рассудочного мышления, однако не вышло в сферу мышления разумного. (И не выйдет, поскольку тогда перестанет быть обыденным.)

«...Широкой *социальной* основой рассудочного мышления людей служит в конечном счете разделение труда. Там и тогда, где и когда преобладает тенденция разделения труда над тенденцией объединения труда, там для общественного сознания характерно рассудочное мышление»¹⁶⁴. А разумное мышление появляется тогда, когда образуется способность рефлексивного мышления, когда возникает способность осмысливать мышление¹⁶⁵.

Участники процесса производства (труда), в том числе интеллектуального, знают свой повседневный процесс, осознают отделенность своего «участка» от других, но не осознают соединенности.

И здесь мы подходим к одному из «белых пятен» в анализе обыденного сознания. В современных источниках практически отсутствует подход к обыденному сознанию с точки зрения составляющих сознания: знания, собственно сознания (в узком смысле слова) и самосознания. Мы уже говорили, что в большинстве случаев исследователи обыденного сознания доходят до обыденного *знания* – и

¹⁶³ Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. – М.: Канон+, 2004. – С. 72.

¹⁶⁴ Вазюлин В.А. Рассудочное и разумное мышление в развитии познания // Марксистско-ленинская диалектика: В восьми книгах. – М.: Изд-во МГУ, 1985. - Книга 3: Диалектика процесса познания. – С. 177.

¹⁶⁵ См.: там же. С. 175.

останавливаются. В лучшем случае наблюдается рядоположенное перечисление разных сторон сознания в их «обыденной форме». Но подчеркнем еще раз, что *сознание имеет две стороны*: предвосхищение результата труда, то есть *знание*; и предвосхищение своих взаимоотношений с людьми, то есть само по себе *сознание*, или «знание со стороны его *общественного* существования, существования через общественные отношения»¹⁶⁶. «С этой второй стороны сознание само по себе необходимо включает в себя, необходимо предполагает самосознание. Сознать, *совместно, общественно* знать нельзя, если индивиды не отличают себя друг от друга в качестве знающих, если индивиды не знают себя в качестве знающих по отношению к другим индивидам»¹⁶⁷.

К сожалению, при исследовании обыденного сознания практически не уделяют *специального* внимания ни тому, что человек *сам себя осознает*, ни тому, что он осознает себя *вместе с другими людьми* через свою отделенность от них и свою соединенность с ними в процессе общественного производства, ни того, *как* он это осознает. А это, по нашему мнению, и есть, коренной вопрос исследования обыденного *сознания*. Повторим: речь идет не только и не столько о знании, об отношении субъекта к объекту. Речь идет об отношении субъекта к субъектам. И в этой части простирается в общем-то *terra incognita*, при всей очевидности того факта, что вопрос субъектности *необходимо* соотносить с обыденным сознанием и обыденным знанием. «В собственно сознании знание, познание, отношение *субъекта и объекта* есть необходимый, но подчиненный момент, а главный специфический момент сознания есть отношение *субъектов друг к другу*»¹⁶⁸. Ведь «собственно общественное сознание, в отличие от науки, вообще от знания, познания, призвано регулировать отношения людей друг к другу как *субъектов*, что необходимо предполагает отношение людей друг к другу также и в качестве самосо-

¹⁶⁶ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 148-149.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же. С. 156-157.

знающих. Поскольку человек обладает собственно сознанием и самосознанием, постольку он есть *личность*»¹⁶⁹.

Осознание себя в качестве субъекта предполагает *осознанную цель*, то есть предполагает наличие мышления о цели и мышления о постановке цели.

В современном «рыночном» обществе целью производственной деятельности является *прибыль*. Каждый из целесообразных трудовых (производственных) процессов является частным, частичным по отношению к другим процессам и ко всему общественному производству. Конкретный результат того, что делает каждый из участников разделенного/объединенного процесса труда (производства), превращается, в конечном счете, в обезличенный, бескачественный результат и оценивается с точки зрения прибыли, то есть *количественно, внешне*.

Таким образом, общественное производство – общее по отношению к отдельным, частным трудовым процессам, внутренне связывающее их технической целесообразностью, – реализуется в то же время через частные процессы, связанные через рынок *внешне, количественно*.

Управляющий, который в частном производственном процессе ставит общую для всех цель, за пределами того процесса, которым он управляет, является фигурой неспециализированной, не видящей общей цели в силу внешней, количественной формы ее презентации. И прибыль как цель для него *предсуществует*. Таким образом, он не ставит полноценной цели и в этом смысле теряет субъектность, ибо это не есть сфера *его* целеполагания. Он не мыслит в рамках общества как целого как системы, поскольку связан с этой системой одним образом – через свой продукт – плоско, однозначно, количественно. Поэтому для него процесс общественного производства бессмыслен и бесцелен, и поэтому он вынужден накладывать на него свою когнитивную сетку.

С другой стороны, работник (исполнитель) рассматривает в качестве цели процесса производства (труда), в котором он участвует, не то, что рассматривает в

¹⁶⁹ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С.

качестве цели организатор процесса. Для руководителя (хозяина) производства это прибыль, для работника – эквивалент стоимости рабочей силы. Отношения между субъектами-участниками общественного производства опосредуются объектом – продуктом или его эквивалентом, количественным внешним фактором, распределяемым по итогам производства и предыдущего распределения его факторов (средств производства). Таким образом, осознание себя, которое возможно лишь через сравнение себя с другими, останавливается на внешнем, разделенном, противопоставленном сравнении, и сознаваемый субъект предстает как отрицательная определенность сознающего, как его «свое иное»: «Он – не я, он – другой».

Итак, каждый из нас участвует в разделении труда и представляет собой как минимум носителя обыденного *знания* вне рамок своей специализации, а с учетом антагонизма интересов и двойных стандартов – и носителя обыденного *сознания*, ибо цели других, в том числе и правящих групп, сокрыты для большинства, и видеть общественные процессы в целом часто просто невозможно. Вспомним, что «именно *изменение* производственных отношений ближайшим образом порождает потребность в индивидах, в той или иной степени *сознающих* свое участие в *общественном целом*»¹⁷⁰.

Итак, формулируем наш подход к структуре обыденного сознания. Обыденное сознание включает в себя следующие компоненты:

- обыденное *знание*, не специализированное за пределами «своего» процесса разделенного труда;
- обыденное сознание (в узком смысле, собственно обыденное сознание), видящее свою разделенность, знающее об участии в общем процессе труда, но не видящее своей соединенности с другими участниками;
- самосознание на уровне рассудка, то есть на уровне осознания себя изолированным индивидом.

Можно сказать, степень обыденности обратно пропорциональна степени осознания своей связи с другими людьми.

¹⁷⁰ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 148.

В заключение еще раз отметим: социальные, сущностные характеристики обыденного сознания проявляется на уровне непосредственного в виде форм профессиональных девиаций сознания, а в единстве друг с другом, то есть на уровне действительности, дают картину градации носителей обыденного сознания – типов личности, которые уже упоминались.

Как видим, последовательное, систематическое рассмотрение сознания в рамках рассмотрения общества дало нам возможность наметить структуру обыденного сознания и выдвинуть некоторые предположения относительно его (исторических) форм.

Теперь, поскольку объект нашего исследования – человеческое общество – еще не совершило перехода на свою зрелую стадию,

поскольку изменяющийся процесс труда, объединение человечества в ансамбль личностей ради развития личностей – это *объективная*, но все же еще *тенденция*,

постольку мы вынуждены констатировать: методы логического исследования органического целого и его элементов, применявшиеся нами, на этом этапе исчерпаны. Теперь теория нуждается в эмпирических фактах. Логический метод должен передать эстафету историческому. Тем паче что предмет более эмпирический, нежели обыденное сознание, трудно найти. Обыденное сознание – это воплощенный эмпиризм.

Мы считаем, что его дальнейшее исследование возможно лишь в историческом аспекте, то есть с рассмотрением исторических форм сознания, возникающих в процессе его генезиса.

Глава 2. Генезис обыденного сознания

Общие замечания

Любой развивающийся предмет можно рассмотреть логически, с точки зрения субординации одновременно данных его элементов, либо исторически, с точки зрения его разворачивания во времени, созревания.

Рассматривая единство исторического и логического, важно отметить следующее: по поводу этого единства нельзя сказать, что стороны *взаимно* предполагают друг друга, друг без друга не существуют. Здесь мы имеем дело со сторонами, из которых *только одна* предполагает другую, не существует без другой и в то же время исключает ее, не является ею. Эта же другая может существовать до и независимо от первой¹⁷¹.

Однако в известном смысле правомерно и гипотетическое утверждение относительно того, что историческое не может существовать без логического. Речь, конечно, не идет о «принципиальной координации» субъекта и объекта в берклианском понимании. Имеется в виду, во-первых, что историческое развитие материального мира в целом рано или поздно, в том или ином месте с необходимостью порождает логическое: сознание, мышление. Во-вторых, говорить об историческом относительно какого-либо предмета – значит выделить стороны, позволяющие определить предмет, то есть познать его *пределы*, границы и соотнести с иным, то есть проделать работу явно в логическом аспекте. Иными словами, даже стороннее наблюдение – это наблюдение, предполагающее по умолчанию наличие субъекта, и говорить об историческом без такового субъекта бессмысленно.

¹⁷¹ См.: Алексеев М. Н. Диалектическая логика. Краткий очерк. – М.: Высшая школа, 1960. – С. 109.

История не свободна от зигзагов и случайностей, перерывов постепенности. Но значительные по продолжительности этапы развития выступают в логическом рассмотрении как «этапы пути, уже разработанного и выровненного»¹⁷².

Общество как органическое целое проходит в своем восходящем, прогрессивном *развитии* ряд стадий, ступеней, этапов. Логично предположить, что сознание (и обыденное сознание как его компонент) тоже не исключено из этого процесса.

Как уже сказано, мы исходим из того, что сознание есть результат развития человека, причем не изолированного индивида, а человеческого *общества*. Чтобы понять процесс исторического развития, требуется определить его изменение во времени, причем если развитие закономерно, то изменение должно осуществляться в каком-то необходимом направлении. Это закономерное развитие не исключает деятельность людей как сознательных существ, напротив, историческое развитие общества представляет собой равнодействующую, складывающуюся из деятельности масс людей, – то, что Гегель назвал «хитростью мирового Разума».

Реально существующая история общества не есть процесс развития «органического» целого в «чистом» виде. Однако, для того чтобы понять всю сложность исторического развития общества, необходимо выделить в «чистом» виде прежде всего главное направление этого развития и только затем вводить в поле рассмотрения осложняющие и модифицирующие его обстоятельства.

В предыдущей главе мы рассмотрели структуру обыденного сознания и его место в структуре сознания. В текущей главе мы делаем акцент именно на историческом подходе. Исторический метод рассмотрения предмета выходит на первый план там и тогда, где и когда логический ограничен наличным уровнем развития предмета. Теперь нам важно понять следующее:

- а) когда и как *появились* элементы этой структуры?
- б) когда и как они стали элементами именно *этой структуры*?

¹⁷² Гегель Г.В.Ф. Сочинения. – М.: Институт философии АН СССР, 1959. – Том IV. Феноменология духа. – С. 15.

В конечном счете, мы должны выяснить, *на каком этапе развития сознания можно выделить в его составе обыденное сознание*. Иными словами, мы делаем акцент на *генезисе* предмета, но понимаем при этом, что генезис есть довольно длительный *процесс*.

Здесь стоит вспомнить важное замечание, сделанное В.Я. Проппом в предисловии к книге «Исторические корни волшебной сказки»: «Данная работа представляет собой генетическое исследование. Генетическое исследование по необходимости, по существу своему всегда исторично, но оно все же не то же самое, что историческое исследование. Генетика ставит себе задачей изучение происхождения явлений, история – изучение их развития. Генетика предшествует истории, она прокладывает путь для истории. Но все же и мы имеем дело не с застывшими явлениями, а с процессами, т. е. с некоторым движением»¹⁷³.

§1. Начало (исторические предпосылки) и древнейшие формы сознания и обыденного сознания

В этой работе под «началом» мы понимаем стадию *образования исторических предпосылок* предмета. Следует отличать начало, предпосылочную стадию от собственно *возникновения* предмета. На стадии предпосылок предмета еще нет, он возникает позже, однако мы рассматриваем названную стадию *уже в связи* с нашим предметом. Здесь в историческом аспекте следует усмотреть единство с логическим: мы обозначаем предпосылки через то, предпосылками чего они являются, то есть исторически более раннее – исторически более поздним.

Следует также специально отметить соотношение предпосылок и простейшего отношения. Последнее представляет собой как раз снятые, преобразованные возникшей сущностью предпосылки. То есть логическое рассмотрение предшествует историческому, иначе исчезнет критерий оценки предпосылок как необходимых и достаточных. Исторически начало сознания – это образование природ-

¹⁷³ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., Изд-во ЛГУ, 1986. – С. 32.

ных, биологических предпосылок, необходимых и достаточных для его возникновения¹⁷⁴.

Процесс начала в *снятом* виде мы рассмотрели в предыдущей главе. Наиболее древнее отношение живых организмов к благоприятной окружающей среде – непосредственная погруженность в эту среду, что характерно для *растений*. При таком отношении с окружающей средой в абсолютном большинстве случаев организму не требуется передвижение. У человека такая связь сохраняется в снятом виде, например в дыхании.

В отличие от растений *животные* ведут по преимуществу подвижный образ жизни (не считая некоторых видов, которые, впрочем, подвижность имели, но утратили в ходе приспособления). Для животных «погруженность» в среду потребления уступает место более сложной форме отношения «организм-среда». Приспособление к среде дополняется *активным обратным воздействием* на нее, притом что ведущим остается воздействие среды. Если растение потребляет одни вещества и выделяет другие, то животные плюс к тому воздействуют на среду как своим собственным перемещением, так и захватом, «вырыванием» добычи из среды и перемещением этой добычи. *Внутренний источник* «собственной активности»¹⁷⁵ организма – нужда в виде *потребности*.

У более простых видов потребность инициирует моторную реакцию, «*аппетантное поведение*» и включает инстанцию *специфической чувствительности* к признакам предметов, которые могут удовлетворить потребности. Нахождение такого предмета включает *специфическое поведение* (захват, перемещение, поглощение и т. д.). Завершение акта специфического поведения удовлетворяет потребность и гасит, тормозит специфическую чувствительность¹⁷⁶.

¹⁷⁴ См.: Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, Изд-во МГУ, 1988. – С. 209.

¹⁷⁵ Гальперин П.Я. Лекции по психологии. – М.: Высшая школа, 2002. – С. 85-86. ; См. также: Бернштейн Н.А. Пути и задачи физиологии активности. // Вопросы философии. – 1961. - № 6.

¹⁷⁶ Гальперин П.Я. Там же.

Промежуток между апетантным и специфическим поведением по мере продвижения организмов вверх по эволюционной лестнице все более «заполняется» деятельностью по *примериванию* усложняющихся действий, направленных на достижение предмета – носителя специфического, сигнального признака. Иными словами, названные действия предварительно осуществляются *в плане образа*. В этом случае можно говорить о *формировании субъекта*¹⁷⁷ – организма, который регулирует свои реакции и воздействия на внешнюю среду *на основе образа* этой среды. Формирование субъекта *в биологическом смысле* – это формирование *предпосылок* сознания.

Стадия начала, складывания *предпосылок сознания* заканчивается «переходом животных предков человека к наземному образу жизни, к прямохождению, освобождением верхних конечностей от участия в передвижении тела, употреблением в основном данных природой в готовом виде средств воздействия»¹⁷⁸.

Стадия *собственно возникновения* сознания начинается тогда, когда «случайное, неустойчивое употребление предметов природы в качестве средств воздействия на другие предметы природы постепенно становится *необходимым, устойчивым*. Чем чаще, устойчивее становится употребление предметов природы для воздействия на другие предметы природы, тем устойчивее становятся форма и материал средств воздействия, тем больше дифференцируются средства воздействия соответственно своему материалу, природе предмета, на который происходит воздействие, и тому, ради чего осуществляется воздействие (ради удовлетворения той или иной потребности). Труд из инстинктообразного¹⁷⁹ превращается в собственно человеческий труд со всеми его компонентами (целью, средствами, предметами, процессом, результатом, субъектом труда). Материальная устойчи-

¹⁷⁷ Здесь надо отметить, что понятие субъекта в контексте приведенных выше рассуждений относится к характеристике *организма*, то есть является природной, биологической характеристикой, не определяющей специфики человеческого поведения. Однако именно с этого момента можно начинать разговор именно о сознании, а не о простых *реакциях* живого организма.

¹⁷⁸ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 211.

¹⁷⁹ Здесь отметим, что Марксова идея инстинктивного труда в противоположность его зрелой форме весьма интересно трактовалась также и Б.Ф. Поршневым.

вость, необходимость употребления средств воздействия закрепляется в создании, производстве этих самых средств. Нередко говорят: «Труд создал человека». Это утверждение не вполне точно, ибо может создаться впечатление, что сначала образовался труд, а потом человек. Между тем образование человека шло в процессе образования труда»¹⁸⁰. Параллельно с ним шло формирование человеческого сознания.

В свое время выражение «инстинктивный труд» вызвало множество споров, и в среде философов, антропологов и палеопсихологов «было принято даже что-то вроде запрещения впредь им пользоваться»¹⁸¹. Однако идея, как нам кажется, более чем резонна. «Он [труд] создал человека в той мере, в какой из инстинктивной работы животного превращался в подчиняемый цели труд человека. Ключевым явлением человеческого труда выступает подчинение воли работающего, как закону, определенной сознательной цели»¹⁸². А цель не может быть поставлена без речи.

Б.Ф. Поршнев обратил внимание на чрезвычайно большую продолжительность палеолита (вплоть до мустье): не менее 50 000 поколений. «Проблема возникновения *Homo sapiens* – это проблема возникновения второй сигнальной системы, т. е. речи. На предшествующих уровнях антропогенеза каменные „орудия“ и другие остатки жизнедеятельности ничего не говорят психологу о детерминированности этой деятельности речью. Напротив, „орудия“ нижнего и среднего палеолита среди одной популяции своей стереотипностью в масштабах не только поколения, но сотен и тысяч поколений говорят о полной автоматизированности действий при их изготовлении... Изготовление того или иного набора этих палеолитических камней было продуктом автоматической имитации соответствующих комплексов движений, протекавшей внутри той или иной популяции. Медленные

¹⁸⁰ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 211-212.

¹⁸¹ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974. – С. 393.

¹⁸² Там же. С. 168.

спонтанные сдвиги в этой предчеловеческой технике вполне укладываются в рамки наблюдений современной экологии и этологии над животными»¹⁸³.

Б.Ф. Поршнев предположил, что «у них [высших животных] только иногда наблюдается своеобразная утеря связи этой инстинктивной деятельности с конечной целью: например, бобры подчас валят гораздо больше деревьев, чем им нужно, и оставляют их на месте. Можно думать, что этим объясняются и известные археологам скопления тысяч заготовленных, но, видимо, не использованных нижнепалеолитических каменных орудий (например, стоянка Эт-Табун)»¹⁸⁴. Речь идет о скоплении олдувайских чопперов, а затем чоппингов, найденных сначала семейством Лики в Южной Африке, а затем и другими исследователями в различных точках земного шара, в том числе на территории СССР. Их количество явно превышало все мыслимые потребности в орудиях.

Инстинктивный труд – это передаваемая путем обучения способность использовать орудия. Однако у троглодитов обучение старшим поколением младшего происходило все еще по типу III, подобно высшим животным: путем *показа* (по причине отсутствия речи, ergo невозможности рассказа и вычленения существенных сторон), то есть формируемая способность орудийной деятельности оставалась *неустойчивой*, поскольку не закреплялась в речи в виде целеполагания. Устойчивость она приобрела только тогда, когда закрепились в *рассказе* в виде цели и процесса, и появилась возможность ее интериоризации, то есть поэтапного формирования умственных действий.

Итак, когда мы говорим о *начале сознания*, речь идет о процессах, которые привели к зарождению человеческого сознания. «Приобретения» человека еще в ходе формирования предпосылок сознания таковы: в отличие от низших животных – орудийная деятельность и обучение младшего поколения; в отличие от всех животных – способность *изменять форму* предметов природы, ergo производство,

¹⁸³ Там же. С. 118.

¹⁸⁴ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974.

формулировка его целей и обучение следующих поколений *умениям и навыкам* именно производства.

Совместная деятельность обучаемого и обучающего по передаче и усвоению *умений и навыков* – это и есть *начало* сознания. Совместная деятельность обучаемого и обучающего по передаче и усвоению накопленных *знаний* знаменует *возникновение* сознания.

Теперь следует поставить вопрос, касающийся нашего исследования: можно ли на этом этапе говорить об *обыденном* сознании? Мы считаем, что нельзя. Сознание само еще только возникло, и о его внутренней дифференциации говорить рано: обыденное сознание *частично*, а чтобы была часть, должно быть сложившееся целое, то есть сознание в широком смысле.

Однако неправильным будет начинать поиск обыденного сознания и в **древнейших формах сознания**: хотя они и представляют собой безусловную целостность, но целостность эта синкретическая, не разделенная внутри себя, не развившаяся до состояния, когда можно *различать* ее элементы. Здесь следует искать не обыденное сознание, а скорее «стартовую позицию» для поиска.

Коллективный характер первобытного сознания ныне не оспаривается практически никем из исследователей. Однако понимание этой коллективности различно. В большинстве случаев ограничиваются констатацией факта, что «общественное, коллективное сознание первично по отношению к индивидуальному», и придерживаются «представления об общественном сознании как филогенетически первичном по отношению к индивидуальному»¹⁸⁵. Однако следует уточнить, что общественное сознание в том понимании, в котором оно представлено в предыдущей главе, есть *современное* общественное сознание. Логическое рассмотрение показывает онтогенетическую первичность общественного сознания по отношению к индивидуальному сознанию современного человека. В историческом же плане онтогенетически первичное сознание, формировавшее индивида, было еще не общественным, но коллективным. Заметим, еще Э. Дюркгейм под-

¹⁸⁵ Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. – М., Смысл, 2001. – С. 13.

черкивал, что именно «коллективные представления являются внешними по отношению к индивидуальным сознаниям... они исходят не из индивидов, взятых изолированно друг от друга, но из их соединения»¹⁸⁶.

А.Н. Леонтьев писал, что «индивидуальное сознание как специфически человеческая форма субъективного отражения объективной реальности может быть понято только как продукт тех отношений и опосредствований, которые возникают в ходе *становления и развития* общества [курсив наш – А.С.]»¹⁸⁷. «Другими словами, высшие специфические человеческие психологические процессы могут родиться только во взаимодействии человека с человеком, т. е. как интерпсихологические, а лишь затем начинают выполняться индивидом самостоятельно»¹⁸⁸, о чем мы и говорили выше.

Но исторически первым было именно коллективное сознание, и смешивать его с современным общественным сознанием было бы методологически ошибочно. Еще в 20-40-е годы прошлого века Люсьен Леви-Брюль, показывая алогичность первобытного мышления (точнее, *еще не сложившуюся* логичность) и господство в нем коллективных представлений, писал: «Коллективные представления имеют свои собственные законы, которые не могут быть обнаружены, особенно если речь идет о первобытных людях, изучением белого взрослого и цивилизованного индивида»¹⁸⁹.

Жизнь индивида – члена первобытного рода – была полностью подчинена процессу жизнедеятельности рода. Представление о целом было тождественно представлению о жизни рода. Мир же был ограничен кругом повседневной родовой практики. Непосредственное содержание повседневности, по словам Г.С. Кнабе, изначально состояло «в воспроизводстве человеческой жизни – продолжении рода, обеспечении его выживания трудом и борьбой с природой, с вра-

¹⁸⁶ Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные. // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М., 1995. – С. 234.

¹⁸⁷ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. // Собр. соч. в 2 т. – М., 1983. Т. 2. – С. 170.

¹⁸⁸ См.: Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М., 1960. – С. 198-199.

¹⁸⁹ Леви-Брюль Люсьен. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., Педагогика-пресс, 1999. – С. 9.

гами...»¹⁹⁰ Однако «такое воспроизводство всегда коллективно, в процессе его между людьми возникают определенные отношения, а вместе с ними нормы и убеждения, принципы и идеи, вкусы и верования, которые, вполне очевидно... не тождественны изначальному непосредственному содержанию повседневного самовоспроизводства, обособлены от него, но в то же время... от этого непосредственного содержания неотделимы»¹⁹¹.

Таким образом, Г.С. Кнабе подчеркивал *непосредственное природно-общественное*, нерасчлененное, синкретическое содержание первобытного сознания и растворенность в нем сознания индивидуального. Человек не отделял себя от рода, но общественное, всеобщее именно родом и ограничивалось.

С другой стороны, круг *повседневной практики* человека был весьма узок и ограничен рамками *добычи*, то есть вырывания из природы предметов, пригодных для потребления либо непосредственного, либо с минимальной обработкой. Непосредственное единство человеческих сообществ и их непосредственное соседство с природной кладовой порождало специфическую структуру знания и познания – миф.

Здесь нам бы хотелось обратить внимание на две особенности мифологического сознания. Миф, *с одной стороны*, есть мировоззрение, он рисует космогонию и космологию, то есть представляет собой *знание* – пусть и в вымышленной форме. *С другой стороны*, он объединяет в себе все зародыши современных форм общественного сознания и представляет собой *мононорму*. Тотемы и табу – это та часть мифологии, которая вводит, так или иначе, первые формы нерасчлененных социальных норм.

С точки зрения процесса *познания* принцип построения мифа – это замена неизвестных элементов (связей) предполагаемыми, спекулятивными, известными по аналогии. Таким образом, **миф представляет собою модель мира с «проте-**

¹⁹⁰ Кнабе Г.С. Диалектика повседневности. // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. – М., 1993. – С. 50.

¹⁹¹ Там же

зами» неизвестных элементов. При этом следует подчеркнуть: сами структурные связи элементов по преимуществу реальны, правильны.

Отметим, что замена реальных, но непознанных связей на спекулятивные, умозрительные сохраняется в снятом виде и воспроизводится даже в современном процессе познания. Достаточно вспомнить гипотезы эфира и теплорода (флогистона), а также современные обыденные суждения об энергии и информации.

«Отражение [сил природы и общественных сил] может быть двояким: оно может быть познавательным и выливаться в догматах или учениях, оно манифестируется в способах объяснения мира или оно может быть волевым и выливаться в актах или действиях, имеющих целью воздействовать на природу и подчинить ее себе. Такие действия мы будем называть обрядами и обычаями»¹⁹².

По большому счету, взаимоотношения человека с неподвластным ему явлением от ответа на вопрос о его структуре и причинах в принципе не меняются. Меняется магическая практика – но ровно настолько, насколько важен этот элемент. Магическая практика необходима в той мере, в которой она подменяет еще не возникшую реальную практику, последняя же может сложиться только с *познанием* неизвестного пока элемента.

Это справедливо не только для первой, мировоззренческой стороны мифа, но и для второй, социально-регулятивной. Вряд ли для кого-то секрет, что на серьезных общественных переломах люди, практика которых (часто лишь в их собственном представлении) сузилась¹⁹³, немедленно достраивают картину своего мира по мифологическому алгоритму. Отсюда разного рода эзотерика, колдуны, маги и т. д.

На наш взгляд, попытка выделить в первобытном периоде истории обыденное сознание, тем более в его нынешнем понимании, не имеет смысла. С одной

¹⁹² Пропп В.Я.. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – С. 23.

¹⁹³ Это ощущение сужения практики происходит из-за того, что окружающая жизнь становится непрогнозируемой. Социальные процессы, которыми человек хоть и не управлял, но течение которых знал из повседневного опыта, вдруг оживают и становятся враждебными. Отсюда антиутопии «бунта машин». Объект становится субъектом – враждебным и непредсказуемым. Мы вернемся к этому вопросу в разделе, посвященном современному обыденному сознанию.

стороны, в силу полной зависимости от природы человек решал *каждодневную* задачу выживания рода, то есть круг его жизни был *обыденным*. С другой стороны, это сознание нельзя назвать обыденным, ибо оно отражало борьбу за сохранения *рода*, то есть *общего*, целостного социального мира, вне которого человек не выживал и индивидуально. Человек решал *общие* задачи просто потому, что *не выделял* себя из рода.

Все иные отношения, кроме отношений *воспроизведения рода* путем воспроизведения индивида (рождение и обучение самостоятельному жизнеобеспечению), либо отсутствовали, либо только лишь возникали.

В связи с этим важную роль первых регуляторов играли половые запреты. Так, В.А. Вазюлин писал: «Все более настоятельной становится необходимость в исключении конфликтов внутри стада. Наиболее частым источником конфликтов является борьба за удовлетворение полового инстинкта. По мере роста устойчивости стада устанавливается запрет членам стада вступать в половые связи друг с другом. Образуется род... Запреты вступления в половые связи внутри стада, становящегося родом, есть то или иное осознание необходимости исключения этих связей. Осознание – продукт возникновения социальных (в широком смысле слова) отношений»¹⁹⁴.

Роль половых запретов подчеркивает и Б.Ф. Поршнев: «Началась депривация, видимо, с интердиктивного пресечения хватательных реакций и тем самым материальных контактов с подобными себе и с вещами. Отсюда – целый веер первобытных табу: запреты прикосновений, запреты восприятию, в том числе глядения на что-либо. Депривация имела тенденцию к полноте... но неизбежно образовывались исключения: во времени, в круге особей и предметов, в территории. Отбор и характер этих исключений – уже начатки „культуры“»¹⁹⁵.

Табу выполняют в синкретически едином сознании рода роль социальных регуляторов поведения, не разделенных с точки зрения знания о допустимых спо-

¹⁹⁴ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 213.

¹⁹⁵ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974.

собах воздействия на природу и сознания себя наряду с людьми. Очевидно, что такая синкретичность проистекала из природности самих отношений между людьми и непосредственно природных способов поддержания и воспроизводства жизни рода. Хотелось бы обратить внимание на еще одно из древнейших табу: пищевые запреты. Последние являлись условием выживания рода, но внедрялись как норма, не требующая обоснования, как сакральное знание, а точнее, как доступные «природному сознанию» объяснения. В дальнейшем мы увидим, как возникшее в то время представление о «метафизической нечистоте» трансформируется в наше время.

Однако мифологическое сознание, включающее в себя знание о мире и сознание единства с другими людьми, недолго сохранялось в первозданном виде. Внутри мифа действовать нельзя: это священный текст, предполагающий отстраненность, а часто даже запрет на рассказывание. «Мифы составляют, говоря буквально, наиболее драгоценное сокровище племени. Они относятся к самой сердцевине того, что племя почитает как святыню. Наиболее важные мифы известны лишь старикам, которые ретиво оберегают их тайну...»¹⁹⁶ «Разглашение мифа лишило бы его священного характера, а одновременно и его магической или, как говорит Леви-Брюль, „мистической“, силы. Лишившись мифов, племя было бы не в состоянии удержать свое существование»¹⁹⁷.

И один из выводов, который сделал в 20-е годы прошлого века замечательный советский ученый В.Я. Пропп, рассматривая соотношение сказки и мифа, следующий: *миф*, чтобы стать руководством к действию, чтобы описать должные действия человека, *должен быть профанирован*.

Миф – это основа сакральной культуры. Сказка – культура профанная – это как раз то, что позволяет превратить священный рассказ в художественный, вписать человека на уровне его понимания в систему мировоззрения. И сказка с самого начала была не чем иным, как *описанием действий человека в обстоятельствах, нарисованных мифом*. «Из всего сказанного видно, что уже очень рано

¹⁹⁶ Леви-Брюль Люсьен. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937. – С. 262.

¹⁹⁷ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ. – С. 357.

начинается "профанация" священного сюжета (под "профанацией" понимаем превращение священного рассказа в профанный, т. е. не духовный, не эсотерический [авторское написание – А.С.], а художественный). Это и есть момент рождения собственно сказки. Но отделить, где кончается священный рассказ и начинается сказка, – невозможно»¹⁹⁸.

Итак, первобытная община в ее непосредственной тождественности с природой и своими членами формировала неразделенное «знание-сознание» человека. Оно было весьма противоречивым: абсолютно обыденное знание и одновременно абсолютно коллективное («протообщественное») сознание, ориентированное на благо и интересы общества, человечества, которое «для людей первобытнообщинного строя... ограничивается общинным коллективом. Вместе с тем от всего остального окружающего мира человек еще не вполне отличает себя»¹⁹⁹.

§2. Этапы и формы разложения общины и общинного сознания

2.1. Рабовладение. Демос и охлос. Община и идиот. Возникновение представлений об обыденном сознании

«Толпе не присуще быть философом!»²⁰⁰ – этим жестким императивом Платон потряс не одно поколение молодых философов, жаждавших свободы и равенства, искавших в эллинской демократии идеала «исконной» социальной гармонии, как ищут в эллинском искусстве идеала гармонии природной.

Действительно, эта фраза великого философа кажется на первый взгляд странной в контексте греческой общинной демократии, но это только на первый взгляд. Напомним исторический контекст. Формой существования античных сообществ был полис. Мы вслед за Г.А. Кошеленко²⁰¹ склонны рассматривать полис

¹⁹⁸ Пропп В.Я. Там же. С. 359.

¹⁹⁹ Вазюлин В.А. О социальной философии истории. // Социологические исследования. 1992. № 12. С. 90-98.

²⁰⁰ Платон. Государство. Законы. Политик. / Предисл. Е.И. Темнова. – М.: Мысль, 1998. – С. 247.

²⁰¹ См.: Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

не как город, не как государство и не как «город-государство», а как особый тип территориальной *общины*, как гражданскую общину, то есть трансформировавшийся первобытный род или родовую общину. Таким образом, участие члена рода в принятии решений, относящихся к общей жизни рода, *сохранилось и в полисе*, хоть и в превращенной форме.

Окончательное общее мнение о происхождении сословий из древнего родового общества не сложилось. Часть исследователей считает таковое деление результатом завоеваний, причем, по мнению одних, патрициями стали пришельцы-завоеватели, а по мнению других, пришельцы стали клиентами автохтонов. Другая часть исследователей придерживается мнения о внутриродовых причинах складывания сословий: распаде рода, при котором «с ростом производства и усилением частной собственности выделились экономически сильные «старшие» роды, а внутри родов – родовая аристократия, патриции»²⁰².

Но, в конечном счете, общепризнано, что разделение населения полиса на аристократов и демос, на патрициев и плебеев есть результат наложения нескольких исторических процессов, сопровождавших разложение рода, родовой общины и первоначальное возникновение частной собственности.

Именно в этом контексте следует рассматривать взаимоотношение *сословий* античного мира. Заметим еще, что весьма популярная в интеллектуальной среде позиция К. Леви-Стросса относительно причин и механизмов складывания знати и разложения рода не вызывает у нас доверия, поскольку представляет собой практически чистый образец неисторического применения буржуазных отношений как критерия исследования общества, *предшествующего* буржуазному. Собственно, это есть разновидность той самой подмены изучения древнего человека «изучением белого взрослого и цивилизованного индивида», по поводу которой язвительно высказывался Люсьен Леви-Брюль. (См. стр. 110.)

Вряд ли полностью отражают картину взаимоотношений сословий полиса рассуждения, сводящиеся к «интуитивному осознанию сложного характера интел-

²⁰² Маяк И.Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. – М., МГУ, 1983. – 278 с.

лектуальной деятельности людей», к «одной из первых попыток разведения именно обыденного и теоретического знания как таковых», к «первым попыткам решения сложных гносеологических проблем»²⁰³. На наш взгляд, проблема «толпа-философ» в *платоновские* времена ставилась не столько в плане гносеологии, сколько в плане политики, то есть в прямом смысле – управления полисом.

В античном обществе «деление по степени свободы, степени гражданства есть по сути своей деление по степени отношения к общине как естественно возникшему коллективу»²⁰⁴. Эти отношения претерпевали изменения и трансформировались в сторону формирования частной собственности, но происходило это медленно. Например, реформа Солона разделила афинян на четыре разряда по имущественному положению, причем независимо от происхождения. Но при этом имущественное положение определяло «степень гражданства», то есть чем к более высокому разряду принадлежал афинянин, тем в большей степени гражданином он был. Через 200 лет после реформ Солона Платон писал: «Более, чем дети о своей матери, должны граждане заботиться о родимой земле: ведь она богиня-владычица смертных созданий», и «каждый получивший по жребию надел должен считать свой надел общей собственностью государства»²⁰⁵. То есть в течение двух веков отношение к земле практически не изменилось и она оставалась общинной собственностью.

В Риме борьба патрициев и плебеев была борьбой тех, кто считались членами автохтонной общины, существовавшей в начале основания Римской республики, с теми, кто считались выходцами из родственных общин, покоренных автохтонами. «Конечно, и в Афинах во времена Солона, и в Римской республике это была борьба в конечном счете за земельную собственность, но в общем и целом в рамках приоритета общинной собственности на землю»²⁰⁶. «Это была не чистая

²⁰³ Гусев С.С., Пукшанский Б.Я. Обыденное мировоззрение. Структура и способы организации. – СПб, 1994. – С. 14.

²⁰⁴ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 252.

²⁰⁵ Платон. Законы. – М.: Мысль., 1999. – С. 740 а.

²⁰⁶ Вазюлин В.А. Там же. С. 252.

частная собственность, а частная собственность, существенно не отчленившаяся от естественно возникших отношений. Это была частная собственность в «растворе» естественных, природных отношений»²⁰⁷. Иначе говоря, в этот исторический период отношения частной собственности существуют как подчиненный момент отношения членов естественно возникших коллективов друг к другу и к естественно возникшим условиям производства.

Итак, получаем первичную градацию сознания на сословно-классовом уровне:

- Аристократ, патриций – «высокое» сознание – управление полисом (республикой), но и управление домом, рабами.
- Представитель демоса, плебей – «низкое» сознание – управление своим домом, рабами и т. д., но и участие в управлении полисом (республикой).
- Раб – сознание неважно, важно исполнение, поскольку «раб есть тело господина» (Аристотель).

Момент *возникновения обыденного сознания*, на наш взгляд, совпадает с таким этапом общественного разделения труда, когда среди равноправных граждан впервые появляются люди, тем или иным способом *отделенные* от управленческого труда.

Но начнем с рабов – людей, изначально отделенных от управленческого процесса. Следует заметить, что рабовладение как таковое, взятое в отношении «рабовладелец – раб», не ставит вопроса обыденного сознания в контексте потери субъектности. В самом деле, раб, являясь «говорящим орудием», *по определению* не может осуществлять управленческой функции.

«Если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в работниках, а господам не нужны были бы рабы»²⁰⁸. Обращает на себя внимание, что Аристотель, продолжая анализировать

²⁰⁷ Там же. С. 233.

²⁰⁸ Аристотель. Политика (253b–35). / Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 4. – М., 1984. – С. 381.

черты рабовладельческого общества, отмеченные Платоном, выделяет две из них. С одной стороны, он подчеркивает общинно-семейные корни рабства: «В совершенной семье два элемента: рабы и свободные»²⁰⁹. С другой же стороны, почти современными терминами Стагирит описывает складывающуюся собственность и разделение труда на управленческий и исполнительский. «„Собственность“ нужно понимать в том же смысле, что и „часть“. Часть же есть не только часть чего-либо другого, но она вообще немислима без этого другого. Это вполне приложимо и к собственности. Поэтому господин есть только господин раба, но не принадлежит ему; раб же не только раб господина, но и всецело принадлежит ему»²¹⁰. «То, что раб должен уметь исполнять, то господин должен уметь приказывать»²¹¹.

Случаи, когда рабы осуществляли интеллектуальный труд (воспитатель, советник и т. п.) в условиях так называемого «семейного» рабства, живя в семье хозяина на правах младших членов семьи, не опровергают этого предположения, но лишь подтверждают его. К примеру, основной конфликт Ксанфа и его раба – баснописца Эзопа, описанный в знаменитой пьесе Гильерме Фигейредо²¹² «Лиса и виноград» («Эзоп»), заключен как раз в том, что Эзоп, будучи умнее и образованнее своего хозяина, вынужден, тем не менее, даже в узком кругу «домашних» задач действовать в соответствии с целями, которые тот ставит. И основная задача Эзопа – стать свободным, действовать по собственному целеполаганию. Заметим, что свобода, за которую боролся Эзоп, отнюдь не означала его автоматического включения в *общественно значимый* процесс целеполагания, то есть не означала его причастности к общему управленческому труду. Но автор показывает, что все предпосылки к тому, чтобы влиять на жизнь полиса, у раба-интеллектуала были. Собственно, его осуждение по ложному обвинению в краже сосудов явилось

²⁰⁹ Аристотель Там же (253 b – 5). С. 380.

²¹⁰ Там же (254a – 10). С. 381-382.

²¹¹ Там же (255b–35). С. 387.

²¹² Гильерме Фигейредо. Лиса и виноград (Эзоп). Комедия в 2-х действиях. / Перевод с португальского П. и С. Лиминик, А. Морова // Фигейредо Г. Смешная трагедия. Пьесы. М., Искусство, 1960. – 169 с.

негативной, трагически заостренной формой общественного признания, причастности к *общему* делу.

Возникает вопрос: так что же, по социальной роли раб не обладал даже обыденным сознанием? На наш взгляд – обладал. Именно он и был носителем одной из сторон «чистого» обыденного сознания, так как представлял собою «в чистом виде» исполнителя, носителя «познавательной стороны сознания». Что касается второй стороны – отношения к общине, тут раб был полностью исключен.

Иное дело, когда свободные (хоть и не полноправные) общинники, то есть плебс (демос), в процессе разложения родовой демократии оказывались отделенным от властной функции, которая переходила к родовой верхушке. Разложение общинной собственности воспринималось философами-современниками как деградация полиса и иных форм общественного (общинного) управления (эκκλησία, ἀπella, ἀγορά, ἀλία). Так, по мнению Платона, сначала в мире правили цари, затем аристократы, затем демос и, наконец, толпа («οχλος»).

«Человек толпы», в отличие от представителей демоса, олицетворял собой распад общины, все более выпадая из ее жизни, не участвуя в выработке общего решения и все более редко, отчужденно и формально участвуя в принятии решения. Речь о «мнении толпы» шла в той мере, в какой она уже *не имела отношения* к принятию общего решения. Человек, обособившийся от общины, именовался «идиότης» (ιδιότης; idiōtēs), что в буквальном переводе с древнегреческого означало «частное лицо». В широком смысле термин обозначал человека, жившего в отрыве от общественной жизни, а также не участвовавшего в общем собрании граждан полиса. Неучастие в жизни общины могло иметь разные причины, но негативная коннотация античного идиота пережила века.

И если раб был исключен из общины (точнее, не включен в нее), что называется, по положению, как аутентичная частная собственность, то идиот исключал себя сам – в силу своего выделения из общины как частного лица. Но выделение (или невключение) из общины есть одновременно отделение от принятия решения по ее жизни. Именно с появлением «идиота» можно говорить о «первоначальном возникновении» обыденного сознания. «Мнение толпы» приобретало от-

рицательную определенность знания и сознания, становилось незнанием и неосознанным общественным бытием.

Здесь еще обратим внимание на то, что в рабовладельческих обществах, основанных на общинной форме *обработки земли*, тех, что дали жизнь «азиатскому способу производства», проблемы соотношения демоса и охлоса вообще не стояли. И лишь в поздний, эллинистический период, после крушения империи Александра, в Египте Птолемидов и Вавилоне Селевкидов в интеллектуальной среде стали возникать дискуссии на эту тему, которые, совершенно очевидно, были вторичными, позаимствованными у «классического» эллинского мира вместе с иными достижениями культуры. Почему так было? Вероятнее всего потому, что принимать решения по *общей* жизни, по жизни всего общества там мог лишь правитель. А потому мнение толпы «по умолчанию» не было истиной. В то же самое время в античном обществе – в Греции и Риме в разной степени, но все же по сути близко, – члены толпы – идиоты – «атомизировались», индивидуализировались²¹³, выделялись из общинной жизни, и их «мнение» оказывалось вне общего процесса принятия решений.

Таким образом, в этом разделе мы выделили исторические направления развития сознания и возникновения обыденного сознания:

- 1) складывание частной собственности;
- 2) отделение от общины, в том числе от общего процесса принятия решений, от совместной постановки цели;
- 3) выполнение частичной функции, то есть отделение исполнителя от целеполагания в техническом смысле: того, что Аристотель именовал «продуктивной деятельностью» (*poiētika*), от деятельности «активной» (*praktikon*)²¹⁴. Это разделение труда, диктуемое внешними условиями, пока еще было спорадическим, случайным. Переход рабов в статус коло-

²¹³ Заметим еще раз, что греческое «атомос» и латинское «индивидуум» есть лексические кальки, означающие «неделимый».

²¹⁴ Аристотель. Там же (254 а – 2). / С. 381.

нов в Риме ослабил эту тенденцию, однако она не исчезла и приобрела иную форму, о чем мы будем говорить позже.

Если сформулировать «результат» этого периода истории еще короче, он таков:

- а) индивидуализация сознания;
- б) складывание индивидуальных трудовых процессов.

2.2. Средние века и Возрождение

Идея толпы как носителя материально-телесного начала получила продолжение в Средневековье. На рубеже эпох Аврелий Августин писал: «Толпа очень склонна бросаться в ложные мнения, и привычка к телесному весьма легко, но не без вреда, приводит к убеждению, что все телесно...»²¹⁵

Однако сама «толпа» была уже иной. Период феодализма характеризуется дальнейшим *развитием* частной собственности, которая «впервые в истории человечества стала господствовать над средней и мелкой собственностью в масштабах всего общества. Притом впервые в истории человечества утвердилось господство крупней частной собственности именно на землю»²¹⁶.

Земля – это средство производства, возникшее и использующееся естественно, а не созданное трудом путем изменения природной формы. Поэтому частная собственность в виде крупной земельной частной собственности оставалась общественным отношением по поводу естественно возникшего объекта. В то же время «адекватной основой частной собственности служат созданные, произведенные средства производства, средства производства, являющиеся продуктами труда. Поэтому естественно возникшие отношения еще входят в самую плоть и кровь господства крупной частной собственности»²¹⁷.

²¹⁵ Августин Блаженный. Против академиков. – М.: ИФ РАН, «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. – С. 171.

²¹⁶ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 255.

²¹⁷ Там же. С. 256.

Отношения к земле опосредуют отношения между сеньорами и вассалами, между феодалами и крестьянами. С одной стороны, скажем, один из героев Дюма, барон дю Валлон де Брасье де Пьерфон (правда, из более поздней эпохи абсолютизма времен Людовика XIII и «короля-солнце»), именно потому барон, что имеет эти три поместья. То есть он в определенном смысле «принадлежит» земле. С другой стороны, крестьянин тоже *телесно* неотрывен от земли – именно в силу того, что он крестьянин. Отношения между ними, опосредованные природным предметом, есть превращенные родовые отношения. (Если вспомнить Платона, это прямой «мостик» от его отношения к земле как «матери-владычице смертных созданий»)²¹⁸.

При господстве естественно возникших связей пресловутое «внеэкономическое принуждение» как таковое не требуется: отношение крестьянина к сюзерену поддерживается *обычаем*, оно есть отношение младшего члена рода (общины) к старшему, к защитнику. Принуждение же возникает там и тогда, где и когда эти родовые связи разрушаются возникшими и развивающимися отношениями частной собственности²¹⁹.

Естественно возникшие связи членов общества все более модифицируются отношениями частной собственности. Дифференциация граждан рабовладельческого полиса по степени гражданства была дифференциацией по степени родства с общиной. И даже в реформах Солона имущественное положение, хоть и было определяющим, определяло, тем не менее, главную социальную характеристику: опять же степень принадлежности к общине, то есть *сословное деление*. «Для феодального общества характерно уже совпадение сословного и классового деления, хотя, конечно, полного совпадения не наблюдается: крестьянство принадлежит к одному сословию, значительная часть (но не все) частных земельных собственников в развитом феодальном обществе принадлежит к нескольким сословиям, в со-

²¹⁸ Платон. Законы. - М.: Мысль., 1999. – С. 740 а.

²¹⁹ См. Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 258.

вокупности охватывающим собой почти весь класс частных земельных собственников...»²²⁰

Отношение рабовладельца к рабу есть отношение к природному телу: «Раб же является некоей частью господина, как бы одушевленной, хотя и отделенной, частью его тела»²²¹. У феодала же начинает преобладать отношение к крестьянству и иным представителям третьего сословия как к *субъектам*, то есть собственно *производственные* отношения, но *опосредованные природным телом* – землей. Крестьянин, прикрепленный к земле феодала со *своими* средствами производства рассматривается как субъект отношений, опосредованных *феодалской рентой* – сначала отработочной, затем натуральной и, наконец, денежной. Частная собственность в процессе своего становления *преобразует* естественно возникшие отношения. Естественные отношения опосредуются землей, производственные – рентой.

В конечном счете феодал, владеющий землей на правах *нерушимой наследственной собственности*, наделяет производителя-земледельца частью своей земли на правах *нерушимо наследственного пользования*, нарушение которого тем или иным феодалом или тем или иным непосредственным производителем-земледельцем есть нарушение нормальных отношений»²²². Здесь отношения, опосредованные землей, подходят к своему пределу, за которым – «полноценная» частная собственность. Но перешагнуть в новое качество они не могут, поскольку право наследственного владения землей ограничено майоратом. Прецеденты наследства по завещанию в раннем феодальном обществе общеизвестны, как и их последствия: раздробленность и междоусобицы. Майорат возник именно как средство предотвращения подобных последствий, однако породил другой массив проблем: младшие феодалы, бедные и воинственные, переполнили Европу и грозили ей разорением. Естественным паллиативом явилась колонизация, захват земель за пределами феодальных государств и крестовые походы. Однако в сущ-

²²⁰ Там же. С. 260.

²²¹ Аристотель. Политика (255b–10) / Аристотель. Соч. в 4-х т. Т.4. – М.: Мысль, 1984. – С. 386.

²²² Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 264.

ностном отношении противоречие оставалось. Младшие феодалы, лишенные права на отцовские земли, подталкивали свой класс изнутри к отказу от майората и к отчуждаемости земли, то есть изнутри отрицали самих себя как класс феодальных землевладельцев. Они подталкивали общество к полноценной частной собственности на землю, означающей ее *отчуждаемость по воле владельца*. С другой стороны, крестьяне тоже были заинтересованы в закреплении *собственности* на свой надел, ибо только она могла полностью гарантировать неотчуждаемость земли.

В силу традиционности отношений, с одной стороны, и очень медленного накопления технологий, с другой, производственные процессы были по преимуществу *неизменными*. Как следствие, преобладающим стал взгляд на мир и на общество как на неизменные. В совокупности это сформировало своего рода «*крестьянский тип сознания*».

Параллельно с ним на другом полюсе общества, в среде светских и церковных феодалов, формировался другой тип сознания: признавались (и формулировались) *общие* цели, но общность рассматривалась как сословная, по рождению, то есть на основе природных связей. Наиболее соответствует системе крупной феодальной собственности иерархическая система промежуточных земельных владений во главе с верховным сюзереном – королем (царем), князем или герцогом. Под словами: «Государство – это я!» – «король-солнце» Людовик XIV имел в виду гораздо больше, чем кажется современному человеку. Это было отождествление *себя* с Францией, идентификация с ее землей, потому что без этой земли не могло быть верховного феодала. В этом контексте и шекспировский Король Лир – герой не только и не столько семейной трагедии, сколько потерявший свою *природную* идентичность – ergo власть – владыка. Соответственно, понимание общественных отношений и процессов, происходящих в *обществе в целом*, было связано с отождествлением себя по происхождению с *первым сословием*. Отсюда целеполагание, не отличавшееся глубиной и адекватностью общим интересам. Достаточно вспомнить историю Иоанна Безземельного и его управленческие новации, приведшие в 1215 году к восстанию баронов и принятию Великой хартии вольностей.

Именно земля, будучи противоречивым образом одновременно и объектом частной собственности, и главным природным предметом, связывающим бывшую общину, консервировала основные классы и сословия феодального общества. «Община как бы образует общую „оболочку“, в которой развивается частная собственность. Однако крупная частная собственность на землю есть та предельная форма, в которой частная собственность еще развивается под эгидой естественно возникших связей общинного устройства. Частная собственность при феодализме похожа на зародыш в яйце, выросший настолько, что ему остается только разбить и сбросить скорлупу общинных отношений, естественно возникших связей людей друг с другом и с остальной природой»²²³.

В рамках взаимосвязи основных классов феодального общества разбить эту «скорлупу» никому из них не удавалось, и вот на сцене появился новый игрок: городской житель, бюргер, буржуа.

Будучи центрами локальных рынков, города становятся центрами ремесла. «Ремесло есть не что иное, как особый вид труда, заключающийся во вторичной, третичной и т. д. обработке продуктов земледелия, скотоводства, добычи главным образом ручными орудиями труда в мелких и средних масштабах»²²⁴. Объем сельскохозяйственного производства рос за счет интенсификации: совершенствовались железные орудия, была изобретена современная упряжь для лошади (мягкий хомут, постромки и оглобли), началось широкое использование железных подков. Стал широко востребованным *кузнечный промысел*. Кроме того, на рубеже XIII–XIV веков началось глобальное похолодание, а с конца XV века наступил Малый ледниковый период²²⁵. Выросла потребность в одежде, что, в свою оче-

²²³ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 258.

²²⁴ Там же. С. 267.

²²⁵ См.: Esper, J., et al., 2003, Northern Hemisphere Extratropical Temperature Reconstruction, IGBP PAGES/World Data Center for Paleoclimatology. Data Contribution Series # 2003-036; Petráň Z., Radomešský P. Encyklopedie české numizmatiky, Libri, 1996, с. 55-56; Pfister C., Brázdil R., Glaser R., Climatic Variability in Sixteenth-Century Europe and Its Social Dimension. Dordrecht-Boston-London: Kluwer Academic Publishers, 1999; Fagan B. The Little Ice Age. Basic Books, 2000; Behringer W. Climatic Change and Witch-Hunting: The

редь, подтолкнуло к усовершенствованиям прядильного и ткацкого станка и привело к их распространению. Города приобретали влияние и освобождались от прямой власти феодалов. Таким образом, внутри феодального способа производства возникли новые производительные силы и новый тип отношений, оторванных от непосредственно природной основы.

Здесь следует напомнить о том, что при феодализме «впервые в истории основные, характерные непосредственные производители выделились в качестве относительно самостоятельных субъектов, собственно участников производственных отношений (оставаясь еще в известной степени и объектом, средством производств)»²²⁶.

Особенность ремесленника по сравнению с его крестьянскими собратьями по «третьему сословию» заключалась в том, что он со своими индивидуальными средствами производства смог оторваться от природного средства производства — земли и приобрести субъектность не просто как участник *трудового процесса*, но и как участник производственных *отношений*. В то же время крестьянин, тоже работавший индивидуальными средствами производства, обладал, с одной стороны, полной субъектностью в рамках процессов труда внутри натурального хозяйства, но одновременно был привязан родовыми, общинными узами к земле — главному средству производства и одновременно природному объекту.

Таким образом, ремесленник нес наиболее сильную тенденцию общественного развития, соединяя в себе субъектность, независимость в постановке цели и оторванность от общинной косности.

Посмотрим теперь, как исследованный выше процесс приложим к процессу генезиса обыденного сознания. Как мы увидели в первой главе, сознание в широком смысле проявляется в двух качествах:

- как знание в рамках трудовых процессов, т. е. знание о преобразовании природных предметов;

Impact of the Little Ice Age on Mentalities IN: Climatic Variability in Sixteenth-Century Europe and Its Social Dimension. Special Issue of Climatic Change, Vol. 43, No. 1, September 1999.

²²⁶ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — С. 271.

- это означает постановку и формулировку *цели*;
- как *сознание* того, что в процессе преобразования участвуют другие люди, с которыми сознающий объединен этим общим процессом;
- это предполагает, кроме всего прочего, наличие *самосознания*.

Сознание крестьянина периода раннего и зрелого феодализма, таким образом, двойственно. С одной стороны, оно полностью вмещает в себя знание процессов труда внутри натурального хозяйства, включая целеполагание и контроль (все процессы осуществляются *одним* человеком). С другой стороны, его связь с другими людьми опосредована природным предметом – землей, и самосознание ставит его в самый низ системы иерархического землевладения, держащейся на обычаях. Выход из подчинения, из-под патроната сеньора рассматривается как «потрясение основ» в такой же мере, как и выход сеньора из обычного «договора» с крестьянином о бессрочной передаче ему земли в обработку. Таким образом, участники процесса видят друг друга через призму оставшихся общинных, природных связей. Складывающиеся локальные рынки формируют «слабые» связи, то есть еще не созревшие товарно-денежные отношения, опосредующие индивидуальное целеполагание и сравнивающие результаты как овеществленные цели.

Сознание ремесленника существенным образом отлично от крестьянского. Различие это пока внешнее, случайное и не устоявшееся. Заключается оно в том, что ремесленник в силу своей независимости порвал общинные природные путы и сознает себя связанным с другими людьми только по собственной воле либо по необходимости. Формой такой повседневной связи является локальный, а затем национальный рынок. Сознание же крестьянина приближается к этому рубежу только на исходе Средневековья, с появлением *денежной ренты*. Но он остается привязанным к главному средству производства, структурирующему его жизнь, – к земле.

Итак, перед нами начинают проступать аутентичные черты обыденного сознания:

- постановка себе цели в рамках повседневного трудового процесса;

- связь с другими через обыденный, повседневный процесс купли-продажи.

Почему эти черты аутентичны? Потому что «адекватной основой частной собственности служат... произведенные средства производства, средства производства, являющиеся продуктами труда»²²⁷. И впервые таковыми являются орудия ремесленника – в отличие от крестьянина.

Итак, перед нами новорожденные бюргеры, «чистые» частичные люди, разрывающие, по выражению Бахтина, «пуповину, которая соединяет их с рождающим чревом земли и народа»²²⁸. Отсюда абсолютно естественно вытекает та «негативная активность» по отношению к старому, которая характерна для позднего Средневековья и которая вылилась в формы гротескной смеховой культуры, противостоящей жесткому иерархичному средневековому миру, но одновременно и принимающей его таким, какой он есть. Этот смех направлен и на самих смеющихся. «Народный... амбивалентный смех выражает точку зрения становящегося целого мира, куда входит и сам смеющийся... Все проявления материально-телесной жизни и все вещи отнесены здесь... не к единичной биологической особи и не к частному и эгоистическому, „экономическому“, человеку»²²⁹, но как бы к народному, коллективному, родовому телу»²³⁰. М.М. Бахтин подтверждает здесь мысль о сознании того периода как *еще не отделившемся* от родовой, природной основы. Он показывает *начинающийся, но еще не совершившийся* процесс *отрицания* общего, становящегося путами, и процесс *становления* частного.

Интересно посмотреть, как формирование феодального сознания коррелируется с тем своеобразным развитием, которое в Средневековье и в раннем Возрождении получили сказочный профанный сюжет и вообще **тема Профана** (Простеца, Симплициссимуса).

²²⁷ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. - М.: Изд-во МГУ, 1988. - С. 256.

²²⁸ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. - С. 30

²²⁹ Чуть раньше автор использует термин «буржуазный эгоистический индивид».

²³⁰ Бахтин М.М. Там же. С. 26

Мы уже приводили слова В.Я. Проппа о том, что «очень рано начинается „профанация“ священного сюжета (под „профанацией“ понимаем превращение священного рассказа в профанный, т. е. не духовный, не эзотерический [авторское написание – А.С.], а художественный). Это и есть момент рождения собственно сказки»²³¹. Профанация мифологического сюжета переводит его из вневременного и внепространственного существования в «здесь-и-сейчас» и позволяет действовать в нем простому человеку. Герой профанного рассказа очень часто оказывается Простакон или вовсе Дураком. В контексте тех подходов, на которые мы опираемся, дурак есть юноша перед обрядом инициации, а более широко – человек перед непознанной, неосвоенной частью мира. Сказка же есть модель «правильных действий» и «правильного мира» в целом. Мы здесь воспользовались терминологией, предложенной Е.В. Улыбиной, и не можем не обратиться к изложенной ей концепции амбивалентного «текста-инструкции» обыденному сознанию.

В период разложения общины и становления феодального общества, с его косными и медленными процессами, функция освоения «правильных действий» сохранялась, и сказочный сюжет адекватно прочитывался на уровне архетипов. «...Рассказывали то самое, что происходило с юношей, но рассказывали это не о нем, а о предке, учредителе рода и обычаях»²³².

Однако время от времени освященный родовым обычаем ход жизни давал сбои – это случалось, говоря современным языком, в «нештатных» ситуациях. Как отмечает Е.В. Улыбина, в сказках «отсутствует момент риска, реальной опасности, непредсказуемости, существующий в реальности»²³³. Впрочем, по мнению некоторых исследователей, сам обряд инициации внутренне противоречив, как противоречиво и диалогично порождающее его и порождаемое им мышление. «С одной стороны, это желаемый переход, повышение статуса, обретение новых свойств и качеств. С другой – это опасное действие, вызывающее обоснованный

²³¹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ. – С. 359.

²³² Там же. С. 355.

²³³ Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. – М., Смысл, 2001. – С. 178.

страх»²³⁴. Автор обращает внимание на исследования О.М. Дьяченко и Н.К. Вераксы, согласно которым дети определенным образом сопротивляются переходу в мир взрослых, а именно: «неправильно» себя ведут. «Они разрушают правильный мир на уровне слов и действий. Нарушение правил, карнавализация, диалектическое объединение противоположных качеств, преобразования предметов являются... важным элементом детского развития»²³⁵.

В контексте совпадения периодов онто- и филогенеза это наблюдение приобретает смысл для нашего исследования: Мы снова приходим к карнавалу и видим в нем не только *связь* с «родовым телом», но и элемент *отрицания* – пусть временного, на период праздника, пусть условного, но отрицания тех старых, природного происхождения отношений, которые окутывают феодальное средневековое общество. И по мере развития этот элемент приобретает все больший и больший удельный вес.

Е.В. Улыбина, как нам кажется, чрезвычайно удачно сопоставила волшебную сказку как «правильный», инструктивный текст, содержащий установленные столетиями нормы, и некий «неправильный» текст, содержащий «рассказ о том, как процесс перехода не облегчается, а затрудняется»²³⁶. Правильный мир построен в соответствии с «верой в справедливый мир» (М. Лернер) и предполагает наличие «жизненных правил», связь морали с успешной адаптивностью и пр. В неправильном мире отсутствуют правила, старания не приводят к успеху, а моральность и адаптивность противоречат друг другу. Карнавал оказывается внутренне противоречивым событием: через него формируются образы «правильного» мира, утверждающего ценности стабильности, общности, и «неправильного», утверждающего ценности развития, индивидуальности²³⁷.

²³⁴ Улыбина Е.В. Там же. С. 178-179.

²³⁵ Там же. С. 179.

²³⁶ Там же.

²³⁷ См.: Там же. С. 240

Собственно, изложенная здесь концепция как нельзя лучше описывает психосемантическую структуру обыденного сознания. Мы же сопоставляем ее с *социальными* детерминантами.

Простак из сказки становится востребованным в качестве критика устоев церковной и светской иерархии, схоластической учености. Собственно, он даже не востребован: это его внутренняя интенция. Ведь по сути дела простак как представитель третьего сословия, лишенный земли, – это маргинал феодального общества. И именно в силу своей маргинальности, *деклассированности* он видит дальше, чем традиционные сословия, классы и группы.

Надо напомнить, что середина XV века – это время расцвета цеховой культуры, когда ремесленники, самостоятельные в своих мастерских, были скованы внешними рамками цеха. Цех представлял собой последний слой той самой «общинной скорлупы», из которой оставалось выйти народившемуся буржуа. На наш взгляд, именно выход ремесла из цеховых рамок и ознаменовал буржуазный здравый смысл в его аутентичном виде. По времени это было примерно столетие от середины XV до середины XVI века.

Обратим внимание на то, что Николай Кузанский напрямую связывает своего Простака-Симплициссимуса с городскими жителями, заявляя: «Мудрость кричит на улицах...»²³⁸ Он вводит *рыночные* характеристики положительного героя-простеца, подчеркивая «действия той способности рассудка, в силу которой люди превосходят животных, ибо эти неразумные твари не могут считать, взвешивать и измерять»²³⁹.

Через полвека созданная Кузанцем концепция «ученого незнания» получает блестящее развитие у авторов Возрождения: в 1494 году появляется поэма «Корабль дураков» Себастьяна Брандта, а в 1509 году – «Похвала Глупости» Эразма Роттердамского.

Эразмовская Мория (Аноя) – манифестирующая глупость, но глупость мудрая. Она противопоставляет себя схоластической учености, придворной чо-

²³⁸ Кузанский Николай. Сочинения в двух томах. Т. 1 – М.: Мысль, 1979. – С. 362.

²³⁹ Там же. С. 363.

порности и лести, недалекости простолюдинов, при этом апеллируя и к здравому смыслу, и к высоким источникам. Вот, к примеру, пассаж Эразма против бесприкословного авторитета схоластики в лице Дунса Скотта и Фомы Аквинского: «А доктора наши между тем донельзя собой довольны, сами себе рукоплещут и столь поглощены бывают своим усладительным вздором, что ни ночью, ни днем не остается им даже минуты досуга, дабы развернуть Евангелие или Павловы послания. Пустословя подобным образом в школах, мнят они, будто силлогизмами своими поддерживают готовую рухнуть вселенскую церковь, подобно тому, как у поэтов Атлант держит на плечах свод небесный»²⁴⁰.

Напомним, что мы рассматриваем становление *буржуазного* сознания. Однако не следует считать, что становление это проходило однонаправленно и линейно. Достаточно вспомнить вышедшие в 1510, 1511 и 1515 годах издания «народной книги «Тилия Эйленшпигеля»». Эйленшпигель (Уленшпигель) постоянно обводит вокруг пальца как дворянство и духовенство, так и горожан и крестьян; он воплощает собой, с одной стороны, вольный и независимый дух личной инициативы, противопоставленный косному средневековому миру, дух «простецкого» крыла грядущей Реформации, а с другой стороны, демонстрирует не рефлексирующее и не самоотождествляющее себя буржуазное сознание «класса в себе».

§3. Формирование буржуазного сознания - «золотой век» обыденного сознания и начало деградации

Следует обратить внимание на то, что мы фактически рассматриваем два процесса:

- а) процесс *становления* обыденного сознания;
- б) процесс его *осознания*.

²⁴⁰ Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – С. 72

Разница этих процессов понятна на интуитивном уровне и очевидна; тем не менее мы рассмотрим ее пристальней, ибо здесь важно различие объективной и субъективной логики. Под объективной логикой процесса мы понимаем исследование того, *что* отражается в мышлении, то есть предмета, а под субъективной – то, *как* этот предмет отражается в уме познающего субъекта. Было бы правильно развести эти два процесса по разным главам, но мы ограничены правилами квалификационной работы и поэтому ведем их параллельно.

Здесь важно обратить внимание еще на один методологический момент. До сих пор мы рассматривали частную собственность как социальное *само по себе*, как исторически возникшие отношения вообще. Иными словами, развитие частной собственности рассматривалось нами как развитие социального *в отличие от природного*. В этом случае с выходом на первый план произведенных средств труда (производства) можно говорить о победе социального. Это происходит, когда на первый план выходит *промышленность* – «вид производства, заключающийся во вторичной, третичной и т. д. обработке продуктов добычи... земледелия, скотоводства при помощи произведенных средств труда», который «включает в себя ремесло как неразвитую стадию промышленности»²⁴¹. Напомним: мы уже давали близкое определение *ремесла* (см. стр. 126) – с той лишь разницей, что последнее связывалось с *ручными* орудиями и *мелкими/средними* масштабами. Получается, что разница – в масштабе и степени совершенства орудий? Не только и не столько. «...Развитая форма *промышленности* [курсив наш – А.С.], т. е. собственно промышленность, есть... обработка продуктов добычи, земледелия, скотоводства в крупных размерах при помощи произведенных, созданных трудом *уже не ручных средств труда*. Следовательно, решающей, определяющей отраслью промышленности является производство средств производства»²⁴². Промышленность в том смысле адекватна частной собственности, что она работает *произведенными* средствами производства. Тогда может показаться очевидным вывод о

²⁴¹ Вазюлин В.А. . Логика истории. Вопросы теории и методологии. - М.: Изд-во МГУ, 1988. - С. 274.

²⁴² Там же.

том, что механизация и укрупнение промышленной частной собственности окончательно разовьет ее как социальное в противоположность природному.

Но дальнейшее рассмотрение реальных и вполне известных исторических событий вносит сомнение в стройный ход этих размышлений. В середине XVI века в Европе начинает бурно развиваться *мануфактура* – второе после простой кооперации разделение труда. «Кооперация, основанная на разделении труда, приобретает свою классическую форму в мануфактуре»²⁴³ и вначале отличается от ремесла «едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих. Мастерская цехового мастера только расширена»²⁴⁴.

Мануфактура характеризуется пооперационным разделением процесса труда и постепенным объединением работников в одной мастерской: от рассеянной мануфактуры, объединявшей надомников под началом хозяина-скупщика, через выделение центральной мастерской в смешанной мануфактуре к централизованной мануфактуре, что объединила наемных рабочих (обедневших деревенских кустарей, разорившихся ремесленников в городах, крестьян) в одной мастерской. И дело даже не в происхождении работников, а в том, что их труд окончательно *разделился*.

«Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда, – писал Адам Смит. – Такое выделение обыкновенно идет дальше в странах, достигших более высокой ступени промышленного развития: *то, что в диком состоянии общества составляет работу одного человека, в более развитом обществе выполняется несколькими*»²⁴⁵.

«Способ возникновения, образования мануфактуры из ремесла является двояким... С одной стороны, мануфактура вводит в процесс производства разде-

²⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 23. – С. 348.

²⁴⁴ Там же. С. 333.

²⁴⁵ Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., Эксмо, 2007. – С. 69-70.

ление труда или развивает его дальше; с другой стороны, она комбинирует ремесла, бывшие ранее самостоятельными. Но, каков бы ни был ее исходный пункт в том или другом частном случае, ее конечная форма всегда одна и та же: производственный механизм, органами которого являются люди»²⁴⁶. Процесс становления промышленного капитализма оказывается процессом разложения ремесла, преобразования его под свои цели. «Портной, слесарь, медник и т. д. <...> теряет мало-помалу привычку, а вместе с тем и способность заниматься своим старым ремеслом в его полном объеме. С другой стороны, его односторонняя деятельность в пределах этой суженной сферы приобретает теперь наиболее целесообразные формы»²⁴⁷.

Таким образом, уже на этапе мануфактуры частная собственность переходит некий рубеж, окончательно делая непосредственного производителя *«частичным работником»*, но при этом *объединяя* его с другими работниками в общем производственном процессе.

Частная собственность, таким образом, уже не есть *сама в себе* социальное как просто отрицание природного, а есть *одна из форм* социального – нечто, подразумевающее собственную определенность (границу), т. е. имеющее «свое иное». И тогда выясняется, что если рассматривать частную собственность как *особый вид* исторически возникших отношений (а не как историческое отношение вообще, в противоположность природному), то её *адекватной основой «служит решающая роль в производстве не просто произведенных, созданных трудом средств производства, но созданных ручным трудом ручных средств труда, а значит, становящаяся, образующаяся решающая роль ремесла в производстве*. А такая роль ремесла в производстве возможна лишь тогда, когда ремесло превращается в массовое занятие, когда *ремесло становится* крупным, т. е. тогда, когда осуществляется *переход* от ремесла к собственно промышленности.

В ремесле в *отличие* от собственно промышленности главное значение имеют ручной, индивидуальный труд, качества индивида (его работоспособность,

²⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., 2-е изд. – Т. 23. – С. 350.

²⁴⁷ Там же. С. 348.

сила, ловкость и т. д.), а также его умения, навыки, зависящие от природных задатков. Между тем как в машинной промышленности количество и качество производимой продукции в большей степени зависят от машин, чем от непосредственного труда производителя»²⁴⁸.

Таким образом, уже интеграция ремесла в мануфактуру означает начало разложения индивидуального процесса труда, не говоря о поглощении ремесла и мануфактуры машинным производством. Налицо начало деградации обыденного сознания, взятого как сознание индивидуального производителя, ремесленника, «чисто частного человека». Термин «деградация» мы применяем здесь в значении возвратного движения, противоположного предшествующему. А именно, в нашем случае имеет место упрощение обыденного сознания по двум направлениям – знание и собственно сознание (и связанное с ним самосознание).

Знание сложившегося в Средние века частного человека, ремесленника, необходимо и достаточно в его повседневной деятельности. Он в состоянии поставить *цель* процесса (притом, что чаще всего она неизменна на протяжении поколений), определить *средства* (наладить инструмент, отремонтировать его и даже в большинстве случаев изготовить, подготовить сырье и т. п.). Он знает *способы действия*. Иными словами, он знает свойства всех факторов производственного процесса.

Его обучение проходит в ходе производственного процесса путем показа и рассказа – и это один из древнейших видов взаимоотношений, снятое простейшее обучение. *Сознание, т. е. связь с другими людьми* в рамках общества ограничена масштабом города и/или локального рынка. Как *товаропроизводитель* он находится в позитивной оппозиции к остальным, тем, с кем возможен товарообмен. Как член цеха-корпорации он противостоит феодалу, и это есть отрицательная связь, выросшая из недавно разрушенной общинной связи через отношение к земле. Положительная связь на уровне городского самоуправления и отношений собственности опосредована локальным обменом и участием в защите города

²⁴⁸ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. - С.276.

(найма войска²⁴⁹) и выплатой в ратушу. Отчуждение произведенного продукта происходит на принципах «самоэксплуатации»²⁵⁰.

Однако простая кооперация и ранняя мануфактура, объединяющие ремесло пока еще случайным образом, не являющимся технической необходимостью, тем не менее уже задают тенденцию к разрушению нарисованной идиллии.

Процитируем еще раз Адама Смита, поскольку эта его фраза касается именно возникновения и становления последнего этапа мануфактурного производства: «С развитием разделения труда занятие подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, т. е. главной массы народа, сводится к очень небольшому числу простых операций, чаще всего к одной или двум. Но умственные способности и развитие большей части людей необходимо складываются в соответствии с их обычными занятиями. Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций... не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности... и обыкновенно становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо»²⁵¹.

Здесь интересно отметить, что со времен Кузанца отношение к Простецу сильно поменялось. «Золотой век» ремесла прошел, и с середины XVII века легко заметить критику зарождающегося буржуазного сознания со стороны еще находившейся в силе аристократии. Блестящий персонаж, выписанный Жаном-Батистом Мольером в 1670 году, г-н Журден, представлял собою сатиру на успешного буржуа, вышедшего из повседневности и потерявшего адекватное восприятие той части мира, на которую не распространяется его повседневная практика, притом, что в рамках последней он явно занят управленческой деятельностью.

²⁴⁹ Заметим, что наемное войско – это явный признак глубокого разложения общинной демократии – «организации вооруженного народа», так же как представительная демократия есть разложение демократии прямой.

²⁵⁰ См.: Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. – М.: Прогресс, 1976. – С. 103-135

²⁵¹ Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., Эксмо, 2007. – С. 722.

За следующие полвека отношение к частному человеку снова существенно поменялось. В 1719 году вышла в свет знаменитая книга Даниэля Дефо «Робинзон Крузо», ставшая на много лет для многих исследователей образцом мысленного эксперимента с изолированным индивидом вне общества. Роман оказался созвучным идеям раннего капитализма и Просвещения об общественном договоре изначально обособленных индивидов, о роли труда и т. п. Изолированный индивид недаром стал героем робинзонад: он представляет собой *превращенную форму* ремесленника. Впрочем, Робинзон не был полностью изолирован от общества, поскольку те инструменты и знания, которым он пользовался, были результатом труда множества людей. Он «распредмечивал» труд других людей, воплощая его в жилище, одежду, урожай... Более того, автору пришлось по ходу развития сюжета прислать своему герою несколько «посылок» в виде сундуков и тюков, то есть попросту «организовать» дополнительные кораблекрушения. Это лишний раз доказывало, что процесс производства усложнился настолько, что орудия требовали для своего производства отдельной специализации. Специализация разъединяла людей на частные производственные процессы, но и объединяла их, заставляя пользоваться продуктами, произведенными другими людьми. Но осознание, как всегда, отстает от своего предмета. Робинзонада – это типичная рефлексия обыденного сознания, которое, будучи частичным, не в состоянии видеть своей включенности в общественное целое.

Не менее интересна рефлексия *научного* сознания. Именно для этой эпохи характерно формирование т. н. позитивного рассудочного мышления, связанного с бурным развитием именно наук о природе, которые, как мы уже говорили в предыдущей главе, есть форма *знания*, отношения субъекта к объекту.

«Познание окружающего мира и познание человеком и человечеством самих себя идет в эту эпоху главным образом по пути выделения отдельных, частных областей научного познания, подобно тому, как сами выделявшиеся науки

шли по пути преимущественно аналитического, абстрактного, рассудочного отображения своих объектов»²⁵².

Преобладание тенденции разделения труда, как уже говорилось, стало широкой *социальной* основой рассудочного мышления. «В рамках рассудка, или рассудочной способности, понятия предстают в качестве готовых, устойчивых, неизменяющихся»²⁵³. Отсюда стремление мыслителей этой эпохи – Руссо, Дидро, Вольтера – найти продолжение естественных законов природы в общественной жизни и формулировка идей Просвещения о естественном праве, общественном договоре и «золотом веке».

Однако то же самое разделение труда, что породило рассудочное мышление, не позволило силами этого мышления охватить общественные идеи в целом. Философы следующего поколения, представители немецкой классики, отметили это противоречие.

У Фихте видна попытка, говоря современным языком, вступить в диалог с обывателем, принудить его к пониманию, осветить повседневность «ясным как солнце сообщением» о философии. По Фихте, «чтобы не совершать несправедливости по отношению к тем людям науки, с которыми ему все же приходится жить вместе», «каждый, имеющий притязание на общее умственное развитие» должен «знать границы, отделяющие эту область [философию – А.С.] от той, на которой находится он сам»²⁵⁴.

Кант уже становится на более отстраненную позицию, вводя *априорные* общие основания интерпретации повседневности (трансцендентальное единство апперцепции).

²⁵² Вазюлин В.А. Рассудочное и разумное мышление в развитии познания. // Марксистско-ленинская диалектика: В восьми книгах. – М.: Изд-во МГУ, 1985. Книга 3: Диалектика процесса познания. – С. 173-197.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Фихте И.Г. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии. Попытка принудить читателей к пониманию. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – С. 2.

Гегель же вначале пробует начать с феноменологии, но затем ставит «Феноменологию духа» в конец своей системы, начав изложение с «Логики» и заявив, что феноменология духа есть предпосылка логики лишь по видимости. Другими словами, Гегель считал, что обыденное сознание есть предпосылочная форма духа, чувственная и несущественная. Кстати, сразу заметим, что Гегель рассматривал как тождественные понятия «обыденное сознание» и «обыденный (здравый) человеческий рассудок», «который не обязательно здравый, а бывает и рассудком, возвышающимся до абстракций и до веры в них или, вернее, до суеверного отношения к абстракциям»²⁵⁵. Он писал: «Причина бессодержательных логических форм скорее только в способе их рассмотрения и трактовки. Так как они в качестве застывших определений лишены связи друг с другом и не удерживаются в органическом единстве, то они мертвые формы и в них не обитает дух»²⁵⁶.

Уже упомянутое «позитивное постижение рассудочным мышлением сущности, происходящее в чувственной форме» означает, кроме всего прочего, стремление обыденного сознания к аналогиям. Рассудочное мышление остается по своему позитивному содержанию образным и вместе с тем представляет собой отрицание, расчленение образов, то есть негативный, отрицательный выход за пределы образного мышления и, значит, предельный, крайний отказ от образности.

Итак, социальное, которое представало тождественным своей форме – частной собственности, будучи рассмотренным в период становления крупного промышленного производства, начинает поворачиваться другими сторонами. Частная собственность оказывается именно *формой социального* наряду с другими возможными формами. Тогда адекватной ей основой следует считать *не все* произведенные средства производства, поскольку оказывается, что произведенные средства производства с определенного момента начинают разрушать субъектность. Этот момент – момент появления «производственного механизма, органами которого являются люди» (Маркс).

²⁵⁵ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3-х томах. - М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – С. 143.

²⁵⁶ Там же. С.101.

Повторим: «Адекватной основой частной собственности как особого вида исторически возникших отношений служит решающая роль в производстве не просто *произведенных*, созданных трудом средств производства, но созданных *ручным* трудом *ручных* средств труда, а значит, *становящаяся, образующаяся решающая роль ремесла в производстве*»²⁵⁷.

Становящееся вместе с частной собственностью обыденное сознание получает в ремесленном труде адекватную себе основу и/или, с другой стороны, само адекватно возникающему обществу – и полностью субъектно:

- Субъектность в трудовом процессе (производительное отношение к природе, отношение субъект-объект) предполагает и востребует *знание* компонентов процесса и постановки целей.
- Субъектность в производственных отношениях (субъект-субъектных) предполагает свободу субъектов, их разделенность и одновременно взаимосвязь, взаимодействие в процессах общественных изменений.

Дальнейший процесс укрупнения частной собственности на средства производства приводит к отрицанию описанной выше ситуации адекватности и своеобразному «откату системы»²⁵⁸.

§4 Особенности генезиса современных форм обыденного сознания и представлений о нем

В предыдущем разделе мы проследили становление обыденного сознания до его наивысшей точки, адекватной ремесленному производству. Обыденное сознание было охарактеризовано как «сознание ремесленника».

С развитием мануфактуры, а затем машинного производства происходит своего рода «откат системы», деградация обыденного сознания. Она заключается в том, что субъектность его носителя так или иначе начинает «сжиматься» по мере разделения труда.

²⁵⁷ Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 276.

²⁵⁸ Откат системы (комп.) – возвращение системы в одно из предыдущих состояний.

- Субъектность в трудовом процессе (производительное отношение к природе, отношение субъект-объект) снижается, поскольку «вся жизнь человека проходит в выполнении немногих простых операций» (Адам Смит), причем цель в них устанавливается извне. Даже представители интеллектуального труда не свободны от «профессионального кренинизма», обрабатывающего весь мир в аналог поля профессиональной деятельности. «Каждый из людей, кроме своих профессиональных занятий, образующих особую сферу жизнедеятельности, существует одновременно в системе обыденных представлений, которые имеются в данном обществе, в данной культуре»²⁵⁹.
- Субъектность в производственных отношениях (субъект-субъектных) слаба, поскольку процессы производства частные, и даже для тех, кто ими управляет, общественный смысл их скрыт или неясен. А кроме того, управляющие заинтересованы в том, чтобы производственные (общественные) отношения сохранялись в их *неизменности*.

Различное положение участника общественного производства в системе собственности и разделения труда формирует тот или иной *тип личности*, о чем мы говорили в первой главе, рассматривая типы личностей логически, то есть так, как они сосуществуют в современном обществе. Но сейчас мы можем подойти к ним исторически: увидеть последовательность и время их формирования.

Личность первого, предпосылочного типа, занятая вопросами выживания (своего и своих близких), зародилась на этапе разложения первобытного рода. И все, что находится за пределами его повседневного опыта, воспринимает как данность, не требующую доказательств. В личности такого типа воспроизводится мыслительная схема добывающей экономики, первобытные мыслительные схемы. Но нужно понимать разницу между личностью такого типа в наше время и первобытным сознанием. Она чрезвычайно существенна. Если первобытный че-

²⁵⁹ Миронов В.В. Образы науки в современной культуре и философии. – М.: Гуманитарий, 1997. – С.

ловек рассматривал в качестве источника предметов добычи природу, то современный человек обращает усилия по добыче на общество и уже таким образом противопоставляет себя и своих близких обществу. По сути, это программа, тяготеющая к паразитизму. Получается, что род первобытного человека «схлопывается» до семьи современного и эта семья противостоит уже не только природе, но и обществу. Естественно, весь окружающий мир – и природа и общество – рассматривается такими людьми как *объект* воздействия, враждебный и неизменный. Все изменения в таком случае предстают как результат действия других субъектов – иногда дружественных, иногда враждебных. В зависимости от уровня развития и культурных установок этими субъектами становятся боги, духи, демоны, «мировая закулиса», «агенты влияния», звезды или планеты. Такой тип личности существовал до наших дней и воспроизводится там, где человек поставлен в условия борьбы за выживание.

Знание и сознание этого человека обыденны, не направлены на активное преобразование.

Жизненная программа *личностей второго типа* сосредоточена уже не столько на выживании, сколько на удовлетворении потребности в труде. Обеспечение выживания предполагается по умолчанию как снятая предпосылка, как условие. Исторически более ранняя разновидность таких личностей ориентирована на результат труда, на успех в его завершении. Это тип крестьянина эпохи позднего феодализма (денежной ренты), производящего продукт для обмена, а также тип ремесленника. Более поздняя разновидность этого типа личностей ориентирована уже не столько на результат, сколько на *процесс* труда. Это тип мастера, творческого человека, инженера или изобретателя.

В исторически чистом виде эти типажи есть представители эпохи мастерских и становления машинного производства. Однако в виде, модифицированном современным разделением труда, первая разновидность замыкается на частном процессе, приобретая склонность судить обо всем остальном, происходящем за пределами этого процесса, «не выше сапога» (Пушкин). К тому же результат в товарном производстве изначально предназначен к обмену, то есть отчуждению

от производителя. В итоге успех оценивается количественно, то есть внешними относительно процесса средствами.

Вторая разновидность, кроме того, что сказано выше относительно узкой специализации и частичности любого процесса, может быть к тому же изначально отчуждена от результата. «Не продается вдохновение, / Но можно рукопись продать» (Пушкин).

Обе разновидности второго типа есть по сути своей участники частичных, частных, не общих процессов, хотя масштаб их может быть разным. Но каким бы ни был масштаб, отношение к общему интересу, к целому здесь случайно, и само целое есть часть большего целого.

Знание этих людей направлено на преобразование, субъектность в процессе труда очевидна. Но в отношении с другими людьми она частична.

Третий тип личности есть тип человека, постигшего необходимость общественных условий и подчинившегося им – но как только необходимым.

В отличие от конформизма личностей первого типа и первой разновидности второго типа личность третьего типа – сознательный конформист. Это тип буржуа, ловящего изменение конъюнктуры рынка, но не помышляющего об изменении самого рыночного принципа, ибо он суть общественное условие существования этого типа личности. В этой ситуации сознание не предполагает субъектности других, рассматривая их как объекты. Личность третьего типа – манипулятор.

По идее, антиномии описанных типов могут и должны быть сняты. Но прежде чем обсуждать еще один, четвертый, вариант в нашей типологии, снимающий предыдущие три, посмотрим общие черты описанных типов, представляющих, как мы стремимся показать, различные уровни и исторические формы обыденного сознания.

Здесь мы уже в историческом ключе возвращаемся к чертам современного обыденного сознания, схваченным в исследованиях, упомянутых в первой главе в связи с логическим рассмотрением обыденного сознания. Мы надеемся, что дополнительные штрихи к «портрету» обыденного сознания позволят сделать некоторые дополнительные выводы, тем более что наши рассуждения подкрепляются

собственной многолетней практикой работы именно с носителями обыденного сознания.

«...Каждому сознанию смутно преподносится единство противоположностей. Но обыденный способ представления, не доходящий до сознания разумного, при этом всегда удерживает противоположности врозь друг от друга»²⁶⁰. Описание, данное Гегелем, есть описание типичного рассудочного (но не разумного) сознания. «В рамках рассудка, или рассудочной способности, понятия предстают в качестве готовых, устойчивых, неизменяющихся, в пределах же разума понятия выступают в их развитии»²⁶¹.

В попытке зафиксировать изменяющуюся реальность носитель обыденного сознания выступает как «функциональный дурак», что было давно замечено различными исследователями. К примеру, выступая на конференции в Перми в 2007 году, А.М. Пятигорский²⁶² довольно подробно описал классификацию идиотов по Г.И. Гурджиеву, достаточно путаную, но тяготеющую к субординации по признаку наличия субъектности и самосознания. В серии мастер-классов, проведенных нами в 2007–2011 годах, была достаточно детально представлена тема носителя обыденного сознания («дурака») как субъекта и объекта коммуникаций. Там мы пришли ко многим изложенным в данной работе выводам.

Прекрасную феноменологию обыденного сознания представил читателю еще в 30-е годы XX века Иштван Рат-Вег, книга которого, посвященная истории человеческой глупости, в России вышла в 1996 году²⁶³. Вот один из примеров, описанных в книге: «В Чикаго давал концерты один иностранный оркестр. Исполнялись произведения Бетховена. После концерта банкет. Оратор начал свою

²⁶⁰ Гегель Г. Лекции по истории философии. – СПб, Наука, 1994. – Книга вторая. – С. 166.

²⁶¹ Вазюлин В.А. Рассудочное и разумное мышление в развитии познания. // Марксистско-ленинская диалектика: В восьми книгах. – М.: Изд-во МГУ, 1985. Книга 3: Диалектика процесса познания. – С. 173–197.

²⁶² Видео-ресурс Rutube. Лекции по философии об идиотах.
URL: <http://rutube.ru/video/3752315ab82cf40ba390478992ee4d65/>

²⁶³ Рат-Вег Иштван. История человеческой глупости. / Перев с венг. Е.Д. Калитенко и Ю.М. Рогова. – Дубна: ИЦ Феникс, 1996. – 640 с.

торжественную речь так: „Леди и джентльмены! Все мы находимся под впечатлением от Бетховена! Чикаго по откорму свиней и выделке кож – единственный в мире. Но я считаю, не будет преувеличением сказать, что в нашем городе не найдется и двух десятков таких людей, которые могли бы сочинить такую симфонию...“» (сообщение «Уйшаг», 1936, июнь, 23-е)²⁶⁴.

Речь своей феерической глупостью напоминает карнавальные тексты Средневековья, однако надо понимать, что она, в отличие от последних, произносилась вполне серьезно, можно даже сказать, напыщенно серьезно. Как замечал М.М. Бахтин, в европейской традиции за триста лет уже забыли ментальность Средневековья и Возрождения. «Буржуазный XIX век относился с уважением только к чисто сатирическому смеху, который был, в сущности, несмеющимся риторическим смехом, серьезным и поучительным (недаром его приравнивали к бичу или розгам). Кроме него, допускался еще чисто развлекательный смех, бездумный и безобидный. Все же серьезное должно было быть серьезным, то есть прямолинейным и плоским по своему тону»²⁶⁵.

Вернемся к весьма удачной характеристике основных черт обыденного сознания, данной Е.В. Улыбиной²⁶⁶:

- нерациональный характер,
- игнорирование законов логики,
- отказ от научной информации.

Игнорирование законов логики и нарушение основных ее правил, по нашему опыту, есть самая часто фиксируемая черта обыденного сознания.

В сущности, и апелляция «к городовому» (полицейскому), и «дамский аргумент, и *argumentum ad populum* суть незнание, непонимание или сознательное игнорирование правил рационального, рассудочного мышления. «Все равно, какие власти: старого режима или нового, „городовые“ или „товарищи“, – название

²⁶⁴ Рат-Вег Иштван. Там же. С. 199.

²⁶⁵ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 60.

²⁶⁶ Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. – М.: Смысл, 2001. – 263 с. – С. 95.

такого приема одно и то же: „призыв к городовому“. И суть одна и та же... Для того чтобы применить подобную уловку, требуется, конечно, очень невежественная голова или очень темная совесть»²⁶⁷, – писал еще в 1918 году С.И. Поварнин.

Впрочем, одной невежественностью или тем более аморальностью нельзя объяснить особенности обыденного сознания. Вот пример, который мы приводим в одной из публикаций, касающихся процесса становления коммуникационной отрасли в России. Речь идет об уровне рефлексии руководителей предприятий относительно информации СМИ о предприятиях.

«Заказчик быстро обучается и вскоре проявляет чудесную остроту мысли и глубокое понимание процессов формирования медиаполя. Правда, взяв в руки газету, он немедленно превращается в банального носителя обыденного сознания, бурно реагирующего на то, что написали про него другие.

Пример. Одно из первых лиц весьма уважаемой корпорации как-то раз в процессе обсуждения сметы медиакомпании воскликнуло: «На кой черт это надо?! Все же знают, что это „заказуха“»²⁶⁸! На беду именно в этот день в «Комсомольской правде» был опубликован недружественный материал под заказной рубрикой. Буквально через полчаса пиарщики снова были вызваны к этому руководителю. «Посмотрите, что про нас пишут! Вы что-нибудь собираетесь предпринимать?» – услышали они. Объяснять, что это тоже „заказуха“, и апеллировать к проявленному всего полчаса назад здравому смыслу было бесполезно...»²⁶⁹

В сущности, аморальное использование невежества других означает манипуляцию, то есть рассмотрение других как *объектов*. Но поскольку любой *современный* человек обладает, хотя и не во всех сферах жизни, но в некоторых, достаточно высокой степенью субъектности, постольку манипуляция всегда имеет се-

²⁶⁷ Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. Глава XIV. Грубейшие непростительные уловки. – Пг., 1918. – С.53. – URL: <http://khazarzar.skeptik.net/books/povarnin.htm>

²⁶⁸ Термин профессионального сленга, обозначающий заказную публикацию под видом редакционного материала.

²⁶⁹ Сегал А.П. О фатальных ошибках в коммуникациях. // Сборник материалов межвузовской конференции МГУП «Печатные средства информации в современном обществе». – М.: Редакционно-издательский центр МГУП, № 9, 2010. – С. 168.

резную погрешность. Первой жертвой манипуляции становится сам манипулятор.

Иными словами, вопрос заключается не в том, насколько носитель сознания обучен логике, а в том, *зачем* и *почему* он нарушает правила этой логики, что позволяет ему быть логичным и алогичным практически одновременно.

На наш взгляд, ответ лежит в двойственном характере рассудочного мышления. Описанное Гегелем «смутно преподнесенное единство противоположностей» (см. стр.146) есть не что иное, как схватывание предмета на поверхности, в его бытии, непосредственности, и закономерно следующее за этим мысленное расчленение его, анализ.

«Рассудочное мышление есть абстрактное, абстрагирующее, то есть отрицающее мышление... Но отрицание, которое в нем и им осуществляется, есть отрицание для вы-деления и сохранения существенного. Тем не менее в рассудочном мышлении существенное выступает именно через отрицание несущественного... Позитивное на уровне мышления существенное, сущность рассудком не отображаются.

Отрицание всегда есть отрицание чего-то, а позитивное, положительное этого отрицания есть то, от чего происходит отрицание. По своему позитивному содержанию отрицание определяется отрицаемым, непосредственно тождественно последнему... То же верно и по отношению к абстрактному мышлению. Оно развивается и существует как отрицание чувственного отображения, а по своему позитивному содержанию оказывается с необходимостью непосредственно тождественным чувственному»²⁷⁰. Отсюда вытекают *два следствия*.

Во-первых, любое движение к абстрактному имеет своей второй стороной возвращение к конкретному. Итогом любого, даже промежуточного анализа является синтез. За любым шагом к сущности следует возвращение на поверхность, к непосредственному, фиксирование существенных сторон непосредственного,

²⁷⁰ Вазюлин В.А. Рассудочное и разумное мышление в развитии познания. // Марксистско-ленинская диалектика: В восьми книгах. – М.: Изд-во МГУ, 1985. Книга 3: Диалектика процесса познания. – С. 173-197.

«подсвеченных светом сущности», *явлений*. Однако, как мы уже говорили в первой главе, в этом случае проявление сущности в единичном – то, что Гегель назвал «*вещью*» – неизбежно принимается за сущность. А в силу своей частичности обыденное сознание, выходя на границу своей целостности, впадает в иллюзию. «Непосредственность вещи выступает чувственно-сверхчувственной, существенной непосредственностью. Сущность вещи представляется непосредственно существующей, а не существующей как единство вещей. Следовательно, сущность вещи кажется совершенно самостоятельной»²⁷¹. Эта иллюзия объективна. «Объективная видимость есть обнаружение сущности вещи на поверхности в форме своей противоположности – непосредственности. И такая форма проявления сущности не исчезает после того, как она научно познана»²⁷². Тем более она не устраняется, если познание останавливается на той стадии, когда сущность проявляется только через относительно самостоятельные вещи.

Во-вторых, отрицательная определенность чувственного, присущая рассудочному мышлению, задает ему доминирующую *эмоциональность*. Эмоции, чувства – это не только источник образа, но и источник *иллюзий*. (См. выше.)

Именно в этих двух отношениях следует понимать первую из названных черт обыденного сознания – нерациональность.

На уровне личности предпосылочного типа, конечно же, рациональность, рассудочное мышление едва выходит за пределы непосредственности. В процессе своего развития рассудочное мышление переходит от наглядно-образной репрезентации к символической, речевой. Но появление языка, речи означает появление *разумного рефлексизирующего* мышления.

В этом смысле пугающе выглядит уровень владения речью, знания русского языка, с каким выпускники приходят в вузы. «Студенты – авторы курсовых работ – иногда не могут нормально выразить мысль: бесконечные „также“ и даже иногда „так же“ (в значении „тоже“), „данные вопросы“, „ВУЗы“ заглавными буквами и „являются“ вместо всех остальных бытийных глаголов. Про запятые, точнее

²⁷¹ Вазюлин В.А. Логика «Капитала» К. Маркса. – М.: Изд-во МГУ, 1968. – С. 119.

²⁷² Там же. С. 121.

их отсутствие, говорить даже не приходится. Все это прямо свидетельствует о тяжелой ситуации с преподаванием родного языка, а косвенным образом – о последствиях такого преподавания»²⁷³. В самом деле, известно, что изучение родного языка формирует мышление, позволяет овладеть логикой. И наоборот, постоянно воспроизводимые речевые конструкции формируют определенный тип мышления. К примеру, в СМИ стало модно, вслед за политиками, употреблять *безличные предложения*. Выдающийся русский синтаксист Д.Н. Овсянико-Куликовский, посвятивший таким предложениям специальную работу, отмечал, что «точка в грамматической мысли, где должно было бы являться подлежащее, осталась темною, непроявленной»²⁷⁴. Будучи учеником и последователем основоположника психологического направления в литературоведении и лингвистике А.А. Потебни, он называл такие предложения *бессубъектными*, и это существенно важно. По мнению Овсянико-Куликовского, эта «темная точка» на месте подлежащего может вовсе исчезать из «обихода мысли», а значит, может исчезать субъект деятельности, процесса, отражаемого предложением. Еще один пример – это довольно часто встречающийся в деловой переписке незакрытый деепричастный оборот. Известно, что деепричастный оборот в большинстве случаев обозначает второстепенные действия, причастные главному, сопровождающие его. Таким образом, деепричастный оборот описывает *иерархию* действий. Деепричастный оборот всегда обособляется запятыми, если содержит признак действия. Не обособленный же деепричастный оборот показывает, что пишущий не представляет себе, какое действие является основным, а какое второстепенным. Уже две этих распространенных ошибки демонстрируют и, воспроизводясь, формируют и закрепляют непонимание не только грамматики, но и самой деятельности: кто действует, какое действие главное, а какое второстепенное? И в конечном счете – какова цель?

²⁷³ Сегал А.П. Любовь к апельсинам. // «Пространство и время». – № 3(9), 2012. – С. 226.

²⁷⁴ Овсянико-Куликовский Д.Н. Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений. Известия ОРЯС, т. V. кн. I. – СПб, 1900. – С. 1150.

Здесь мы подчеркнем, что сознание, в том числе обыденное сознание, – это процесс. Невозможно дать ему исчерпывающее, внеисторическое определение. Филогенетически общественное сознание содержит в снятом виде различные формы обыденного сознания, а онтогенетически каждый индивид повторяет путь становления индивидуального сознания, проходя этапы от чувственного восприятия до рефлексирующего (в той или иной степени иногда, увы, исчезающе мало) разума.

Поэтому наиболее устоявшаяся форма проявления иррациональности – это архетипические «мыслительные блоки», закрепленные в сказочной форме, соответствующей первобытной общине и длинному периоду ее разложения. (В самом деле, даже если брать за точку отсчета переход от стада к общине периода мезолита, то продолжительность существования первобытного общества составит порядка 8 000 лет из 12 000 с начала мезолита.)

И наконец, вернемся к современным проявлениям упоминавшихся архетипов мышления, которые Е.В. Улыбина называет «амбивалентностью» обыденного сознания. Кроме общепризнанных сказочных сюжетов, описывающих, тоже по общему мнению, «правильный мир» и правила успешного пребывания в нем, Улыбина впервые описала оппозиционный ему «неправильный мир». В этом мире представлены злоключения и смерть героя как альтернативные варианты развития событий.

«Неправильный мир», порожденный противопоставлением индивидуально-го и общего, характерен именно для современного буржуазного сознания, но при этом несет снятые архетипические черты позднего феодализма периода становления городского ремесла. Но если в то время индивидуализм ремесленника представлял магистральную линию развития, то индивидуализация сегодня есть контртенденция противопоставления себя обществу. «К неправильным текстам можно отнести образы блатных песен, „жестоких романсов“, городского фольклора, так и многие другие, не вписывающиеся в систему стабильных ценностей»²⁷⁵. И в

²⁷⁵ Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. – М.: Смысл, 2001. – С. 183.

течение последних 20 лет нашей истории именно эти жанры получили небывалое развитие как раз в той среде, которую можно охарактеризовать как страту носителей обыденного сознания – личностей 1-го и 2-го типов.

Нерациональность или недостаточная рациональность (точнее, разумность) порождает так называемые псевдопонятия (термин, введенный Л.С. Выготским). Он же говорил о *комплексном* мышлении (рационально-образном), оперирующем этими псевдопонятиями. Типичным примером такого мышления следует признать представления людей о своем теле: гидравлические и водопроводные аналогии как в отношении здоровья, так и в отношении факторов и «субстанций» болезни. Очевидна деградация до средневековых представлений с элементами современных терминологических фокусов с «энергией», «аурой», «биополем», «генами», «клонами» и т. п. На аналогии строится целый блок программ о здоровье центральных телеканалов с примитивными «наглядными пособиями». Следует подчеркнуть, что воспроизведение примитивных мыслительных схем и алогичных конструкций «работает» по принципу положительной обратной связи: примитивизм усугубляется, каждому следующему поколению требуется все более примитивная мыслительная схема.

В начале главы мы также обещали рассмотреть трансформацию первобытных *пищевых запретов*. Эти запреты базируются на представлении о так называемой «погани» или «метафизической грязи» – факторах, умозрительно заподозренных в негативном влиянии на процесс жизнедеятельности. Толчок этим представлениям в современном обыденном сознании дала Чернобыльская катастрофа, однако и до нее бытовали представления о вредном и полезном, пропущенные через специфическим образом трансформированные архетипы «отравленного яблока». Так, на протяжении достаточно длительного времени мы собирали различные представления о вреде или пользе смешивания пищи, виноматериалов, воды. Например, известно бытовавшее с начала XX века представление о недопустимости смешивания кипяченой и «сырой» воды (его иронично обыграл Владимир Маяковский в стихотворении «Во весь голос»). Со временем оно получило развитие в интересном направлении: нам удалось зафиксировать объяснение (Москва,

1986 г., объяснял аспирант МГУ), согласно которому добавлять свежую воду в уже кипевшую нельзя, поскольку при кипячении чайника «обычная» вода испаряется, а тяжелая остается и накапливается, в результате чего вода становится радиоактивной. Произошло приписывание схваченных из сферы обыденного, поверхностного знания «маркеров»: тяжелая вода – ядерная бомба – излучение – вредно для здоровья.

Еще один характерный пример – реклама: «Средство *** убивает до 99 процентов микробов». Эта особенность отношения к микробам была высмеяна еще замечательным писателем Джанни Родари. Пес Мастино из «Приключений Чипполино» прежде, чем выпить воду, выясняет, нет ли там микробов. И успокаивается только тогда, когда ему говорят: всех микробов из этой воды взяли для опытов, а вода совершенно чиста. Правда, испытывая глубокий пиетет перед наукой и наукообразной риторикой, пес *в то же самое время* охотно верит, что бутылка волшебная, и что вода в ней не кончается. В реальности же в воде оказывается снотворное, но о нем несчастный не думал, а потому не опасался его. Что же касается отношения к «красивым» цифрам, то на нем строится отдельный бизнес по продаже номеров телефонов, автомобилей и т. п.

Уловки, подобные этим, применимы к обыденному сознанию практически беспроблемно. Например, широко известная реклама *растительного* масла, которое «не содержит холестерина». Но холестерин – продукт *животного* происхождения. Однако на это мало кто из обывателей обращает внимание. Зато сплошь и рядом растительным (иногда постным) маслом называют подсолнечное в отличие от кукурузного и оливкового. В одной из кухонных программ телевидения ведущий всерьез рассуждает о том, что можно использовать «растительное масло, а если его нет, то оливковое».

Мы подошли к следующей особенности современного обыденного сознания: *отказу от научной информации*.

Все-таки вряд ли будет правильным говорить о полном отказе: приведенные примеры демонстрируют скорее *своеобразную интерпретацию* научной информации и своеобразное отношение к науке. В.В. Миронов отмечает своеобразие

«переживания» науки обыденным сознанием, «когда наука воспринимается либо как демон, выпущенный из бутылки, угрожающий самой сущности человеческого существования, либо, напротив, как сила, несущая прогресс и процветание цивилизации»²⁷⁶.

«Сциентизм и антисциентизм – это своеобразные формы „превращенного“ обыденного сознания, те противоположные стереотипы в оценке науки, научной деятельности, ее места в культуре, которые, хотя генетически и принадлежат сфере обыденного сознания, далеко выходят за его рамки, выступая как особые ценностные ориентации, пронизывающие всю современную культуру. Это своеобразная „подсознательная“ (в смысле не явно фиксируемая) реакция на резко возрастающее значение науки в современном обществе»²⁷⁷.

Наука для обыденного сознания выступает как источник страха и поклонения. Эмоциональное отношение к загадочной сфере науки порождает сказочные, почти мифические образы-антагонисты: «Доктор Зло» и «Профессор, Который Все Знает» (будь то дядюшка Гаспар из «Трех толстяков» Ю. Олеши или чудакватый Док Эмметт Браун из трилогии Роберта Земекиса «Назад в будущее»). Этот антагонизм представляет собой проекцию все тех же «правильного» и «неправильного» миров и является архетипическим для обыденного сознания. «Это как бы вторичный (идеальный) пласт реальности, который может реализовываться в виде неясных переживаний или концептуальных схем, основой которых выступает не наука сама по себе, а ее образ, запечатленный на данном уровне развития общественного сознания»²⁷⁸.

Интересна особенность самих героев и антигероев в представлении обыденного сознания или тех, кто на него работает: в силу бессистемности собственного знания критерием ученого мыслится всезнайство. Стереотипные представления об эрудите с чудовищным набором бесполезных знаний становятся критерием для

²⁷⁶ Миронов В.В. Образы науки в современной культуре и философии. – С. 45-46.

²⁷⁷ Миронов В.В. Там же. С. 50.

²⁷⁸ Там же. С. 46.

детей и взрослых, формируя целую индустрию «интеллектуальных игр». На смену ученому незнанию Кузанца приходит «неученное знание» – телешоу эрудитов.

Описанная здесь «сфера обыденного сознания, базирующаяся на системе обыденного знания, характеризуется чрезвычайной устойчивостью и многообразием включаемых в него компонентов»²⁷⁹. Парадоксально, но при всем трепете перед наукой обыденное сознание уровня обыденного знания с презрением относится к ученым («дармоеды!»), считает себя компетентным и чрезвычайно падко на лесть. Очевидно, что *системность знания* заканчивается там же, где заканчивается компетентность: разделение труда делает всех в той или иной мере носителями *обыденного знания*. Проблема в том, кто как реагирует на переход названной границы, и тут как раз проявляется *обыденность* или *системность сознания*.

Мы пришли к выводу, что специализация, видение своей области деятельности как целого есть необходимые, но недостаточные условия «необыденности». В соседних областях человек остается профаном и, более того, может не осознавать собственной профанности и/или ее причин. На наш взгляд, проблема будет уходить в «дурную бесконечность», если не рассмотреть целеполагание через призму общественного производства и рефлексизирующего, *разумного* мышления, осознающего не только разделенность, опосредованную и закрепленную количественными соотношениями рынка, но и соединенность, единство в этом общественном производстве.

Человек, осознающий цели, есть субъект. Сознание в широком смысле есть расчлененное внутри себя единство знания и сознания. Знания процессов производства, их целей и средств – и сознания своей связи с другими людьми в процессе преобразования целого. Чем шире это осознание, тем шире «зона понимания».

Мы уже отмечали в первой главе, что обыденное сознание «умнеет», становится рациональнее. Таким образом, нерациональность обыденного сознания уступает место неразумности. Осовремененная третья характеристика обыденного сознания – *нерефлексивность*. Понимание человеком того, что он попал не в

²⁷⁹ Миронов В.В. Там же. С. 48.

свою зону понимания, точнее – в свою «зону непонимания», и осознание связи с другими людьми для осуществления общего с ними интереса – вот тот новый интегрирующий фактор, который в состоянии снять изживший себя феномен частичного человека.

Обыденное сознание, выходя за пределы повседневной практики, теряет ориентиры целеполагания. Не видящий цели человек либо воспринимает себя объектом действия внешних, и чаще враждебных, сил, либо, напротив, ощущает гипертрофию собственной субъектности – и... объектность других. В обоих случаях обыденное сознание можно обозначить как «потерю субъектности». Не теряет ее лишь тот, кто осознает границы своей субъектности не как досадное недоразумение, а как сферу деятельности других людей, с которыми он соотносит себя не как субъекта или объекта воздействия (манипуляции), а как субъекта взаимной, общей деятельности.

Сказанное выше может показаться поспешным футуристическим фантазированием, однако вспомним *принцип коллаборации*, получающий все большее распространение. Он лег в основу работы сообществ, в которых индивидуальная деятельность связана с непосредственным обменом ее результатами, а разделение и объединение труда есть непосредственно осознаваемое и добровольно принятое условие, а не навязанная необходимость²⁸⁰. Иными словами, участники коллаборации осознают свою ограниченность, сложившуюся вследствие разделения труда, и снимают ее, объединяя свой труд непосредственно, сознательно и добровольно.

Таким образом, и в историческом аспекте мы увидели процесс формирования признаков, позволяющих определить «обыденность» сознания:

- как отсутствие субъектности на уровне знания (проявляется как деятельность по выживанию),
- как незнание цели трудового процесса и

²⁸⁰ Daugherty, Patricia J., R. Glenn Richey, Anthony S. Roath, Soonhong Min, Haozhe Chen, Aaron D. Arndt, Stefan E. Genchev (2006). Is Collaboration Paying Off For Firms? – Business Horizons, Vol. 49, pp. 61–70.]

- как отсутствие рефлексии по поводу своего места в трудовом процессе или в процессе взаимодействия с другими людьми на уровне сознательного участия, и как следствие – непонимание включенности в общий процесс или игнорирование этой включенности.

Соответственно, *снятие* (а не простое отсутствие отрицание) этих признаков будет означать его «не-обыденность».

«Повседневность возникает там, где есть человек. То, что в жизни человека и окружающем его мире природы и культуры происходит ежедневно, должно быть определенным образом воспринято, пережито и оценено для того, чтобы стать ожидаемым, неизбежным, обязательным, привычным, само собой разумеющимся, понятным, должно быть пережито и оценено как тривиальное, серое, скучное»²⁸¹.

Но преодоление этого «серого и скучного» есть преодоление всех условий его существования.

²⁸¹ Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. – СПб, 2002. – С. 103.

Заключение

Всякая исследовательская работа должна содержать новое знание. При этом новизна может заключаться не только в полученных результатах, но и в применении метода получения этих знаний. Ведь метод научного исследования заключается, в частности, в применении имеющихся знаний для получения новых.

Это в особенности касается нашего предмета – обыденного сознания. В самом деле, количество исследований в этом направлении не уменьшается, проблематика обыденного сознания вызывает живой интерес как у теоретиков, представителей различных гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, так и у практиков (мы подробно коснулись причин этого интереса во введении к настоящей работе). И как это часто бывает, многовекторный интерес приводит к потере предметности, к размыванию границ между различными дисциплинарными подходами. В результате множественные дефиниции, данные в разное время по разным поводам и с разными целями, создают не многомерную картину, а, напротив, дают эффект «ускользающей дефиниции».

Будучи абсолютно далеки от мысли о «непрофессиональности» исследователей, мы предположили, что проблема кроется не в ошибочных или недобросовестных исследованиях, а в *специфике самого предмета*. Исходя из этой гипотезы, мы иначе подошли к **предмету исследования** и по-новому выстроили структуру и процесс исследования. По сути дела, мы применили к предмету новую **методологию**, что можно также считать результатом научной работы.

Мы пришли к выводу, что в качестве предмета исследования должно быть рассмотрено *обыденное сознание*, взятое не само по себе, а как *сторона сознания*, причем в составе более сложной, органической системы, частью которой обыденное сознание и сознание в широком смысле являются. Таковой системой представляется общество в целом.

Мы исходили из того, что для описания структуры обыденного сознания и/или его места в структуре сознания категория сознания должна быть последова-

тельно *развернута* в логическом плане. Но сознание неотрывно от своего носителя – человека. Поэтому первый, «большой» круг, виток движения мысли, по нашему разумению, должен быть разворачиванием снятых предпосылок сознания, то есть представлять собой процесс логического рассмотрения *общества*, сквозь призму которого видится сознание. Мы двигались по этому «витку» от уровня «бытия», непосредственного к сущности, а затем в обратном направлении, от сущности к явлению и действительности, то есть по пути восхождения от абстрактного к конкретному. В этом процессе сознание представало вначале как навыки и умения, с одной стороны, и осознание единства с обучающим – с другой. Затем оно предстало как знание трудового процесса, с одной стороны, и осознание единого трудового процесса – с другой. И, наконец, мы пришли к изменяющемуся общественному производству в целом, в контексте которого сознание проявляется с двух сторон:

- 1) как предвосхищение изменений общественного производства, как развивающееся **знание**;
- 2) как предвосхищение изменений своего сосуществования с другими людьми, как развивающееся знание со стороны его общественного существования, то есть как **собственно сознание**, включающее в себя **самосознание**.

«Валюативная составляющая» сознания оказывается связанной с «рефлексивной составляющей» через преобразование общества и мотивы этого преобразования. «Рефлексивный» и «валюативный» аспекты сознания (*знание и само по себе сознание*) есть единство, расчлененное внутри себя, они образуют в этом внутренне расчлененном единстве *сознание в широком смысле*.

Далее исследование совершило **второй виток**, воспроизводя структуру *сознания как такового*, как отдельного предмета. Здесь стало видно, что рассмотрение общества на уровне непосредственного единства с природой есть *отрицательная определенность* сознания, еще не требующая специфически человеческого знания и познания. Передача умений и навыков, с одной стороны, и обучение им, с другой, есть *простейшее отношение сознания*.

Сознание начинает впервые выступать *как таковое* своей *внешней* стороной – знанием – в процессе труда. Затем предстает его внутренняя сторона – собственно сознание, сознание в узком смысле. Оно как внутренняя сторона *сознания в целом* представляет собой его сущность, которая внутри себя также двойственна. И для ее рассмотрения исследование совершает **«малый виток»** мыслительной спирали, *специально* рассмотрев *собственно сознание* или, иначе, *валюативный аспект* сознания. Этот аспект предстает сначала в виде *осознания* «технологических» связей между людьми, продиктованных внешними обстоятельствами. Затем осознаются «организационные» связи, формируемые проходящими процесс становления внутренними закономерностями процесса труда. Затем, с выделением процесса постановки цели, вычленяется сущность собственно сознания, определяемая созревшей внутренней необходимостью общего труда. Осознание связей в процессе производства выступает как осознание отношений между людьми через распределение продуктов производства. В этом проявляется сущность – общественный характер труда. Обратный «бросок» от сущности к поверхности собственно сознания на уровне *явления* дает картину профессиональных форм и, соответственно, профессиональных девиаций сознания. И, наконец, рассмотрение проявления собственно сознания в единстве с его общественной сущностью дает *действительность* собственно сознания («валюативного» сознания) – *общественное сознание*.

Затем мы возвращаемся в «бóльший круг» и продолжаем рассматривать сознание в широком смысле, перейдя к специальному рассмотрению единства его поверхности и сущности (единство знания и собственно сознания). Оно ***проявляется*** в виде *форм общественного сознания*. *Действительность* же сознания, единство его сущности и существования (а также и формы этого единства) есть *осознание* своего взаимодействия с другими людьми как взаимодействия личностей, воплощенное в различные жизненные программы, типы.

И, наконец, чтобы увенчать это весьма массивное основание тем, ради чего весь процесс затевался, – определением структуры обыденного сознания, – мы совершаем еще один «малый круг», возвращаясь к *обыденному сознанию*. Даже

краткого рассмотрения подходов к его исследованию достаточно, чтобы найти *две характерные особенности*, уже представленные в описании проблемного поля. Во-первых, большинство исследователей останавливается на рассмотрении обыденного знания (в лучшем случае – на рядоположенной последовательности знания и сознания). Это не дает возможность субординировать обыденные аспекты сторон сознания – обыденного знания и обыденного сознания. Во-вторых, выясняется, что обыденное сознание, рассмотренное в рамках «своей» повседневности, не проявляет себя как таковое, как обыденное, и, только выйдя за рамки этой повседневности, становится таковым. При исследовании обыденного сознания практически не уделяют *специального* внимания ни тому, что человек *сам себя осознает*, ни тому, что он осознает себя *вместе с другими людьми* через свою отделенность от них и свою соединенность с ними в процессе общественного производства, ни тому, *как* он это осознает. Делается вывод, что это, по всей видимости, и есть коренной вопрос исследования обыденного *сознания*.

В ходе изложения отмечается важный факт: обыденное сознание «умнеет». На сегодня наука становится непосредственной производительной силой, и знания даже рядовых людей несравнимы со знаниями прежних поколений. Но при этом проявление «обыденности» за пределами повседневности не уменьшается. Более того, оказывается, что даже носители научного знания за пределами своей «научной повседневности» предстают как носители обыденного сознания. Это позволило сделать вывод о том, что системообразующий признак обыденного сознания лежит *не в плоскости рационального мышления, а на границе рефлексии*.

Именно отсутствие *осознания своей* частичности по отношению к производственному целому формирует обыденное *знание*, а по отношению к общественному целому – обыденное *сознание*. Объективным препятствием такого осознания выступает внешнее по самой сути, количественное сопоставление участников процесса общественного производства. В той **мере**, в какой они частичны, отчуждены от целого, от общего, они лишены субъектности. Очевидно, исследование этой меры – тема отдельной научной работы. В этой же части работы по результа-

там проведенного анализа сознания и обыденного сознания сформулирован **подход к структуре обыденного сознания**. Обыденное сознание включает в себя:

- обыденное знание, не специализированное за пределами «своего» процесса разделенного труда;
- обыденное сознание (в узком смысле, собственно обыденное сознание), видящее свою разделенность, знающее об участии в общем процессе труда, но не видящее своей соединенности с другими участниками;
- самосознание на уровне «рефлектирующего рассудка»²⁸², то есть на уровне осознания себя изолированным индивидом.

Если в отношении обыденного *знания* можно говорить о частичности и невозможности увидеть процесс *производства в целом*, то в отношении *обыденного сознания* можно констатировать *неспособность* (в силу факторов, которые рассмотрены ниже) *к осознанию себя в единстве с другими людьми и обществом в целом*.

Понимание структуры обыденного сознания дает ключ к пониманию его генезиса, а именно:

- рассмотрению последовательности исторических форм сознания, возникающих в процессе его генезиса;
- определению исторических рамок обыденного сознания – от возникновения до возможного снятия.

При рассмотрении начала (природных предпосылок) *возникновения* сознания и его древнейших форм специально подчеркнут методологически важный момент единства исторического с логическим: предпосылки обозначаются через то, предпосылками чего они являются, то есть исторически более раннее определяется исторически более поздним.

²⁸² Под ним следует вообще понимать абстрагирующий и, стало быть, разделяющий рассудок, который упорствует в своих разделениях. (Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3-х томах. М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – С. 98.)

Т. н. инстинктивный труд и *начало* сознания связаны как совместная деятельность обучаемого и обучающего по передаче и усвоению еще не знаний, а *умений и навыков*.

Затем рассмотрено первобытное общество и выявлена синкретичность, неразделенность сознания его членов. Община для них была тождественна миру, а каждый из них – тождествен общине. Сознание первобытного человека не было обыденным в современном понимании, но весь его мир представлял собой *«всеобщую повседневность»*. Начавшееся разложение общины вело к формированию сознания отдельного, частного человека. И первыми шагами к этому была профанация мифа и накопление позитивного знания.

Затем анализируется процесс разложения общинной собственности.

Вначале рассматривается античное рабовладение. Важным пунктом в содержании параграфа является постановка в соответствие процессов становления форм частной собственности и становления *«частного человека»* как будущего носителя обыденного сознания. В самой античности этот человек еще только формировался, причем формирование его шло по *двум направлениям*:

- 1) как разложение общинной собственности на землю (и начало превращения землевладения в ведущую форму частной собственности по сравнению с рабовладением), как объективная основа формирования;
- 2) как деградация демоса в толпу, охлос, появление античного идиота, то есть как субъективное самоопределение, как уход от общественно признанных критериев субъектности.

Затем процесс разложения общинной собственности рассматривается уже в форме феодального землевладения. Дается определение его исторически поздним формам как *«частной собственности на землю в тонкой, но крепкой «скорлупе» общинных пережитков»*. Частичный человек продолжал складываться внутри основных классов этого общества, но разбить *«скорлупу»* общинности смогли лишь маргиналы Средневековья – буржуа, ремесленники. Отрицание старых отношений новыми горожанами нашло отражение в идеях *«ученого незнания»*, изложен-

ных мыслителями «осени Средневековья» и Возрождения через суждения Простака-Симплициссимуса, носителя карнавальных традиций Средних веков.

Наконец, далее показано, что именно сознание ремесленника-бюргера – самостоятельного производителя, работающего индивидуальными средствами и ставящего цели самому себе, связанного с другими участниками общественного производства через локальный рынок и оценивающего других через количественное и качественное сравнение, то есть знающего *меру* своей разделенности с другими, – именно это сознание является **адекватной формой обыденного сознания**.

Дальнейшее развитие производства через простую кооперацию и мануфактуру к крупному машинному производству привело к усугублению частичности каждого из участников процесса. Прогресс всех привел к деградации каждого – с точки зрения специализации знания, нерелексивности сознания и самосознания.

Наконец, что касается современных форм обыденного сознания, то, *во-первых*, показаны точки приложения полученных результатов в социальных коммуникациях. *Во-вторых*, упоминавшиеся в первой главе типы личности развернуты и соотнесены с историческими формами сознания. Обыденное сознание определено как ряд исторически более ранних форм сознания, преобразованных современной структурой общества, но не снятых ею. Эти выводы дали исследованию толчок к поиску и выявлению тенденции к снятию обыденного сознания в сообществах, осуществляющих непосредственно общественные виды деятельности.

Библиография

1. Абишев К. Человек. Индивид. Личность. – Алма-Ата: Изд-во «Казахстан», 1978. – 168 с.
2. Августин Блаженный. Исповедь. – М.: Гендальф, 1992. – 148 с.
3. Августин Блаженный. Против академиков. / Пер. и коммент. О.В. Головой – М.: ИФ РАН, «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. – 192 с.
4. Автономова Н.С. Миф: хаос и логос. // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. – М.: Политиздат, 1990. – С. 30-57.
5. Автономова Н.С. Проблема человека у позднего Фуко. // Современный человек: цели, ценности и идеалы. – М.: ИНИОН, 1988. Вып. 1. – 236 с.
6. Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. – М.: Наука, 1988. – 287 с.
7. Алексеев М.Н. Диалектическая логика. Краткий очерк. – М.: Высшая школа, 1960.
8. Алтухов В.А. Смена парадигм и формирование новой методологии. // Общественные науки и современность. – 1993. – 1. – С. 88-100.
9. Алексеев В.П. Становление человечества. – М.: Политиздат, 1984. – 462 с.
10. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. – М.: Интер-Версо, 1991. – 272 с.
11. Анчел Е. Этнос и история / Пер. с венг. М.А. Хевеши – М.: Мысль, 1988. – 126 с.
12. Арндт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. № 2. – С. 24-31.
13. Аристотель. Соч. в 4-х томах. – М.: Мысль, 1976-1983.
14. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

15. Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М.: Гл. редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1988. – 336 с.
16. Арьес Филипп. Человек перед лицом смерти.: Пер. с фр. – М.: Издательская группа «Прогресс» – Прогресс-Академия, 1992. – 528 с.
17. Институциональная экономика: новая институцион. экон. теория : учеб. для студентов вузов / А.А. Аузан, М.Е. Дорошенко, А.Н. Елисеев, Г.В. Калягин, П.В. Крючкова, Е.Н. Кудряшова, В.Л. Тамбовцев, Л.А. Тутов, А.Е. Шаститко; под общ. ред. А.А. Азуан; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, экон. фак. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 445 с.
18. Ашин Г.К. Элитология в системе общественных наук // Общественные науки и современность. — 2003. — № 4. — С. 124-134.
19. Баранов С.Т. Обыденное сознание как сфера социального бытия человека: дис. д-ра филос. наук: 09.00.03 / Баранов Станислав Трофимович. – Ставрополь, 2001. – 269 с.
20. Барг М.А. «Историческое время»: методологический аспект // Новая и Новейшая история. 1990. – № 1. – С. 64-77.
21. Барт Р. Мифологии. Mythologies. / Предисл. и пер. с фр. С. Зенкин – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 320 с.
22. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
23. Баталов Э.Я. В мире утопии: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.
24. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. - 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
25. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. / Сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
26. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания.: Пер. с англ. – М.: Медиум, 1995. – 336 с.
27. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. - 383 с.

28. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Мысль, 1991. – 391 с.
29. Библер В.С. Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога) – М.: Политиздат, 1975. – 399 с.
30. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М., Политиздат, 1991. – 412 с.
31. Библер В.С. Нравственность. Культура. Современность. (Философские раздумья о жизненных проблемах) – М.: Знание, 1990. – 62 с.
32. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Изд. 2-е, дополн. / Пер. Е.М. Лысенко. Примеч. и статья А.Я. Гуревича. – М.: Наука, 1986. – 259 с.
33. Боас Ф. Ум первобытного человека. / Пер. с англ. А.М. Водена.– URSS, 2011. – 153 с.
34. Богомолов А.С. Диалектический логос. Становление античной диалектики: Монография. – М.: Мысль, 1982. – 263 с.
35. Боннар А. Греческая цивилизация. В 3-х т. – М., Искусство, 1992.
36. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3 т. / Пер.с фр. Л.Е. Куббея; Вступ.ст.и ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Весь мир, 2006. – Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. - 551 с.
37. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3т. / Пер.с фр. Л.Е. Куббея; Вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Весь мир, 2006. – Т. 2. Игры обмена. - 655 с.
38. Бубер М. Проблема человека. (К XIX Всемир. филос. конгр.: Спец. информ. по общеакад. прогр. «Человек, наука, общество: комплекс. исслед.») / Все-рос. межвед. центр наук о человеке. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – 146 с.
39. Бубер М. Я и Ты. – М.: Высшая школа, 1993. – 173 с.
40. Бурдьё П. Рынок символической продукции. // Вопросы социологии. – 1993. – № 1-2.

41. Бурдьё П. Социология социального пространства. / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007. – 288 с.
42. Бутенко И.А. Социальное познание и мир повседневности: Горизонты и типики феноменологической социологии. / Отв. ред. Л.Г. Ионин; АН СССР, Институт социол. исслед. – М., Наука, 1987. – 141 с.
43. Быстрицкий Е.К. Практическое знание в мире человека. // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. – М.: Политиздат, 1990. – С. 210-238.
44. Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Издательство Московского университета, 1988. – 328 с.
45. Вазюлин В.А. Логика «Капитала» К. Маркса. – М.: Издательство Московского университета, 1968. – 293 с.
46. Вальденфельс Б. Повседневность как плавающий тигель рациональности. // Социологос. Общество и сферы смысла. Пер. с англ., нем., франц. / Сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1991. - Вып. 1. – 480 с.
47. Вардомацкий А.П. Сдвиг в ценностном измерении? // Социс. – 1993. – № 4. – С. 46-55.
48. Ватин И.В. Человеческая субъективность. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1984. – 318 с.
49. Введение в руморологию. Использование слухов на американских выборах. / Сост. С. Василенко. Пер. с англ. Ю. Стома. Предисл. А. Егорова. – М.: Полиграфоцентр-плюс, 2004. – 304 с.
50. Вебер М. Социология религии. // Работы М. Вебера по социологии религии и культуре. Вып. 2. – М.: ИНИОН РАН, 1991.
51. Вейдле В.В. Россия и Запад / Предисловие к публикации Е.В. Барабанова. // Вопросы философии. – 1991. – № 10.
52. Велихов Е.П., Зинченко, В.П., Лекторский, В.А. Сознание: опыт междисциплинарного исследования. // Вопросы философии. – 1988. – № 11. – С. 3–30.

53. Витгенштейн Л. Лекция об этике. // Историко-философский ежегодник. – М., 1989. – С. 238-245.
54. Витгенштейн Л. О достоверности. / Пер. Ю.А. Асеева, М.С. Козловой. // Вопросы философии. – 1991. – № 2. – С. 67-120.
55. Вичева, Д.В., Штофф В.А. Диалектика обыденного и научного знания // Философия науки. – 1980. – № 4. – С. 51-52.
56. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Интегральная природа человека: естественнонаучный и гуманитарный аспекты. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1994. – 282 с.
57. Вундт В. Миф и религия. / Перевод со 2-го, вновь переработанного, издания В. Базарова и П. Юшкевича. Под ред. проф. Овсяннико-Куликовского. – СПб., издание «Брокгауз-Ефрон», 1901. – 416 с.
58. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. / Пер. с нем. Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
59. Гайденок В.П., Смирнов Г.А. Западноевропейская наука в средние века: Общие принципы и учение о движении. – М.: Наука, 1989. – 352 с.
60. Гальперин П.Я. Лекции по психологии. – М.: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2002. – 400 с.
61. Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий. // Социологическое обозрение. Том 2. – 2002. – № 1 — С. 41-69.
62. Гарфинкель Г. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий. // Социологическое обозрение. Том 8.– 2009. – № 1. – С. 10-51.
63. Гачев Г. Национальный космо-психо-логос. // Вопросы философии. – 1994 – №1.
64. Гегель Г.Ф.В. Лекции по истории философии. – СПб: Наука, 1994.- Книга вторая. – 422 с.
65. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3-х томах. - М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – 501 с.
66. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3-х томах. – М.: Мысль, 1971. – Т. 2. – 248 с.

67. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. – М.: Мысль, 1974. - Т. 1. Наука логики. – 452 с.
68. Гегель Г.Ф.В. Соч. в 14 томах. – Т. IV. Феноменология духа. – М.-Л.: Ин-т философии АН СССР, 1959. – 488 с.
69. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. / Пер. с англ., «Прогресс» – М.: Прогресс, 1976. – 406 с.
70. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. / Сост. и авт. примеч. Н.В. Брагинская и Д.Н. Леонов. Отв. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Наука, 1987. – 218 с.
71. Горелова В.Н. Обыденное сознание как философская проблема. – Пермь, 1993. – 165 с.
72. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.
73. Грязнов А.Ф. Философия Шотландской школы. – М.: МГУ, 1979. – 127 с.
74. Грязнов А.Ф. Язык и деятельность. Критический анализ витгенштейнианства. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 152 с.
75. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. / Пер.с нем. яз. под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 2000. – 396 с.
76. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. / Пер. с нем., сост., общ. ред. и вступ. ст. А.В. Гулыги и Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 449 с.
77. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры: монография. – М.: Искусство, 1972. – 350 с.
78. Гуревич П.С. Социальная мифология. – М.: Мысль, 1983. – 175 с.
79. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. // Вопросы философии. – 1986. – № 3.
80. Гусев С.С., Пукшанский Б.Я. Обыденное мировоззрение. Структура и способности организации. – СПб: Наука, 1994. – 86 с.
81. Давыдов Ю.Н. Две бездны – два лица России. // Вопросы философии. – 1991. – № 8.
82. Джемс В. Многообразие религиозного опыта. / ИФ РАН. – Репринт. издание. – М.: Наука, 1993. – 431 с.

83. Дилигенский Г.Г. В поисках смысла и цели: Пробл. массового сознания современ. капиталист. Общества. – М., 1986. – С. 255.
84. Добронравова И.С. Синергетика: становление нелинейного мышления. – Киев: Лыбидь, 1990. – 147 с.
85. Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15 томах. – Л.: Наука, 1988. - Т. 3. – 510 с.
86. Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. – М.: Гардарики, 2002. – 523 с.
87. Дубинин И.И., Гуслякова Л.Г. Динамика обыденного сознания. – Минск: Университетское, 1985. – 135 с.
88. Духовное производство: социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. / Отв. ред. д.ф.н. В.И. Толстых. – М.: Наука, 1981. – 352 с.
89. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления / Пер. с англ. Н.М. Никольской. - М.: Совершенство, 1997. - 208 с.
90. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные. // Социология: ее метод предмет, предназначение. Работы разных лет. – М.: Канон, 1995. – С. 208-244.
91. Дугин Александр. Конспирология. [Электронный ресурс].
URL: http://modernlib.ru/books/dugin_aleksandr/konspirologiya/read/
92. Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Политическая реклама. / Е.В. Егорова-Гантман, К.В. Плешаков, В.Б. Байбакова. – М.: Центр политического консультирования «Никколо М», 1999. – 240 с.
93. Егорова-Гантман Е.В. Игры в солдатики. Политическая психология президентов. – М.: Центр политического консультирования «Никколо М», 2003. – 336 с.
94. Загадка человеческого понимания. / А.А. Яковлев, В.П. Филатов (ред.). – М., 1991. – 352 с.
95. Иванов Вячеслав. Родное и вселенское.– М.: Республика, 1994. – 428 с.
96. Ильенков Э.В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – 462 с.

97. Ильенков Э.В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. / Р.И. Косолапов, В.А. Печенев, В.И. Толстых и др. – 2-е изд. – М., Политиздат, 1983. – 360 с.
98. Ильин В.В. Критерии научности знания: Монография. – М.: Высшая школа, 1989. – 128 с.
99. Камю Альбер. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / Пер.с фр. И.Я.Волевич, Ю.М.Денисов. - М. : Политиздат, 1990. - 414с.
100. Камю А. Сочинения: Пер. с фр. – М.: Прометей, 1989. – 418 с.
101. Кантор В.К. Западничество как проблема «русского пути». // Вопросы философии. – 1993. – № 4. – С. 24 -35.
102. Капица С.П.. «Россия и мир в демографическом зеркале». 1-я лекция. // Телеканал «Культура», программа ACADEMIA. - 19.04.10. – URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/156358/video_id/156358;
103. Капица С.П.. «Россия и мир в демографическом зеркале». 2-я лекция. // Телеканал «Культура», программа ACADEMIA. - 21.04.10.– URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/156649/video_id/156649.
104. Карамзин Н.М. История государства Российского – М.: Эксмо, 2009. – 334 с.
105. Карлов Н.В. Честь имени, или О русском национальном самосознании. // Вопросы философии. – 1997. – № 4. – С. 8-9.
106. Касавин И.Т. Познание в мире традиций. / Отв. ред. В.А. Лекторский. АН СССР, Ин-т философии. – М.: Наука, 1990. – 202 с.
107. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. / ИФ РАН. – М.: Канон+, 2004. – 430 с.
108. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке: Пер.с нем. – М.: Гардарика, 1998. – 779 с.
109. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история. Проблемы теории исторического процесса. – М.: Политиздат, 1981. – 288 с.

110. Кириленко Г.Г. Самопознание и мировоззрение личности (Философско-публицистический очерк). – М.: Знание, 1988. – 64 с.
111. Кнабе Г.С. Диалектика повседневности. // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима: учеб. пособие. – М.: Индрик, 1993. – 528 с.
112. Козлова М.С. Философия и язык: критический анализ некоторых тенденций эволюции позитивизма XX века. – М.: Мысль, 1972. – 254 с.
113. Козлова Н.Н. К анализу обыденного сознания. // Философские науки. – 1984. – № 4.
114. Козлова Н.Н. Социология повседневности: переоценка ценностей. // Общие науки и современность. – 1992. – № 3. – С. 47-56.
115. Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 151 с.
116. Конан Дойль А. Собр. соч. в 8 томах. - М., Правда, 1966. – Т. 1. Рассказы о Шерлоке Холмсе. – 472 с.
117. Конрад Н.И. Запад и Восток: сборник статей. – М.: Наука, 1966. – 520 с.
118. Коршунов А.М., Мантанов В.В. Диалектика социального познания. – М.: Политиздат, 1988. – 382 с.
119. Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. – М.: Наука, 1979. – 295 с.
120. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. / Под ред. Н.И. Лапина. – М.: ИФРАН, 1994. – 245 с.
121. Кузьменко Г.А. О единстве и различии обыденного и научного сознания. // Некоторые проблемы диалектики и методологии познания. / Отв. ред. К.И. Иванова. – Ташкент: Ташк. гос. ун-т. Науч. труды. Вып. 426, 1972.
122. Кузьменко Г.А. Диалектика обыденного и научного сознания. // Некоторые проблемы диалектики и методологии познания. / Отв. ред. К.И. Иванова. – Ташкент: Ташк. гос. ун-т. Науч.труды. Вып. 452, 1973.
123. Кукушкина Е.И. Обыденное сознание, обыденный опыт и здравый смысл. // Философские науки. – 1986. – № 4.

124. Кукушкина Е.И. Познание, язык, культура: Некоторые гносеологические и социологические аспекты проблемы. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 264 с.
125. Кукушкина Е.И., Логунова Л.В. Мировоззрение, познание, практика. – М.: Политиздат, 1989. – 303 с.
126. Культурная среда и ее освоение (Материалы советских ученых к XVIII Всемирному философскому конгрессу «Философское понимание человека». Великобритания, Брайтон, 21-27 августа 1986 г.) / АН СССР. Институт философии. – М., ИФАН, 1988.
127. Лакс Дж. О плюрализме человеческой природы. // Вопросы философии. – 1992. – № 10.
128. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 608 с.
129. Леви-Строс К. Структурная антропология. / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
130. Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание.: Монография. – М.: Наука, 1980. – 358 с.
131. Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре: монография. / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. – СПб: Изд-во СПбГУКИ, 2002. – 320 с.
132. Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – 479 с.
133. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс. [Электронный текст] / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. URL: <http://www.be5.biz/ekonomika/e016/39.htm>
134. Мамардашвили Мераб. Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. / Сост. и общ. ред. Ю.П. Сенокосова. – М.: Прогресс-Культура, 1992. – 408 с.
135. Мамардашвили М.К. Проблема сознания и философское призвание. // Вопросы философии. – 1988. – № 8.
136. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Соч., 2-е изд. – Т. 3. – С. 7-544.
137. Маркс К. Капитал. Т. 1. / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Соч., 2-е изд. – Т. 23.

138. Маркс К. Капитал. Т. 2. / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Соч., 2-е изд. – Т. 24.
139. Маркс К. Капитал. Т. 3. / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Соч., 2-е изд. – Т. 25. Ч. 1-2
140. Маркс К. Экономические рукописи. / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Соч., 2-е изд. – Т. 46. Ч. 1-2.
141. Массовое сознание и массовые действия. – М.: Ин-т социологии РАН, 1994.
142. Маяк И.Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. – М.: Изд.-во МГУ, 1983. – 278 с.
143. Межуев Б.В. Кто ответит за «Большую ложь»? [Электронный ресурс] // Русский архипелаг, 2003. –
URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/povestka-usa/american-century/lie/>
144. Мелетинский Е.М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов. // Вопросы философии. – 1991. – № 10.
145. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа: Монография. – М.: Наука, 1976. – 407 с.
146. Микешина Л.А. Ценностные предпосылки в структуре научного познания. – М: Прометей, 1990. – 208 с.
147. Миронов В.В. Образы науки в современной культуре и философии. – М.: Гуманитарий, 1997. – 254 с.
148. Миронов В.В. Интервью журналу «Логос». // Логос. – 2005. – № 5 (50). – С. 5-8.
149. Миронов В.В. О соотношении идеологий, общественной психологии и общественного сознания. // Психологический журнал. – 1987. – № 4.
150. Миронов В.В. Диалектика обыденного и научного знания. // Философские науки. – 1980. – № 4.
151. Момджян К.Х. Введение в социальную философию. – М.: Высшая школа, КД «Университет», 1997. – 448 с.
152. Момджян К.Х. Социальная философия: деятельностный подход к анализу человека, общества и истории. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – 510 с.

153. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд. // Психологический журнал. – 1995. – Том 16. №1.
154. Московичи С. От коллективных представлений к социальным. (К истории одного понятия) // Вопросы социологии. – 1992. – Том 1, № 2. – С. 83-96.
155. Мунье Э. Персонализм. / Пер. Ирэны Вдовиной. – М.: Искусство, 1992. – 142 с.
156. Мур Дж.Э. Принципы этики. / Перевод с англ. Л.В. Коноваловой. – М.: Прогресс, 1984. – 327 с.
157. Найдыш Ольга. Разработка проблемы обыденного сознания в отечественной философской традиции послеоктябрьского периода [Электронный ресурс] // Философский журнал «Логосфера», 07.06.2011. – URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/1401http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/140187/87/>
158. Найдыш О.В. Обыденное сознание и мифотворчество: дис. канд. филос. наук: 09.00.01. / Ольга Вячеславовна Найдыш. – М., 2011. – 192 с.
159. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. / В.В. Налимов – М.: Прогресс, 1993. – 280 с.
160. Насонова Л.И. Духовное житие творчество личности. – М.: Искусство, 1993. – 165 с.
161. Кузанский Николай. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1979. – 488 с.
162. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений. // Известия ОРЯС – СПб: 1900. - т. V., кн. I. – С. 1146-1186.
163. Одинцова М.И. Институциональная экономика: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Изд. дом гос. ун-та Высшая школа экономики, 2009. – 396 с.
164. Ольшанский Д.В. Массовые настроения переходного времени. // Вопросы философии. – 1992. – № 4.
165. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Сборник. – М.: Радуга, 1991. – 646 с.

166. Отзвук слова. Из опыта работы спичрайтеров первого президента России. / А.Л. Ильин, В.Ф. Кадацкий, К.В. Никифоров, Л.Г. Пихоя. – М.: ЦПК «Никколо М», 1999. – 144 с.
167. Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. — 328 с.
168. Платон. Государство. Законы. Политик. / Предисл. Е.И. Темнова. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.
169. Платон. Законы / Пер.с древнегреч.А.Н.Егунова и др.. - М. : Мысль., 1999. - 830с.
170. Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. – Пг.: Изд. О. Богдановой, 1918. – URL: <http://khazarzar.skeptik.net/books/povarnin.htm>
171. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. / Пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
172. Политический Гольфстрим. Интервью с Алексеем Ситниковым. // Популярная психология. – 2004. – №6.
URL: <http://www.sitnikov.com/sitnikov/publication/?id=215>
173. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии): Монография. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
174. Проблема сознания в современной западной философии. Сборник. / Т.А. Кузьмина (ред.). – М.: Наука, 1989. – 256 с.
175. Проблема человека в западной философии. Сборник / П.С. Гуревич (сост.). – М.: Прогресс, 1988. – 546 с.
176. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. / Редакция, комментарий, указатель И.В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 2003. – 144 с.
177. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 361 с.
178. Пукшанский Б.Я. Обыденное и научное познание, их диалектическое взаимодействие. // Диалектика познания: компоненты, аспекты, уровни. – Л., 1983. – С. 70-100.

179. Пукшанский Б.Я. Обыденное знание. Опыт философского осмысления. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 154 с.
180. Пути и миражи русской культуры. Сборник. – СПб: Северо-Запад, 1994.
181. Путилин А.И. Социальные функции обыденного сознания: дис. канд. филос. наук: 09.00.11. / Александр Иванович Путилин. – Таганрог, 2009. – 146 с.
182. Рат-Вег Иштван. История человеческой глупости. / Пер. с венг. Е.Д. Калитенко и Ю.М. Рогова. – Дубна: ИЦ Феникс, 1996. – 640 с.
183. Раушенбах Б.В. К рационально-образной картине мира. // Коммунист. – 1989. – № 8.
184. Руднев В. Введение в прагмасемантику «Винни Пуха». // Винни Пух и философия обыденного языка. / Пер. с англ. Т.А. Михайловой и В.П. Руднева. Аналитич. статьи и коммент. В.П. Руднева. – М.: Гнозис, 1996. – 288 с.
185. Сартр Ж.П. Стена. Сборник. – М.: Азбука, 2006. – 224 с.
186. Сахаров А. Средневековье на пороге XXI столетия. О трагической закономерности национализма. // Свободная мысль. – 1994. – № 6.
187. Сегал А.П. Имидж – ничто, репутация – уже кое-что. // Со-Общение. – 2003. – № 4. – С. 49-52. URL: <http://www.soob.ru/n/2003/4/practice/5>
188. Сегал А.П. Как бороться со слухами. // Бизнес (Киев). – 2005. – № 17 (640), 25 апреля. – С. 82-83.
189. Сегал А.П. О фатальных ошибках в коммуникациях. //Материалы международной научной конференции «Прикладные социально-коммуникационные технологии». // Світ соціальних комунікацій: наук. журн. – Т. 8. – К.: КИМУ, ДонНУ, 2012. – 200 с. – С. 173-177.
190. Сегал А.П.. Любовь к апельсинам. // Пространство и время. – 2012. – № 3(9) – С. 225-226.
191. Сегал А.П. О фатальных ошибках в коммуникациях. // Сборник материалов межвузовской конференции МГУП «Печатные средства информации в современном обществе». – М.: Редакционно-издательский центр МГУП, № 9, 2010. – С 167-184.

192. Сегал А. Развитие рынка PR – кукурузные кампании рулят. // Советник. – 2011. – №1 (181). – С. 1.
193. Сегал Александр. Сомнительные эльфы новой волны. // Советник. – 2011. – № 11 (191). – С. 1.
URL: http://www.sovetnik.ru/journal/archive/article_5841.html
194. Сегал А.П. Коллаборация и обыденное сознание. // Материалы VI Российского философского конгресса. Философия в современном мире: диалог мировоззрений. – Том I. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2012. – С. 245 (0,1 п.л.).
195. Сегал А.П. Проблемное поле исследования обыденного сознания. // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6.
URL: <http://www.science-education.ru/113-10957>
196. Сегал А.П. Новые подходы к подготовке специалистов по связям с общественностью. // Социология образования. – 2013. – № 12. – С. 117-121.
197. Сегал А.П. Методологическая рефлексия public relations – возможна ли она? // PR-технологии в информационном обществе: материалы VIII научно-практической конференции. 11 апреля 2013 года. – СПб: Изд-во Политехнического университета. – 2013. – С 25-27.
198. Сегал А. Любите ли вы пиар, как люблю его я? // Сцена. – 2005. – №1 (33). – С. 8–9.
199. Слоттердаик П. Критика цинического разума. / Пер. с нем. А.В. Перцева. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – 584 с.
200. Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
201. Соколов Э.В. Культура и личность. – Л.: Наука, 1972. – 226 с.
202. Степин В.С. Стратегия цивилизационного развития: поиск новых ценностей. // Истины и ценности на рубеже XX-XXI вв.: Материалы симпозиума. / РАУ: Гуманит.центр; РАН: Ин-т философии. – М., 1991.
203. Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб: СПбГУП, 2011. – 408 с.

204. Судас Л.Г. Массовое сознание: в поисках новой парадигмы. – М.: Лабиринт, 1996. – 111 с.
205. Уайтхед А.Н. Способы мышления. // А.Н. Уайтхед. Избранные работы по философии. Пер. с англ. / Сост И.Т. Касавин. – М.: Прогресс, 1990. – С. 337-388.
206. Уледов А.К. Духовная жизнь общества: Проблемы методологии исследования. – М.: Мысль, 1980. – 271 с.
207. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.
208. Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. / Сост. В. Чаликова. – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.
209. Уши машут ослом: Современное социальное программирование: 2-е изд., перераб. / Д.Г. Гусев, О.А. Матвейчев, Р.Р. Хазеев, С.Ю. Чернаков. – Пермь: ООО «Студия ЗеБРА», 2008. – 192 с.
210. Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1990. – 627 с.
211. Федотова В.Г. Практическое и духовное освоение действительности. [Текст] / В.Г. Федотова. АН СССР, Ин-т философии. – М.: Наука, 1991. – 132 с.
212. Фигейредо Г. Смешная трагедия. Пьесы. / Пер. с португальского П. и С. Лиминик, А. Морова. – М.: Искусство, 1960. – 169 с.
213. Фихте И.Г. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии. Попытка принудить читателей к пониманию. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 105 с.
214. Фонвизин Д.И. Недоросль. // Собрание оригинальныхъ драматическихъ сочинений и переводовъ Дениса Ивановича Фон-Визина. Часть вторая. – М.: Тип. Н.Степанова, 1830. – 244 с.
215. Фромм Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики. / Пер. с англ. и послесл. Л.А. Чернышевой. – Мн.: Коллегиум, 1992. – 253 с.

216. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году. / Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб: Наука, 2007. – 480 с.
217. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности. // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 35-40.
218. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер., вступ. ст., комм. и указ. В.В. Бибикина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
219. Хейзинга Й. Осень средневековья. / Вст. ст. и пер. Д.В. Сильвестрова, закл. ст. А.В. Михайлова, комм. Д.Э. Харитонович. – М.: Наука, 1988. – 544 с.
220. Ходорыч А. Печатная действительность. // «Коммерсантъ-Деньги». – 2005. – 21 февраля. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=549010>
221. Хомский, Ноам. Прибыль на людях.: Неoliberalизм и мировой порядок / Пер.с англ. Б.М. Скуратова. - М.: Праксис, 2002. – 256 с.
222. Чельшев П.В. Обыденное сознание как проблема истории философии: дис. д-ра филос. наук: 09.00.03. / Павел Валентинович Чельшев. – М., 2009. – 316 с.
223. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. / Пер. с фр. под ред. Н.Г. Осиповой. – М.: Socio-Logos, 1997. – 317 с.
224. Шампань Патрик. Манифестация: производство политического события. // Вопросы социологии. – 1992. – Том 1, №2. – С. 35-59.
225. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. // Вопросы философии. – 1992. – № 6. – С. 91-105.
226. Швырев В.С. Научное познание как деятельность. – М.: Изд-во полит. лит., 1984. – 232 с.
227. Штофф В.А. Введение в методологию научного познания. – Л.: Изд. Ленинградского ун-та, 1972. – 264 с.
228. Штраус Л. Введение в политическую философию: Сборник статей. / Пер.с англ. М. Фетисова. – М.: Логос-Праксис, 2000. – 364 с.
229. Шукин В.Г. Культурный мир русского западника. // Вопросы философии. – 1992. – №5. – С. 74-86.

230. Щюц А. Структура повседневного мышления. / А. Щюц. Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129-137.
231. Щюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках [Текст]. // Американская социологическая мысль: сб. науч. работ. / Под ред. В.И. Добренкова. – М.: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996. – С. 526-541.
232. Элиаде М. Аспекты мифа. / Перевод В. Большакова; ст., комм. Е. Строгановой. – М.: Изд. центр «ACADEMIA», ИНВЕСТ-ППП, 1996. – 240 с.
233. Элиаде М. Священное и мирское. / Пер. с фр., пред. и комм. Н.К. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
234. Эльконина Л., Эльконин Б.Д. Знаковое опосредование, волшебная сказка и субъектность действия. //Вестник МГУ. Серия «Психология». – 1993. – Ж. 2. – С. 62-70.
235. Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. / Пер. с лат. П.К. Губера, ред. перев. С.П. Маркиша, ст. и комм. Л.Е. Пинского. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 166 с.
236. Юнг К.Г. Архетип и символ: Сб. работ./ Пер. В.В. Зеленского М.: Издательство "Ренессанс" СП "ИВО-Сид",1991. - 304 С.
237. Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина. Общ. ред. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
238. Якобсон Р. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.
239. Ясперс К. Духовная ситуация времени. / Пер. с нем. М.И. Левиной. – М.: АСТ, 2013. – 287 с.
240. Ясперс К. Смысл и назначение истории. / Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.